

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающей **А. Н. Петрова**

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Кутырев В. А., Каржина Г. А.</i> Сознание цивилизации эпохи трансмодерна.....	5
<i>Гусарова М. А.</i> Проблема поиска духовных основ российского правосознания в философской концепции А. С. Хомякова.....	12
<i>Батурина И. В.</i> Философия творчества И. А. Ильина.....	17
<i>Винничук А. А.</i> Генезис русской философской публицистики.....	21

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Иванова А. А., Иванов А. В.</i> Нижегородская ярмарка: «меновый двор Европы с Азией» (к двухсотлетию открытия Нижегородской ярмарки).....	29
<i>Хабибрахманова О. А.</i> Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-е гг.	36
<i>Вторушин М. И.</i> Кризис идейно-политических установок общественности Сибири начала XX в.	39
<i>Волкова А. И.</i> Работа редакции периодического издания Курской губернии в начале XX в. (на примере редакторской деятельности Курской губернской ученой архивной комиссии).....	46

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ильченко Н. М., Бесстрашнов В. А.</i> Символика перстня в повести Н. А. Мельгунова «Кто же он?» и традиция русской романтической повести.....	51
<i>Осипова Н. О.</i> “Ното Ludens” в автобиографической поэме русского зарубежья.....	56
<i>Быстрова Т. Е.</i> Фразеологизмы в ранних фельетонах А. П. Чехова «Осколки московской жизни».....	67
<i>Ахметзянова Л. М.</i> Специфика идиостиля А. Введенского в рамках литературы абсурда.....	71
<i>Левицкая Н. Е.</i> Пейзажный дискурс лирики Олега Чухонцева: функциональный аспект.....	76
<i>Комовская Е. В.</i> Стереотипы пелевинской обсерватории.....	83
<i>Замалютдинова Э. Р., Сафонова С. С., Рахматуллина Д. Э.</i> Субстантивы-характеристики внутреннего мира героя в произведениях Г. Манна и их переводах на русский язык.....	87
<i>Лызлов А. И.</i> Оценочные признаки концептов «волк» и «овца» во фразеологизмах английского языка.....	93
<i>Башмакова И. С.</i> Имя собственное: семиотические и когнитивные аспекты перевода.....	98
<i>Ресутова Э. И.</i> Морфологические кальки как способ образования общественно-политической лексики в крымскотатарском языке.....	104
Сведения об авторах	108
Information about authors	110

CONTENTS

- Kutyrev V. A., Karzhina G. A.* Consciousness of a civilization of an era of a postmodernism
- Gusarova M. A.* The Problem of Finding Foundation of Justice in Russian Philosophical Concept of A. Khomyakov
- Baturina I. V. A.* Ilyin's philosophy of creativity
- Vinnichuk A. A.* Genesis of Russian philosophical publicism
- Ivanov A. V., Ivanova A. A.* Nizhny Novgorod Fair: "The Exchange Yard of Europe and Asia" (On the Bicentenary of the Nizhny Novgorod Fair establishing)
- Habibrahmanova O. A.* Politics of the Soviet authority on maintenance of scientific intelligency of Tatarstan in 1920–1930
- Vtorushin M. I.* Ideological and Political Crisis of the Siberian Community in the Beginning of the 20th Century
- Volkova A. I.* Work of Periodicals Editorial Kursk Province in the Beginning of XX Century (on the Example Editorial Activity Kursk Provincial Scientific Archival Commission)
- Ilchenko N., Besstrashnov V.* Symbols of a Ring in The Story of N. A. Melgunov "Who is He?", Russian Tradition and Romantic Stories
- Osipova N. O.* *Homo Ludens* as seen by Russian emigration autobiographical Poetry
- Bystrova T. E.* Idioms in early skits A. Chekhov's "Pieces of life in Moscow"
- Akhmetzyanova L. M.* The specificity of A. Vvedensky's idiostyle within the literature of the absurd
- Komovskaya E. V.* Stereotypes of pelevinsky observatory
- Zamalyutdinova E. R., Safonova S. S., Rakhmatullina D. E.* Nouns-characteristics of the men's mental world in works by H. Mann and their Russian translations
- Lyzlov A. I.* Axiological Features of the Concepts "Wolf" And "Sheep" in English Phraseological Units
- Bashmakova I. S.* Proper Name: Semiotic & Cognitive Aspects Of Translation
- Resutova E. I.* Morphological calques as a way of forming the social – political lexicon in the Crimean Tatar language

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 001.18+130.3

В. А. Кутырев, Г. А. Каржина

Сознание цивилизации эпохи трансмодерна

В статье рассматривается процесс превращения мудрости и сознания в дигитально-техническое мышление, отвечающее только на вопрос «как». Этот процесс становится основным для современной цивилизации, приносит великие блага и угрозы одновременно. Движущей силой изменений выступают наука и технология, при этом сама наука трансформируется в технологию, а образование – в программирование. В новых условиях мы имеем дело с технонаукой, которая, отказываясь от смыслов, переходит на цифры, абсолютизируя выраженное ими количество. Статус бытия человека в новых условиях соотносится с несоизмеримым по отношению к человеку миром микро(нано)размерностей. Такой процесс представляется как эпоха самоотрицания Человечества, его также можно оценивать как вялотекущий «конец света». Наше положение безнадежно, значит надо сделать все, чтобы его изменить. Мы должны культивировать философию сопротивления.

We consider the transformation of wisdom and consciousness in digitally-technical thinking, which responds for the question “how”. It becomes the foundation of modern civilization, bringing great benefits. But thus science is transformed into technology education in programming. Technoscience, the combination of technology and science as disciplines use of technology to aid science and vice versa. We consider such process has a negative side, because words and meanings, goes to the figures. Status of being given incommensurate with the man, the world of micro (nano) dimensions. Humanity has entered an era of self-denial. This is sluggish the “end of the world”. Our situation is hopeless, that it needs do everything to change it. We must cultivate the philosophy of resistance.

Ключевые слова: мудрость, цивилизация, технологии, логос, матезис, образование, информация, трансмодерн, компьютеризация, микромир, феноменология.

Keywords: wisdom, technology, logos, mathesis, education, information, computerization, the microcosm, phenomenology.

Если историю человечества рисовать предельно широкими мазками, то она выглядит как движение от варварства к культуре и от культуры к цивилизации. В символической сфере этому примерно соответствует переход от мифа к логосу и от логоса к матезису. Так шёл процесс рационализации мира, или, с лёгкой руки постмодернизма, пропуская логос, таково было движение «от поэмы к математике».

Особенность современной, XX–XXI вв., цивилизации в том, что, идя по этому пути и непрерывно глобализуясь, она накопила огромные, немыслимые в прежние времена богатства, а её рациональность стала технико-информационной. Превратившись в потребительское общество, создаваемое и регулируемое разного рода технологиями с вкраплением традиций и культурных форм, она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, всё более производительному социотехническому образованию, в котором человек – только средство этого развития. На повестке дня – технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества. Возникает цивилизация универсальных систем и сетей (цусс), или «Технос», который по своему смыслу и завершению будет постчеловеческим.

Это чрезвычайно успешное по условиям быта и комфорту образование (общество). Почти рай! Но все способные видеть дальше своего носа люди говорят о его кризисе, конце истории и смерти человека. Так чего не хватает человечеству для полноценной жизни или хотя бы выживания (демографически его авангард вымирает буквально), не говоря о гармонии и счастье? Неужели энергии? Денег? Вещей и информации? Да сколько можно! И сколько нужно? «Передовые» страны от них просто задыхаются, не зная, как утилизировать, на что/кого истратить, куда выбросить. Тем не менее разного рода средств и богатств кажется все мало, ставится задача бесконечного «увеличения ВВП». Отказавшись от идеи устойчивости, цивилизация бросилась, несётся по

пути бесцельного, без образца и идеала, научно-технологического инновационизма, который неизвестно куда ведёт, и велика вероятность, что к Апокалипсису. Симптоматично, что об Апокалипсисе всё время говорят, ожидают и переносят на ближайшие два-три года. Она сорвалась с тормозов, ножного, ручного, а главное – головного и лишается встроенного в себя, регулирующего её разума. Становится сначала бездуховной, а теперь уже без(д)умной. В этом трагедия нашей цивилизации. *Превращаясь в постчеловеческую, в постобщество, она вступает в эпоху трансмодерна.* А люди – пленники этого процесса. И если чего ей/нам сейчас не хватает, то, конечно, Мудрости. Мудрости использования или неиспользования энергии, богатств, информации. *Мудрости в (не)использовании техники и технологий.* Где мы ее потеряли и продолжаем терять?

* * *

Человечество никогда не было особенно мудрым, на что издавна сетовали его великие представители. Наше время отличается тем, что дефицит мудрости приобретает сущностный, структурный характер. Она изгоняется из современной жизни и отношений «как класс», как форма духа. Перестает быть целью и считаться «высшим уровнем знания». Оказывается не нужной в принципе. Даже вредной, тормозящей, мешающей. «Наука не мыслит», утверждал М. Хайдеггер. Возможно, это жёстко сказано или неудачно переведено, но то, что она «не размышляет» – вполне очевидно. Отвечая на вопрос «как», она практически перестала спрашивать «почему» и «зачем», отказываясь от рефлексии, то есть созна(ва)ния, ограничиваясь техномышлением. Это происходит особенно по достижению цивилизацией информационной, «новационной» стадии. Отсюда соответствующее отношение к философии, к духовности, когда вместо любви к мудрости культивируется равнодушие или ненависть к ней – «фобиософия».

В конце XX в. философско-культурологическим выражением вступления цивилизации в технико-информационную стадию стал постмодернизм. Если его сузить до «философии», то постструктурализм. А это – *постлого(с)центризм!* Конечной целью провозглашенной в нём деконструкции онто(бытия)-тео(Бога)-фоно(эмпирии)-фалло(телесности)-лого(слово)центризма был логос. «Классическое» рациональное познание мира по законам логики и на естественном языке – главная мишень в критике теоретического центризма. Пожертвовать логосом, отказаться от сознания – вот что требует постструктуралистская (не)философия. Пожертвовать языком, отказаться от слова – вот о чём говорит она человеку. Логофобия, логотомия – зафиксированные в словарях, специфические категории постмодернизма, предназначенные для борьбы с логосом. Его «лоботомии». Руинизации предметного мира и рас/за/чистки места для Иного. Борьбы не с какой-то там древней мудростью или духом, а с рациональностью и пониманием, которые тоже больше не нужны и которыми тоже нужно – «пожертвовать». Борьбы *со смыслом.*

Значит ли это, что постмодернизм отказывается от мышления вообще? Нет. Оно сохраняется, однако при условии, если это будет «письмо». Письмо не буквенное («голос», «звуковое»), а археписьмо, состоящее из «грамм», грамматология. То есть если оно не качественное, а количественное, не словесное, а цифровое. Если вместо логоса – матезис, топос. *Исчисление.* И лучше, когда оно не «ручное» (головой), а информационно-компьютерное, основывающееся на принципе «следа и различия». Математически «говоря» – в битах (граммах): 1001010001110... Граммы как единицы письма – преврат(щен)ное, гуманитарное имя для битов как единиц информации. Это тоже рациональность, но постчеловеческая, когнитивная и машинная – *авторациональность Техноса.* Это тоже мышление, только трансцендентально-когнитивное, но, в отличие от гуссерлевского трансцендентализма, уже без интенциональности, «абсолютно внешнее» у Ж. Делеза, т. е. «без о-сознания». Без рефлексии. Мышление как программирование, как чистый (виртуальный) интеллект, в пределе – *Искусственный Интеллект.* И тогда наступает эпоха трансмодерна (транс – сквозь, через, переход в Иное) [1]. Если говорить о мире в целом, то, другими словами, это есть эпоха «конца света». Собственно человеческого мира и торжества зомби, роботов, наноботов под прикрытием эвтаназийной лжи о будто бы нашем бессмертии в/через них.

В классической философии привычно думать, что всякое мышление есть сознание, логос, язык, что это словесное обозначение предметного содержания, его обработка и движение в понятиях, суждениях и умозаключениях, которые, в конце концов, дают нам модель мира, позволяют ставить цели и решать задачи по выживанию в окружающей среде. Мы все время представляем, помним, подкрепляем образами реальных предметов то, о чем с-мыслим и ведём речь. В целом оно должно служить нашему Благу. В прежние времена мышление без блага, не «ведущее к Храму», не ценилось или считалось опасным, о чём гласит знаменитое предостережение Симеона Полоцкого: «Разум без божьего страха держимый, меч есть от мужа безумна носимый». Потом, со времен Ф. Бэкона, как известно, стало цениться полезное знание, но полезное для человеческой жизни. Во всех случаях это было знание, соотнесенное с *мерой человека*, что, собственно, и есть главное свойство мудрости.

В отличие от него, с возникновением информационно-компьютерных технологий и отражающей этот процесс когнитизации знания, т. е. когнитивистики, возникают внутренне не связанные с целями и ценностями, чисто формальные, математические способы об/пере/работки реальности. Полу-и-полностью автоматизированное мышление-исчисление, знание-коммуникация. Рацио превращается в когницию. Рацио – это сознание, отношение между вещами, установление различия и тождества, функция от аргумента. Когницию – это когда отношение, различие, функция берутся сами по себе, как первичные, «субстанциально». Но тогда это субстанция пустоты, ничто. Пробел, ноль, различание. «Нулевой», априорный субстанциализм есть нигитология, чистая мысль, философским обоснованием которой стал трансцендентализм Канта – Гуссерля. Когнитивизм – это своего рода «научный трансцендентализм», а трансцендентализм – философия когнитивизма. Отказываясь в эпоху модерна от поэзиса и мудрости в пользу логоса и рациональности, на этапе постмодерна человечество начинает отречься уже и от последних – в пользу матезиса и техноса. В процессе когнитивной коммуникации рационально всегда быть в состоянии on-line. В нем нет предметности, образов и смыслов – в таком «смысле» оно безбытийное, от которых/ого/ оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. Что происходит при интерпретации, но культивировать способность к ней становится все труднее, ибо под влиянием формального мышления человек постепенно совсем перестает понимать, о чем, о какой реальности мыслит. И ему этого даже не надо. Вредно. В том числе в «конце и начале». Даже когда он мыслит «вручную», собственной головой. Самый абсурдный вопрос, который можно поставить при подобном без(д)умном познании, это «Откуда мы, кто мы, куда идём?» Самый абсурдный предмет в нем – философия. А самый безумный, ненужный человек – «кто рассуждает», мудрец. *Когнитивно-технологическое мышление современной цивилизации отвечает только на вопрос «как».*

Первая глава знаменитой, достойной считаться одной из главных в XX столетии, книги Ж. Деррида «О грамматологии» называется «Конец книги и начало письма» [2]. На первый взгляд название парадоксальное. Ему удивляются. Но это те, кто не видит амбивалентности когнитивной революции и превратного характера ее отражения в постмодернизме. Парадокс исчезает, если мы поймем, что письмо в данном случае не буквенное, не текстовое, а на основе постлогоцентристского (не)алфавита, дигитальное письмо-матезис. Оно действительно «после книги». Конец книги и начало компьютера, конец дискурса и начало программирования, конец о-смысл-ения и начало ис-числ-ения и, наконец, если говорить применительно к человеку непосредственно, то, что лежит в фундаменте этого процесса: *конец сознания* (человеческого) и *начало мышления* (постчеловеческого) – так разрешается мнимый парадокс Ж. Деррида. Так раскрывается тайна всего постмодернизма (в России, точнее, в Советском Союзе, не будем забывать, тоже развивавшегося, прежде всего в рамках мыследеятельного движения Г. П. Щедровицкого) как идеологии и философии Техноса. Если по аналогии с структурно-лингвистической революцией её выразить в лозунге, то будет: *There is nothing outside of the bit*. Если в начале XX в. под напором структурно-лингвистической революции и ударами Слова, языка, текста отступили на задний план, потом пали, почти умерли Природа, чувственность и мудрость, то в его конце и начале XXI в. под напором когнитивно-информационной революции вместо тех и других (не)живут Цифры, биты, информация.

В «конечном счете» бессознательно-безбытийное технологическое мышление, формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесно-бессознательное, будет осуществляться «от мозга к мозгу» (а лучше от чипа к мозгу, совсем хорошо, когда от чипа к чипу), над чем день и особенно ночь/ю/, особенно в технопарках работают представители инновационного, так называемого открытого церебрального общества. Или даже «искусственного общества» = электронного постобщества. И этот процесс забвения мудрости, дошедший до «потери сознания», всё более ускоряется. Техноинформационное, в пределе – бессмысловое (без(д)умное) мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Всё больше людей охотнее пишущих, занятых компьютерной текстурбацией, нежели говорящих и предметно действующих. А когда они говорят, их язык отрывист, схематичен, суждения рубрикаторские, действия механичные. Зато никаких противоречий, никакой пресловутой диалектики. Потеря собственно человеческого, языкового и победа полностью формализованного, программированного *принципиально антисмыслового* мышления объясняет(ся) кризис антропологии и гуманизма, переход к трансгуманизму, а точнее трансгоманизму и posthuman study, борьбу со всем реальным, еще не информационным, не виртуальным, со всем естественным и культурным в человеке – телесностью, этносом, полом, религией, моралью, образностью, духовностью, чтобы вместо этого стать «концептом», «аватаром», «персон(ой)ажем». И борьбу, конечно, с пережитками любомудрия. Оно теперь – «эзотерика». В книжных магазинах словом «метафизика» обозначаются полки с восточной и эзотерической литературой. Они еще вызывают

интерес, а в разделе «философия» в основном классическая литература (мертвых) и учебники по философии (науки). Живые люди не по обязанности туда не ходят. В отстраненности от жизненных проблем, в голой «технологичности» – причина кризиса современной философии. Став служанкой технауки, она потеряла дух мудрости. Стала полумертвой.

На безбытийное, постсознательное, посткреативное, бессмысленно-инструментальное, когнитивно-коммуникационное мышление ориентируется глобальная система образования, и это главный показатель его парадигмальности. Тестирование вместо рассуждения, спора и предварительного построения модели ответа – первичный специфицирующий признак перехода мышления от его образно-смыслового этапа к знаковому, от «поэмы к матеме», от свободы, пусть ученического, но творческого построения новой познавательной ситуации к ограниченному выбору из кем-то и где-то заранее построенной. Происшедшее насильственное внедрение тестов, с очевидностью ведущих, если стоять на лично-человеческой точке зрения, к примитивизации мышления, не просто произвол чиновников от образования или выражение их глупости, а объективный заказ прогресса на формирование «общества незнания». Не о-со-знающего, но эффективного, адаптированного к машине и потому *безумно* производительного. И когда на всех перекрестках говорят об «обществе знания», то это злостный (само)обман. На самом деле формируется общество информации и чисто технологического, в пределе, автоматического интеллекта, с вкраплением в него (пока) «субъектности», «человеческого фактора», необходимого на стыках потоков компьютерных исчислений. Чаемый идеал такого бессознательно (не)мыслящего общества хорошо выражается популярным лозунгом: «За нас думает математика». Или (и) определенная, «реализованная» математика – ИКТ, Интернет. Благодаря им/ему человек не нуждается в собственном знании, достаточно быть «компетентным» (*осведомленным* в каком-то вопросе, как толкует словарь иностранных слов). В современной ситуации – знающе-осведомленным, куда нажать в компьютере, чтобы, вытащив, «с-качав» из моря информации чужое знание, куда-то его «вставить» или зачитать по ксерокопии. Мыслить своей головой в таких условиях то же, что вести устный счет в уме или столбиком на бумаге или, стоя рядом с многокубовым экскаватором, копать землю детской лопаткой. Никто устно и не считает. В принципе, с таким же успехом можно и перестать(ну) думать, рассуждать и самостоятельно говорить. Как перестали копать/считать. Больше *не культивируют*. Ни землю, ни головы, которые, в качестве естественной и осознающих, существуют теперь «по традиции». Инерционно. В отсталых = не(до)модернизированных странах.

Институционально в системе образования принципиальный поворот от знания к компетентности зафиксирован, как известно всем компетентным людям, в положениях Болонской де(града)кларации. С неё началась технологизация и автоматизация образования, его *замена* на «управление знанием», в сущности, *управление сознанием*, т. е. программирование. E-learning, использование нейролингвистических методов и других достижений когнитивистики представляет собой постобразование как «напи(хи)тывание», наполнение обучающегося информацией «извне», без ее осознания. Самостоятельное, как обучение игре на гитаре по самоучителю. Началось с обучения иностранному языку «за две недели», но по тому же принципу можно обучать чему угодно. *Минутная личность*. В таком случае XXI в. будет не веком образования, как объявляют на тех же перекрестках, а веком программирования, не веком творчества, а веком автоматизации всего, в том числе мысли. Веком постчеловека. А предварительно, слово «образованный» не будет ли означать «запрограммированный», посткреативный, то есть ограниченный, (п)оглупевший и для реальной, не (в) компьютерной жизни потерянный? Не будет ли это «мыслящий зомби»? Потерявший сознание, т. е. не о-сознающий, что и зачем мыслит. Чтобы потом перестать мыслить вообще. Очевидно, что в ближайшее время без/д/умно новационные теоретики *трансгресса* человека к бессмертному искусственному интеллекту будут считать интерпретирующее мышление таким же архаическим, как мудрость, духовность и (теперь уже) логос-языковая рациональность, а его/их живых носителей – патриотами, консерваторами и опасными фундаменталистами. Произ/ходит/ойдет это незаметно, в режиме эвтаназии, под наркотизирующие крики о гаджетизме и инновациях. Мы не будем знать, когда нас не будет. Если, конечно, всё не рухнет раньше под тяжестью результатов нашей, катастрофически ограниченной в понимании направления и целей, деятельности.

Фундирует и возглавляет эту деятельность наука и «научная философия», которые в эпоху постмодерна целенаправленно повели борьбу с условиями человеческого бытия как таковыми. Жа-ждут, работают над достижением «конца света». Античеловеческие, несовместимые с жизнью идеи культивируются не в фантазиях, не в обывательских спекуляциях желтой прессы, а на передовых рубежах современного познания. Его «самые умные», ученые (!) представители начали отказываться от мира, в котором живут. В основном, правда, делая это бессознательно. Но как они «дошли до жизни такой»?

В отличие от метафизической философии, которая только стремилась стать точной и «строгой» (да и то не вся), наука, прежде всего физика, гордилась, что достигает подобного состояния на самом деле. Тенденция, ярко выразившаяся в позитивизме до середины XX в., основной заботой которого был поиск критериев такой точности. Однако с открытием микромира и появлением неклассической науки, идеям понятийной чистоты и опоре на наблюдаемые факты был нанесен смертельный удар. Изнутри самой науки. Хотя физики не любят это признавать, с тех пор их теоретические тексты не выдерживают критики с точки зрения строгости категориального аппарата. Чего только не появилось в постпозитивистских подходах: никогда не наблюдаемые кварки, из которых состоит «всё», гипотетический вакуум, из которого выводится «всё», струны, составляющие «всё», хотя это ещё было в пределах логической культуры. На фоне разыгравшейся «инфляции» они стали готовить «супы», варить «бульоны», «клей», рыли «туннели» и «кротовые норы». Физические понятия стали цветными, чётными/нечётными, появились таинственные чёрные дыры, недавно сменившиеся тёмной (=чёрной?) материей, которая, хотя по определению неопределяемая, но составляет, как определенно подсчитано, $\frac{3}{4}$ (?) от материи как таковой. Если это не образы и метафоры, не мировоззренческие, иногда прямо сближающиеся с мифологией, а порой и мистикой, конструкции, то что же такое метафизика? За что ее третировали, начиная с позитивизма? Метафизиками с некоторых пор стали физики, только старая метафизика была осмотрительнее и аналогии насчет устройства Вселенной брала в природе, а не на кухне.

Вполне правдоподобно предположить, что этот кризис понятийного аппарата науки был выражением нарастающего несоответствия «размерностей» нашего жизненного мира и тех миров, «измерений», с которыми и когда она начала иметь дело в XX в.

Но именно был, ибо теперь – новый поворот: в последнее время, то есть в постнеклассической науке, среди ученых-физиков возникла тенденция к единству и совместному отказу от метафор и расплывчатых понятий. Поворот к «строгости»! Однако за счет чего?

Это происходит по мере того как физика уходит из макромира в микро- и мегамиры еще дальше. И «глубже», к наноразмерностям, когда она окончательно перестает рассуждать о вещах и телах. (В вузах последние «кафедры твердого тела» переименовываются в «кафедры конденсированных состояний».) Когда явления макромира теряют свою субстанциальность, «самость» и начинают рассматриваться как про-явления микропроцессов. Отсюда следует, что любое «настоящее» познание сразу переводит все проблемы на микроуровень. Подлинное знание теперь «там». Соответственно, естественные языки, возникшие в макромире, перестают использоваться при обсуждении проблем современной постнеклассической физики. Тем самым удается избавиться от сомнительных метафор, символов, расплывчатых, дву- и многозначных понятий. Образное, даже смысловое сознание постепенно заменяется формульным, формализованным. В пределе, происходит отказ от семантики, от смысла, от о-сознания, что действительно даёт некую гарантию от соскальзывания в обычное, естественное, лого(с)центричное человеческое мышление. И... физика постепенно перестаёт быть физикой. Становится сначала геометродинамикой, потом «универсальной теорией симметрии», «теорией метрических отношений элементов произвольной природы» и, наконец, уже/даже дегеометризируясь – «алгебраической структурой». Никакого «клея», «чёрных дыр», «туннелей», чистота и строгий порядок. И... естествознание окончательно перестает быть «познанием естества», наукой в традиционном смысле слова. Отсюда толки о «конце науки». Чувственная, вещно-предметная реальность макромира исчезает как таковая. То есть в теоретизировании исчезает сам макромир, наше бытие, сама «реальная реальность». Включая пространственно-временные отношения. Потому что все превращается в математику. Даже, как видим, не в геометрию, несущую на себе печать отражения его/ее пространственных характеристик, а лучше в алгебру, дигиталистику, исчисление. *В науке произошел когнитивно-дигитально-информационный по(пере)ворот.*

С распространением так называемой эвереттовской, многомировой интерпретации (ММИ) квантовой механики он становится парадигмальным. «Никаких “многих классических миров” на самом деле нет», – пишет ее сторонник и «расширитель» М. Б. Менский [3]. Есть только один мир, этот мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции. Лишь каждая из компонент суперпозиции по отдельности соответствует тому, что наше сознание воспринимает как картину классического мира и разным членам суперпозиции соответствуют разные картины. Каждый классический мир представляет собой лишь одну «классическую проекцию» квантового мира. Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя, тогда как сам квантовый мир «существует независимо от какого то ни было наблюдателя» [4]. Из этого емкого «нового слова» о сущности квантовой механики вытекает много чего необычного, революционного для сложившихся представлений в физике и науке вообще. Но обсуждать, принимать или не принимать

предлагаемые новшества, – не нашего ума дело. И только как любой живой человек, живущий в «этом» мире, среде тел и вещей, даже если бы и (не)физик, я имею право заметить, что многомирие в данной концепции весьма странное, какое-то одностороннее. *Статус подлинного бытия отдается несоизмеримому с человеком миру микро(нано)размерностей*, одному-единственному, изучаемому квантовой механикой и математикой и используемому нанотехнологиями. Который, оказывается, *существует независимо от наблюдателя* (какое сальто по отношению к традиционному=(!)неклассическому, «копенгагенскому» подходу!). Все остальные «классические и неклассические миры» – его проекции, феномены, при условии, если квантовый математик по своей остаточной человеческой доброте и теоретической снисходительности допускает, что кто-то, их = нас, трехмерных и макроразмерных осознает. Что кто-то нас, наблюдая и вычисляя, «выбирает». (Хотя бы.) Конструирует. (Будем надеяться.) Ещё надежнее, что (бы) мы там (были) запрограммированы...

Кажется, начинает проясняться, куда идет дело, кто и где обладает реальным бытием. Но не для всех, особенно если они пленники своих теоретических занятий. Тогда нет предела уверенности и восторгам в утверждении самоотрицания. «Истинно существует некий, воспринимаемый только математическим разумом квантовый мир математических форм – алгебр наблюдаемых, недистрибутивных решеток и т. д. Его можно также назвать, следуя В. Гейзенбергу и В. Фоку, миром «объективно существующих потенциальных возможностей». При измерении происходит, аналогично, например, превращению света в звук, «превращение этих математических объектов в физически воспринимаемые результаты наблюдений» [5]. В общем, причиной всего сущего, или, говоря метафизически, субстанцией бытия (об)является математика. Число. Цифры. И, разумеется, математика не XIX в., не школьная, «человеческая», а «прикладная», то есть техническая, машинная, компьютерная, ставшая теперь фактически основной. В виде вычисления и программирования информации (не случайно факультеты «традиционной математики» лишаются самостоятельности и включаются в факультеты вычисления и программирования). Результатом этого является наш мир – «физически воспринимаемые результаты наблюдений». Не материя обладает свойством информации, а информация кодируется той или иной формой материи: It's from bit. И не человек теперь наблюдатель, а также вычислитель, наоборот, он результат, продукт наблюдений, а также вычислений. Поистине, *переворот миров!* Да что тут удивительного, если «...согласно ММИ человек – это волновая функция, которая является частью квантового состояния, представляющего собой мир, который, в свою очередь, является одной из компонент суперпозиции многих квантовых состояний, образующих то Состояние, которое является Вселенной» [6].

Таким образом, из квантово-информационного состояния никому никуда не вырваться. Кроме него ничего не мыслится. Автор, вернее, «последняя волновая функция», не дает ни человеку, ни предметной реальности хотя бы статуса феномена. Потому что их пока никто не измерил и не оцифровал. Это отказ не только от классического, но и от неклассического мировоззрения, представленного как релятивистской, так и «копенгагенской интерпретацией» микромира. В результате получается, что Земля, её природа, жизнь, люди, все события на ней, как и другие планеты, короче говоря, весь «этот свет» – «вторичные качества», а лучше, если посмотреть на него «подлиннее», – отсутствует. *Для современной, т. е. когнитивной науки он, собственно человеческий жизненный мир, – кончился.* Ситуация, которую удачно, хотя как всегда хитроумно, выразил своей знаменитой формулой Ж. Деррида: «И вот – зола». (Наше) бытие – это ничто. Вместо него – *Иное* (тот свет).

Но все-таки оно/он/иное что-то: информация. Вернее, оно/она теперь – *Всё*. Информация, коммуникация и есть бытие. Разумеется, для тех, кто отождествляет себя и мир с ней и чье сознание, когда оно ясное, означает «состоявшийся вычислительный процесс», а неясное – «процесс, который не сошелся». В конце концов, дело дошло до представлений об эволюции земной жизни, а потом всей Вселенной как «эволюции Информации». Которая изначально не что иное, как «глобальное галактическое информационное поле, продолжительность которого многократно превышает время жизни носителей этого поля – отдельных разумных цивилизаций и развивающееся по собственным законам» [7]. В «инонизме» происходит своего рода информационная смерть Вселенной, как в XIX в., когда боялись тепловой. Но боялись. Информационной почему-то не боятся. Не только человек как живое, целостное существо, но даже отделившийся от него чистый Разум больше «не венец творения». Потому что «эволюция бесконечна», «прогресс не останавливается». И всё-таки его готовы остановить, если в качестве бытия вместо материи, энергии или напоминающего о чем-то человеческом Разума признать «Галактические информационные поля». «Поля» тут, конечно, не колхозные или фермерские и даже не электрические, а просто – слово (не преодоленная образность человеческого мышления). «Слово» и галактики (не преодоленный пережиток материально-энергетического универсума). Остается одна чистая форма, «голая»

информация, ее «биты/атомы», как элементарные частицы континуума Ничто. Вот она – венец творения! Оказывается, конец прогресса возможен, существует. Ради универсальности информации можно пожертвовать даже прогрессом. И эволюционная эпистемология сливается с информатиологией. Дальше уйти человеку от себя, кажется, больше некуда. Это сциентистское одичание, это техникстское умопомешательство, эта идеология «Матрицы» братьев Вачовски (технически она уже реализуется в разработке World Wide Grid – «Мировой решетки»), называемая когнитизацией познания, захватывает в нем одну сферу за другой. Если в постмодернизме процесс трансформации мира в виртуальное состояние как-то (само)маскировался, ибо его представители в той или иной степени понимали, что он значит для человека, то растущее число представителей когнитивной науки как постфилософии совсем утрачивает способность к мировоззренческой рефлексии. Они полны научного энтузиазма и иск(о)ренне, по сути не ведают, что т(го)воряют, применяя свой редукционизм ко всему, что возможно и невозможно [8].

Полагают, что если что-то «оцифровать», то это и будет означать: познали. Если, предварительно переведя в информацию, что-то уничтожить, хоть все живое, это будет означать: сохранили. Когда Эйнштейна спросили, всё ли можно описать средствами науки, он ответил, что можно, но не имеет смысла. Это всё равно как симфонию Бетховена выразить графиком изменения давления воздуха. Но так теперь слушают музыку жизни. Все больше. «Они не видят и не слышат, живут в сем мире, как впотъмах», – так сокрушался поэт о современных ему обывателях. Теперь тьма наступает – научная. Без(с)мысле – информационное. Безжизненность – техногенная. Эпоха Трансмодерна означает, что время нигилизма кончилось. Наступает время «позитива». Позитива, но – *Иного*, того, что будет после человека. Сейчас это означает переход к трансгомонизму как процессу нашей смерти, маскируемой болтовней о бессмертии. Да, бессмертие будет, искусственное тело создадут, только виртуально-техническое, без живых людей. «Тёмное Трансвековье». *Время Mortido*.

Собственно говоря, это ситуация экспансии на мир мировоззрения человека, проводящего время жизни в основном за компьютером и занятого либо программированием, либо пользованием. Например, «компьютерного физика», ставящего будто бы лабораторные эксперименты. Или подростка, который, раз/с(по)лагаясь на диване, будто бы мужает в опасных приключениях. Домохозяйки, выбирающей покупки будто бы на торгах. В любом случае с кругозором, не выходящим за рамки экрана. Его интересы ограничены виртуальностью, жизненные силы и волевое начало подорваны, все вопросы, даже быта, решаются посредством отчужденной технической коммуникации. Номо informaticus, с (о)наноактивностью «человека без органов», оператора с мировоззрением «что вижу, то имею». Свое «ускользающее бытие», «недобытие», постбытие, он выдает за полноценное бытие, объявляя возможное действительным, а виртуальное – реальным. И наоборот, реальное считает виртуальным. Внутреннее, духовное заменяется внешним, технологическим. Физические, пространственно-временные вещи действительно труп бытия, «зола», они действительно вытесняются «вещами сознания», в лучшем случае симулякрами, когда «копия важнее оригинала». Для «него» и все больше «нас», так оно и есть. Предметный мир, жизнь, тело и чувственность, понимающее (с)мысл(ш)ление – то, что считалось подлинным, предстает вторичным, мнимым, а абстрактное, формальное, мнимое – первым, подлинным. Что бы ни говорили теоретические жучки-водомерки, Маркс, увы, был прав: бытие определяет сознание. Небытие тоже определяет сознание. Возникает «сознание небытия». И сознание превращения во что-то другое = сознание «транс»(модернизма) – начавшегося Конца (нашего) света как его эвтаназийно-апокалиптической «перезагрузки». Ради иноми(е)рного бытия на Том = нов(ационн)ом свете. Борьба этих миров. За и вокруг человека. Пока.

Наше положение безнадежно, значит, надо сделать всё, чтобы его изменить.

Примечания

1. См.: Кутырёв В. А. Философия Иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 21–34; № 12. С. 3–19.
2. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
3. Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 413–435.
4. Там же. С. 424.
5. Гриб А. А. Квантовый детерминизм и свобода воли // Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. С. 23.
6. Вайдман Л. «Раздвоение сознания» у нейтрона, или Почему мы должны верить в многомировую интерпретацию квантовой теории // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 183.
7. Панов А. Д. Разум как промежуточное звено эволюции материи и программа seti // Философские науки. 2003. № 9. С. 137.

8. *Анисов А. М.* Вычислительная метамодель реальности и проблема истины // Логические исследования. Вып. 13. М., 2006. С. 24–46; *Мальчукова Н. В.* Исчислительная природа языка как основание обобщенной теоретико-лингвистической концепции // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2005. № 1. С. 99–103; *Медушевский А. Н.* Когнитивно-информационная теория как новая парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–93.

Notes

1. See: *Kutyryov V. A.* Filosofija Inogo ili nebytijnij smysl transmodernizma [The philosophy of the Other, or Non-being sense of transmodernism] // Voprosy filosofii - Questions of philosophy. 2005, № 7, pp. 21–34; № 12, pp. 3–19.
2. *Derrida Zh.* O grammatologii [On grammatology] / Transl. from Fr. and introd. N. Avtonomova. M. Ad Marginem. 2000. 512 p.
3. *Menskij M. B.* Konceptcija soznaniija v kontekste kvantovoj mehaniki [Concept of consciousness in context of quantum mechanics] // Uspehi fizicheskikh nauk - Advances in physical sciences. 2005. Vol. 175, № 4, pp. 413–435.
4. Ibid. P. 424.
5. *Grib A. A.* Kvantovyy determinizm i svoboda voli [Quantum determinism and free will] // Filosofija nauki - Philosophy of science. Vyp. 14. Ontologija nauki. M., 2009, s. 23.
6. *Vajdman L.* "Razdvoenie soznaniija" u nejtrona, ili Pochemu my dolzhny verit' v mnogomirovujuu interpretaciju kvantovoj teorii ["Split of consciousness" of the neutron or Why we should believe in the "many-worlds" interpretation of quantum theory"] // Virtualistika: jekzistencial'nye i jepistemologicheskie aspekty - Virtualistics: existential and epistemological aspects. M. 2004, pp. 183.
7. *Panov A. D.* Razum kak promezhutochnoe zveno jevoljucii materii i programma seti [Intelligence as an intermediate link of evolution of matter and the seti program] // Filosofskie nauki - Philosophical Sciences. 2003. № 9, pp. 137.
8. *Anisov A. M.* Vychislitel'naja metamodel' real'nosti i problema istiny [Computational meta-model of reality and the problem of truth] // Logicheskie issledovanija - Logical investigations. Is. 13. M. 2006. Pp. 24–46; *Mal'chukova N. V.* Ischislitel'naja priroda jazyka kak osnovanie obobshhennoj teoretiko-lingvisticheskoj koncepcii [Calculated nature of language as the theoretical basis of the generalized linguistic theory] // Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoi akademii - News of Irkutsk State Economic Academy. 2005 № 1, pp. 99–103; *Medushevskij A. N.* Kognitivno-informacionnaja teorija kak novaja paradigma gumanitarnogo poznanija [Cognitive information theory as a new paradigm of humanitarian knowledge] // Vopr. Filos. - Questions of philosophy. 2009. № 10, pp. 70–93.

УДК 130.123

М. А. Гусарова

Проблема поиска духовных основ российского правосознания в философской концепции А. С. Хомякова

В статье рассматриваются духовные основы российского правосознания в философском творчестве известного славянофила А. С. Хомякова. Выявляется приоритетность нравственных и религиозных основ над формально-логическими, что обусловило формирование уникальных свойств и черт российского правосознания как части духовной жизни русского народа. Анализируются объективные факторы, связанные с духовным влиянием Византии на российскую социокультурную реальность. Рассматриваются способы совершенствования социально-правовой реальности посредством массового просвещения, развития книгопечатания и умеренного государственного контроля над этими процессами, а также массового религиозно-нравственного просвещения, предложенные А. С. Хомяковым. Автором подчеркивается значимость традиционалистского подхода к объяснению правовой реальности, представленного в трудах А. С. Хомякова, а также социальный потенциал правосознания как регулятивной «силы» в современных условиях построения правового государства и гражданского общества в России.

In article spiritual basics of the Russian sense of justice in philosophical creativity of the famous Slavophile A. S. Homyakov are covered. Priority of moral and religious bases over formal and logical comes to light that caused formation of unique properties and lines of the Russian sense of justice as parts of spiritual life of the Russian people. The objective factors connected with spiritual influence of Byzantium on the Russian sociocultural reality. Ways of improvement of social and legal reality by means of mass education, development of publishing and moderate state control over these processes, and also mass religious and moral education, offered by A. S. Homyakov are considered. The author emphasizes the importance of the traditionalist approach to an explanation of legal reality presented in works Ampere-second. Homyakov, and also the social potential of sense of justice as regulatory "force" in modern conditions of creation of the constitutional state and civil society in Russia.

Ключевые слова: правовое сознание, славянофилы, народное сознание, духовный кризис, правовая идеология.

Keywords: legal consciousness, philosophical theory of the Slavophiles, national consciousness, a spiritual crisis, legal ideology.

XIX в. был временем интенсивных изменений во всех сферах российского общества. Геополитические, международные, социокультурные события, охватившие Россию, способствовали подъему отечественной науки и философского знания, стимулировали рост интереса к вопросам национальной самоидентичности, особенностям национальной культуры. Вместе с тем процесс европеизации и интеграции России в мировое сообщество еще более обострил социальную поляризацию, в результате чего в духовной культуре XIX в. произошел глубокий разрыв между образом жизни, взглядами, идеями высшего сословия и простым народом с его традиционно русским сознанием и укладом жизни.

Впервые проблема осмысления духовного «раскола» в российском обществе XIX в. нашла отражение в учениях славянофилов, защищавших в споре с западниками идею самобытности русской культуры и уникальности исторического пути России. В связи с этим следует подробнее остановиться на социально-философской концепции виднейшего представителя славянофильства А. С. Хомякова, в трудах которого проблема духовных основ российского права и правосознания проходит красной нитью.

Как известно, одной из центральных категорий в философии славянофилов является соборность, которую А. С. Хомяков определил как «единство во множестве», как достижение всеобщего согласия, единодушия в принятии значимых духовных ценностей на основе любви как к Богу, так и к ближнему. Современные исследователи И. В. Днепровская и В. Н. Засухина отмечали, что «славянофильская мировоззренческая установка на целостное восприятие мира исключает возможность противопоставления любви как духовной основы общежития праву как внешнему социальному порядку <...> Т. е. любовь как соборное общение выражается в понятиях единодушные, согласие, добровольность, которые вовсе не противоречат содержанию понятия права» [1].

Развивая идею целостности мира, А. С. Хомяков доказывал, что внешняя форма и внутреннее содержание бытия человека слиты воедино. И один из способов достижения этой целостности – в правосознании. Философ писал: «Дух жизни проникает все части великого целого, дух свободы человеческой присутствует при каждом внутреннем движении общества» [2]. Отсюда вытекает главная задача, которую, по мнению А. С. Хомякова, должен решить каждый человек в общественной жизни, заключающаяся в преодолении конфликта между внешними требованиями, установленными государством в виде норм права, и внутренней мотивацией на их исполнение.

Отечественный исследователь Н. В. Устрялов справедливо отмечал, что «право, как явление самостоятельное, как самодовлеющий принцип, решительно отвергалось славянофилами. Выражаясь современным научным языком (в терминах западноевропейской науки), они не признавали за правом специфического аргюти и отстаивали этическое аргюти права» [3]. Эта установка на приоритет нравственных и религиозных оснований над формально-логическими в теории права и правосознания у А. С. Хомякова и стала, на наш взгляд, отправным тезисом, из которого философ сделал свои главные выводы о двух взаимосвязанных между собой сферах – «законе» и «внутренней правде», христианском и светском мире. Философ отмечал, что «в законе положительном государство определяет, так сказать, постоянно свою среднюю нравственную высоту, ниже которой стоят многие его члены (что доказывается последующим усовершенствованием закона). Такова причина, почему общество не может допустить слишком быстрых скачков в своем развитии. Закон, слишком низкий для него, оскорбляя его нравственность, оставляется без внимания; слишком высокий не понят и остается без исполнения. Между тем каждый Христианин есть в одно и то же время гражданин обоих обществ, совершенного, небесного – Церкви, и несовершенного, земного – Государства. В себе совмещает он обязанности двух областей, неразрывно в нем соединенных, и при правильной внутренней и духовной жизни переносит беспрестанно уроки высшей в низшую, повинуюсь обоим» [4].

Являясь сторонником естественного подхода к праву и доказывая целесообразность теоцентристской правовой идеологии в России, А. С. Хомяков на первое место в вопросах социального устройства выдвигал христианские идеи добра, братства, соборности, достижимые только в условиях общества, в свободном социальном взаимодействии, в котором «человек или народ сознает святость и величие закона нравственного или духовного, которому подчиняет он свое существование» [5].

Искомое примирение внешних форм и внутреннего содержания социально-правового бытия Хомяков видит в институте третейского суда, в котором «человеческая правда» и право находят в согласии. В третейском суде, по мнению философа, правопорядок достигается не только и не столько принудительной силой установленного государством закона, сколько силой любви как такого способа бытия, при котором признается равенство и братство всех субъектов права, и на котором строится или должно строиться правосознание спорящих. Вне публичной состязательности, вне открытости процесса спора, согласно Хомякову, достижение правды будет затруднено, так как человек склонен обращаться к совести, к обычаю, решать вопрос на основе «враждебных страстей», затемняющих его разум.

Среди духовных ценностей, утвердившихся в русском сознании благодаря христианству, А. С. Хомяков выделял те, которые прочно легли в российское правосознание и служат примером для других народов и обществ: «Благородное смирение, кротость, соединенная с крепостью духа, неистощимое терпение, способность к самопожертвованию, правда на общем суде и глубокое почтение к нему, твердость семейных уз и верность преданию – подают всем народам утешительный пример и великий урок, достойный подражания» [6]. Нравственный закон, сформированный на этих ценностях, есть закон, свободный по своей сути. Внешний закон, по Хомякову, возникает как ограничение извне, силами природы или других людей. Из этого следует особое понимание смысла правовой науки как «науки о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т. е. о нравственных обязанностях» [7].

Из положения о различии закона позитивного и закона внутреннего у А. С. Хомякова вытекает идея о различии «законности формальной» и «законности истинной». Законность внешняя, отмечал философ, есть «призрак законности», законность истинная ощущается, «чувствуется» народным духом. Философ писал: «Это чувство принадлежит собственно России, как общине живой и органической; оно не принадлежит и не могло принадлежать условным и случайным обществам Запада, лежащим на незаконной основе завоевания» [8]. Следствием силы народного правосознания было установление в России династии Романовых, которое, согласно А. С. Хомякову, продемонстрировало силу свободного народного выбора.

Анализируя последствия основополагающих ценностей Западной Европы, Хомяков отмечал, что индивидуализм и формализм, находящиеся на вершине ее системы ценностей, привели Европу к «шаткости и раздору». Эти же ценности стали ориентирами в европейской науке о праве как совокупности законов писанных, положительных. А. С. Хомяков критиковал западноевропейскую правовую науку за ее отрыв от общей системы обязанностей, понятия человека, истины и справедливости, общего блага, отмечая, что «наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине, будь оно философское или религиозное, но составляет только часть из его общей системы философской или религиозной» [9].

Причины общественно-политических и правовых проблем современной ему России А. С. Хомяков видел, прежде всего, в разрыве между ее самобытной жизнью и искусственно привитым просвещением. По мнению философа, воспринятое извне, с Запада, знание, никогда не давало возможности развиваться аналитическим способностям русского сознания и духа. Истинное же просвещение коренится в самой народной жизни, в народном духе, мотивирующей силой которого являются совесть и духовное достоинство человека. Именно они и ложатся в основу российского правосознания как самобытного, исторически и социокультурно обусловленного явления.

А. С. Хомяков предостерегал современников от заимствования готовых социальных институтов, формальных образований с Запада, так как каждый социальный институт, по его мнению, должен являться следствием исторического развития и социокультурных особенностей государства. Философ пишет, что «всякая система, как и всякое учреждение Запада, содержит в себе решение какого-нибудь вопроса, заданного жизнью прежних веков. Перенесение этих систем на новую народную почву небезопасно и редко бывает безвредно» [10]. В результате такого копирования западных форм социального общежития проникший на российскую почву формализм, не имевший исторического обоснования, заменяет «жизненную гармонию полицейскою симметрией в науке, где он более боится заблуждений, чем ищет истины» [11].

А. С. Хомяков задается вопросом, почему же в России все же произошло расщепление сознания, потеря его целостности, если мы приняли христианство от Византии, а вместе с ним и ее идеи Просвещения. Ответ философ частично находит в тех факторах, которые привели к гибели Восточную Римскую империю. Это, во-первых, чувство культурного превосходства Византии от слияния в ней эллинского и римского элементов, которые не позволили ей «дать полного права равенства с собою тем новым народным стихиям, которые приливали к нему с Севера» [12]. Во-вторых, в византийском сознании отсутствовали прочные духовные основания, которые привели в итоге к

кризису. Эта внутренняя «раздробленность» социально-правовой жизни, по мнению философа, была следствием того, что «восточная империя была областью Эллинского просвещения личного и общественного Римского права. Её жители называли себя Эллинами в отношении к языку и мысли, римлянами в отношении к государству <...> Христианство почти не проникало в каменный Капитолий юристов: там жил и властвовал до конца дух язычества» [13]. И тот факт, что законоведение до своего крайнего развития было доведено именно в Византии и выразилось в Кодексе Юстиниана, свидетельствует, по мнению Хомякова, о следующем. Византия не смогла принять христианские идеалы, в том числе и правовые, в качестве ориентира социального развития, и, как следствие, не смогла стать образцом Христианского общества для всего мира.

И, наконец, третьим фактором, повлиявшим на потерю целостности в русском народном духе и сознании, по А. С. Хомякову, стали татарское иго и междоусобные войны князей. Однако это событие по воле Провидения обернулось для Руси не погибелью, а, наоборот, стимулом к раскрытию внутреннего потенциала русского общества. Философ подчеркивал, что татарское иго, пришедшее на русскую землю, чтобы разрушить и захватить, «сделалось орудием создания одной великой и цельной Руси, доказав своим разрушительным погромом все бессилие отдельных княжений и всю необходимость единства» [14].

Главной силой, которая позволила возродиться русскому духу и восторжествовать русскому единству в трудной исторической ситуации, согласно А. С. Хомякову, стало христианство. Философ восторженно подчеркивает, что «наша старая Русь создана самим Христианством» [15]. Именно поэтому возрождение христианских ценностей, по мнению философа, для российского общества играет главную роль.

Немаловажным фактором также выступает общественное и семейное воспитание, которое А. С. Хомяков определял как «то действие, посредством которого одно поколение приготавливает следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа» [16]. Философ отстаивал идею необходимости умеренного государственного вмешательства в дела воспитания и образования. Так, в число обязанностей государства и правительства входят «устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества, и удовлетворение тех потребностей, которых само общество еще не может удовлетворить вполне. Из этого положения следует, что правила общественного воспитания должны изменяться в каждом государстве с характером самого государства и в каждую эпоху с требованиями эпохи» [17].

В качестве мероприятий по укреплению духовного единства и профилактики «расщепленного сознания» А. С. Хомяков предлагал внедрение в школах целостного, системного образования, в результате которого у человека развиваются способности понимать, обобщать знания об окружающем мире, в результате чего у личности будет формироваться нравственно-правовое сознание высокого уровня.

Кроме этих мероприятий решению задачи нравственно-правового просвещения общества, по мнению А. С. Хомякова, способствует развитие книгопечатания, которое суть «разумное орудие общественного голоса» [18]. Философ допускал необходимость цензуры со стороны государства, которая не должна быть жесткой и излишней, должна уважать свободу «добросовестного ума», так как «честное перо требует свободы для своих честных мнений, даже для своих честных ошибок» [19].

Таким образом, будущее России А. С. Хомяков видел в возрождении исторически и социокультурно обусловленных духовных начал, базирующихся на христианских и нравственно-правовых ценностях добра, братства, справедливости, общего блага и правды. Для того чтобы быть органично принятыми общественным сознанием и найти в нем положительный отклик, именно эти ценности, по мнению философа, должны прочно лечь в основание просвещения.

Как представляется, идеи, развитые А. С. Хомяковым, не потеряли своей актуальности и сегодня. В условиях построения гражданского общества и правового государства в современной России все более возрастает социальная потребность в осознании каждым индивидом своей сопричастности к социально-правовому прогрессу, к достижению общественной солидарности в вопросах развития общества, что невозможно без единых духовных оснований в социуме. Любые изменения, происходящие без общественного одобрения, заранее обречены на провал, даже если обеспечены суровыми принудительными санкциями. Человек, наделенный от рождения свободой, должен в своем правовом сознании выработать внутренние мотивации для правомерного поведения, которые, как говорил А. С. Хомяков, должны согласоваться с «внутренней правдой». Кроме того, даже в светском государстве, каким провозглашена Российская Федерация с 1993 г., религиозный фактор оказывает сильное влияние на формирование правосознания и правового поведения большого количества российских граждан вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Таким образом, обращение к дореволюционному философскому наследию сегодня приобретает особую значимость и своевременность.

Примечания

1. Днепроvская И. В., Засухина В. Н. Соборность как принцип правовой организации общества в философии славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(20): в 2 ч. Ч. 1. С. 94.
2. Хомяков А. С. «Семирамида»: исследование истины исторических идей // Русский мир: сборник / сост. К. Королева. М.: Эксмо, 2003. С. 133.
3. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов (Идея самодержавия в славянофильской постановке) // Известия юридического факультета. Харбин, 1925. Т. I. С. 10.
4. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» / Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Изд. третье, доп. М.: Университет. тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 239–240.
5. Он же. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Изд. третье, доп. М.: Университет. тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 8.
6. Он же. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»... С. 242.
7. Он же. Мнение иностранцев о России... С. 14.
8. Он же. Мнение русских об иностранцах // Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 1. Изд. третье, доп. М.: Университет. тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 55.
9. Он же. Мнение иностранцев о России.... С. 15.
10. Он же. Мнение русских об иностранцах... С. 61.
11. Там же.
12. Он же. По поводу статьи И. В. Киреевского... С. 216.
13. Там же. С. 216–217.
14. Там же. С. 227.
15. Там же. С. 231.
16. Хомяков А. С. Об общественном воспитании в России // Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Изд. третье, доп. М.: Университет. тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 351.
17. Там же. С. 353.
18. Там же. С. 372.
19. Там же. С. 373.

Notes

1. Dneprovskaya I. V., Zasukhina V. N. Sobornost' kak princip pravovoj organizacii obshchestva v filosofii slavyanofilov [Collegiality as the principle of legal organization of society in the philosophy of the Slavophiles] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012, № 6 (20), in 2 pts, part 1, pp. 93–99
2. Homyakov A. S. «Semiramida»: issledovanie istiny istoricheskikh idej [“Semiramide”: study of the truth of historical ideas] // Russkij mir: sbornik - Russian world: Collection / Comp. K. Koroljova. M. Eksmo. 2003. P. 133.
3. Ustryalov N. V. Politicheskaya doktrina slavyanofilov (Ideya samoderzhaviya v slavyanofil'skoj postanovke) [The political doctrine of the Slavophiles (the idea of autocracy in Slavophil formulation)] // Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta - Proceedings of the Faculty of Law. Harbin. 1925. Vol. 1 P. 10.
4. Homyakov A. S. Po povodu stat'i I. V. Kireevskogo “O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii” [With regard to article by I.V. Kireyevski “On the nature of Europe's education and its relation to the education of Russia”] / Complete Works in 8 vol. Vol. 1. The third ed. Revised. M. University typography on Strastnoy Boulevard. 1900. Pp. 239–240.
5. Homyakov A. S. Mnenie inostrancev o Rossii [Opinion of foreigners about Russia] / Complete Works in 8 vol. Vol. 1. The third ed. Revised. M. University typography on Strastnoy Boulevard. 1900. P. 8.
6. Homyakov A. S. Po povodu stat'i I. V. Kireevskogo «O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii»...[With regard to article by I. V. Kireyevski “On the nature of Europe's education and its relation to the education of Russia”] P. 242.
7. Homyakov A. S. Mnenie inostrancev o Rossii.... [Opinion of foreigners about Russia ...]
8. Homyakov A. S. Mnenie russkikh ob inostrancah [Russian Opinion of the Aliens] / Complete Works in 8 vol. Vol. 1. The third ed. Revised. M. University typography on Strastnoy Boulevard. 1900. P. 55.
9. Homyakov A. S. Mnenie inostrancev o Rossii.... [Opinion of foreigners about Russia]
10. Homyakov A. S. Mnenie russkikh ob inostrancah... [Opinion of Russian about Aliens ...]
11. Ibid.
12. Homyakov A. S. Po povodu stat'i I. V. Kireevskogo... [With regard to article by I. V. Kireyevski ...]
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Homyakov A. S. Ob obshchestvennom vospitanii v Rossii [On public education in Russia] // Complete Works in 8 vol. Vol. 1. The third ed. Revised. M. University typography on Strastnoy Boulevard. 1900. P. 351.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Ibid.

Философия творчества И. А. Ильина

В данной статье рассматривается философия творчества в общей мировоззренческой системе И. А. Ильина. Эта тема актуальна в силу того, что до сих пор нет целостного понимания сущности творчества в философском наследии мыслителя. В статье впервые показано, что Ильин понимал творчество как явление религиозного порядка и одновременно разрабатывал философию этого феномена: его онтологию, гносеологию, аксиологию, антропологию и другие области. Обосновано, что философия творчества Ильина обладает терминологической спецификой, которая рассматривается в статье. Также автором вскрыта тема глубинного антропологического трагизма творчества, столь характерная для русской религиозно-философской традиции, говорится об особенностях общего мировоззрения и специфическом стиле мысли Ильина.

This article considers the philosophy of creativity in the whole context of the philosopher's world vision. This theme is urgent, because we still do not have a wholesome understanding of Ilyin's philosophical works. For the first time does the author demonstrate, that Ilyin understood creativity as a religious phenomenon; at the same time he worked out the philosophy of the subject: ontology, gnoseology, axiology, anthropology and other spheres of knowledge. It is established Ilyin's philosophy also has its specificity in terms, which is disclosed in the article. The article discovers profound anthropological tragism, much characteristic for the russian religious philosophical thought. The author also discusses peculiarities of Ilyin's world picture and his own thought style.

Ключевые слова: философия творчества, религиозная философия, творческий акт, терминологическая специфика, антропология, целостное мировоззрение Ильина.

Keywords: philosophy of creativity; religious philosophy; creative act; specificity in terms; anthropology; Ilyin's wholesome world vision.

Иван Александрович Ильин – мыслитель своеобразный в истории русской философии. По отцу – русский, по матери – немец, Ильин и был человеком и философом, в котором искали органичного соединения две культуры, что наложило значительный отпечаток на все его творчество. И. А. Ильин был личностью очень разносторонней и харизматической, блистательным оратором, публицистом, занимался политологией, правом, свободно владел немецким языком, что позволило ему стать одним из переводчиков, интерпретаторов и во многом основным в свое время носителем идей гегелевской философии в России. Творческое наследие Ильина очень обширно, и после 2006 г. в нашей стране уже издано более тридцати томов его сочинений, среди которых полностью представлены работы, ранее известные только за рубежом. Поразительно разнообразие философских интересов Ильина – от трудов по политологии и праву, на тему злободневных вопросов русской истории («Наши задачи», «Мировые причины русской революции», «О сущности правосознания», «О сопротивлении злу силою» – самая сложная и нашумевшая) до работ по религиозной философии («Аксиомы религиозного опыта», «Кризис безбожия», «Путь к очевидности», «Основы христианской культуры» и др.). Отдельный пласт в сочинениях Ильина составляют исследования, напрямую касающиеся философии творчества и проблем культуры и искусства («Основы художества. О совершенном в искусстве», цикл статей «Художник и художественность», сборник «Русские писатели, литература, театр, музыка» и «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и др.). Особняком стоит его масштабный труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», в котором Ильин выступает интерпретатором, критиком и любопытнейшим продолжателем гегелевской философии на русской почве.

Философия творчества у Ильина, которая и является предметом нашего внимания, не составляет отдельного программного раздела в его сочинениях, но косвенным образом весомо присутствует во многих его текстах. На наш взгляд, это не случайно, так как философию творчества можно считать вершиной мировоззренческой концепции Ильина, в центре которой вообще всегда стоял вопрос, что есть философия и каков ее предмет. В развитии мысли Ильина сказалось влияние Гегеля и вообще немецкой философии, так как, в отличие от многих русских мыслителей, Ильин находит Абсолют в самой философии, утверждая, что она есть адекватное понятие об абсолютности предмета [1]. Предметом же философии, а точнее особого философского, внутреннего опыта Ильин считает – ни много ни мало – самого Бога и, напрямую следуя Гегелю, утверждает, что философия приемлет в себя предмет религий [2]. Однако несколько позже Ильин от-

ходит от буквального следования Гегелю, но все равно остается в рамках проблематики поиска Абсолюта на путях человеческой мысли, активности и душевно-духовного опыта. В этом контексте и рождается внутренний нерв философии творчества Ильина, который носит уже самобытную и специфическую окраску. Рассматривая феномен творчества и творческого акта, Ильин подчеркнуто не разделяет его онтологию и методологию. Он вводит ряд специфических терминов, которые отражают как цель, так и содержание и процесс творчества. Ильин говорит о «предметности» и «овнутрении» творческого акта. Предметное восхождение творчества есть созерцание, причем особое, предполагающее самопревышение человека, в котором Предмет религиозного и творческого акта принципиально един. Как и религиозный, путь творческий невозможен без откровения и содержит свой антропологический трагизм, но гносеологические основания его совершенно иные. В творческом акте происходит овнутрение для человека религиозного предмета – как синергия, как свобода, а значит, и как преобразование бессознательного, т. е. всего человеческого существа. «Дух христианства есть дух *“овнутрения”*». «Царство Божие внутрь вас есть» (Лук. 17:21). По Ильину, предметное восхождение творчества есть созерцание, Предмет же творческого акта – Божественный, это – сама Истина и Красота. Основным способом приобщения к Божественной Предметности, по мысли Ильина, является именно созерцание: оно предполагает целостное – и гносеологическое, и онтологическое – восхождение человека к лучам Божественного бытия. Эта целостность включает в себя и вдохновение; Предметное вдохновение творчества есть созерцание. Овнутрение есть также один из процессов творческого акта, суть которого в личном духовном восприятии человеком предмета созерцания; используя терминологию самого Ильина, можно сказать, что овнутрение есть восхождение до уровня «духовной очевидности». Последнее понятие – «духовная очевидность» – и подчеркивает попытку Ильина найти абсолютное духовное содержание именно в философии, в том числе и в философии творчества. Важно сразу же подчеркнуть, что созерцание у И. А. Ильина всегда религиозно и связано с постижением высшей истинности, т. е. Божественного Предмета религиозного акта. Поэтому путь к созерцанию – центральная нить всей философии творчества Ильина, которая представляет собой душевно-духовный процесс восхождения человека к истинному, Предметному бытию. В силу этого, по Ильину, неверующему человеку принципиально отказано в творчестве изначально, поскольку такой человек лишен не только гармоничного развития, но и «духовной автономии» – внутренней свободы тайного, нетварного «я», без которой невозможно никакое творчество. *«Органическое, свободное, любящее вдохновение есть первое условие достойной, творческой жизни на земле; это вдохновение есть дуновение Божие в человеке и его земной культуре; верить, любить, вдохновляться и творить нельзя по принуждению, но только свободно; Божие дело есть живое и свободно органическое... вера в Бога... есть главный источник вдохновения... Потому что вдохновение есть состояние духовное, напряжение духа, подъем духа; и напрасно у нас по-обывательски называют вдохновением всякое “воодушевление”»* [3]. С религиозным, предметным пониманием творчества связана и проблема синергии в творчестве, которая разрабатывается Ильиным. Философ говорит о том, что в творческом акте присутствует как действие благодати Духа, так и активное, волевое служение и искание Абсолютного в самом человеке. По Ильину, в творческом акте синергия – это тоже созерцание, но уже образного, интуитивного порядка, достигающее уникальной гармонии, неотмирной радости художника, как бы непосредственно оказавшегося в благодати Царства Божьего и сосредоточившего в этом всю свою волю. В понимании творчества как синергийного акта Ильин остаётся верным только святоотеческой традиции – единственно возможному для него комментарию Евангелия и апостольских посланий. А религиозная философия творчества становится для мыслителя сокровенной реализацией нетварной, гениальной свободы человека, – свободы духовного созерцания, или сердечной очевидности. Здесь корни ильинского «вчувствования в духовный сокровенный смысл», «видения сердцем», «религиозной автономии личного духа». В понятии «синергического созерцания» заложены антроподицея и онтологизм всей философии творчества Ильина. Именно в таком контексте Абсолюта как Предмета сложнейшего внутреннего опыта и религиозного сознания раскрывается подлинная глубина и самобытность философии творчества И. А. Ильина.

Очень важной темой философии творчества Ильина является его авторское понимание красоты. Она для него является апофеозом творчества; философ всегда настаивал на целостном понимании красоты и эстетического начала вообще, заостряя внимание не на чувственной, а на духовной ее значимости. Более того, красота для Ильина, безусловно, имеет религиозное значение, основным содержанием которого является абсолютное совершенство в единстве духа и формы, что и означает явление Божественного Предмета через творческий акт. В понимании красоты, как и в осмыслении русской религиозной традиции вообще, Ильин опирается на святоотеческое наследие, из которого мыслителю ближе всего понятие «филокалия» (красотолубие),

где красота трактуется как совершенство духовного явления, означая добро, или «добротолубие», когда доброта явлена не в смысле морального совершенства, а как духовное сияние, цельность, святость. Тема красоты в философии творчества Ильина крайне важна еще и потому, что через нее он пытается открыть путь к единству духовно-созерцательной и мирской сфер, умозрительно и рационально преодолевая разделяющую их пропасть. С понятием красоты как воплощением и духовным апофеозом творчества связано философское соединение Ильиным религиозного опыта и вдохновенного созерцания. Следует отдельно подчеркнуть, что для Ильина не существовало онтологического различия путей гениальности и святости – во многом в силу интуитивно-умозрительного усвоения им истин веры. И потому в красоте, в напряжении творческого акта, по Ильину, духовная очевидность становится бытием для взыскующего человека. «Помыслить глубинным средоточием сердца совершенство Божье и пребыть в нем, пока не наполнятся им сердце и воля (акт совести): найти в себе силу любви и обратить ее (хотя бы на миг) к Богу, и потом – к людям и ко всему миру..., живому... Это есть начало: христианин приступает к “совлечению ветхого человека” (Кол. 3, 9 – 10; Еф. 4,22) и к утверждению в себе нового» [4].

Собственно, для понимания философии творчества И. А. Ильина необходим детальный анализ феномена веры в его интерпретации. На чем здесь делаются акценты? По Ильину, вера рушит обыденные устои человека: она означает изменение познания, самоуглубление и духовную зрячесть. Ильин подчеркивает, что религиозное искание не исключает участия мысли, но религия всегда неисчерпаемое, живее и больше мысли. Цельный ум, как бы изнутри зная самого себя и свою предельность, восходит к религиозному образу истины, к прозрачной ясности. Уже «в самом преддверии религиозного... человек должен осознать и примириться с тем, что он сам есть “вещь среди вещей”, но что он есть и ещё нечто, *гораздо большее*; и далее, что *религия живет в сфере этого большего...*» [5]. Восхождение религиозного опыта означает удивительную – и единственно возможную – цельность ума и сердца, душевных созерцаний и рационального восприятия мира, съединение воли, чувствования и инстинктивных импульсов, потому что только религиозное устремление делает волю человека не управляемой механическим разумом, а слитой с напряженным трепетом всего его существа. И настоящая религия никогда не носит волюнтаристический характер: она не возникает из страха, неуверенности, греха и относительного авторитета. Путь веры есть, прежде всего, предельное свободное, личностное и одинокое искание и – служение, служение предвечному Абсолюту и Благу, а не довлеющей силе и причинности.

Итак, подводя итоги анализа философии творчества Ильина, нужно отметить ее внешнюю и внутреннюю сложность, определенную разрозненность присутствующих в одном человеке разных философских культур, попытку сгладить разнородные части системы обильным введением неологизмов и терминов. Несомненным достижением Ильина, на наш взгляд, является замысел именно через творчество установить неразрывную взаимосвязь религиозного сознания и различных областей культуры. В этом контексте важно понимание Ильиным красоты как интегрирующего начала и особого духоносного события, открываемого человеком в акте творчества. Отметим, что именно в философии творчества ярко прослеживается и некоторое отступление мыслителя от русской традиции, которое выражается в чисто умозрительном и нетрагедийном соединении сфер духовной и мирской жизни. Именно поэтому в философии творчества у Ильина сам акт творчества есть превращение начала религиозного в начало онтологическое, переход от духовного созерцания к активной и волевой деятельности в той реальности, которую сам человек созидает и которой он ограничен (отсюда вырастает и философский интерес Ильина к темам зла, произвола, свободного выбора и ответственности человека – его яркая и очень самобытная работа «О сопротивлении злу силою»). Вообще философия творчества Ильина является той областью в его мировоззренческой системе, где мыслитель решает основную свою задачу – соединения метафизического и рационального, гениального и сакрального. В философии творчества это Ильину удается наиболее полно, причем не только на умозрительном, но и на интуитивном уровне, особенно в понимании и чувствовании, как уже отмечалось выше, проблемы красоты. В целом весь пафос мысли Ильина и был направлен на попытку связать духовную и мирскую сферы, философию и религию; именно в этом процессе философия творчества играла у него важнейшую роль. На философском терминологическом уровне Ильину это вполне удалось, однако его концепцию можно упрекнуть только в одном, но самом главном: в глубочайшем рационализме. Именно поэтому, например, великий историк русской философии В. В. Зеньковский не принимал его философии, проникая духовным взором религиозную драму взглядов Ильина. Показателен в этом плане анализ Зеньковским нашумевшей работы Ильина «О сопротивлении злу силою», где акцентируется основной вопрос – об отношении религиозного сознания к миру, о связи истины православия и жизни мира – вопрос самый глубинный и самый острый, причем не только непосредственно для религиозного опыта, но и для решения проблемы творчества, в том числе и

в онтологическом ее ключе. Опираясь на фундаментальные основания своей христианской антропологии, Зеньковский подчеркивает, что человек всегда живет в двух мирах: горнем, благодатном, и натуральном, естественном. По мыслителю, сама тайна жизни заключается в том, что оба эти мира с одинаковой силой влекут нас к себе, но их невозможно ни сочетать друг с другом, ни напрямую разделить и разорвать. Отсюда, по Зеньковскому, рождается вся подлинная трагедия человеческой жизни, которая рационально никак не может быть разрешена. Этот антиномический по сущности своей вопрос напрямую имеет отношение к внутреннему опыту настоящей религиозной жизни и, как особо подчеркивает Зеньковский, к смыслу творчества: «Конечно, в нашей неустранимой принадлежности к двум мирам, нераздельности и в то же время неслиянности этих двух сил в нас таится столько скорби и муки! Путь Православия есть путь исторических обид и частого отступления перед буйством злых сил, но это и есть *творческий* путь. Все, что вообще можно сделать в мире, идет лишь через наше сердце. Все внешние реформы и потрясения всегда останутся внешними, а потому и преходящими. Не проходит, а растет, не умирает, а вечно зеленеет лишь то, что внутренне стало дорого и нужно человеку, что стало путем его свободных, творческих, изнутри определенных движений...» [6] Фактически через болезненную остроту вопроса о двух принципиально разных началах в человеческой жизни Зеньковский и восходит к постижению неразрывной связи свободы, творчества, религиозного опыта и всегда исключительно чудесного проникновения лучей Абсолюта в мир.

Феномен творчества, по Зеньковскому, связывается с религиозной верой и в том, что он – исключительно внутренний, не от разума только, а от сердца путь, ведущий человека в сферу абсолютно ценного, безусловно желанного, лишенную рамок необходимости и рабства. По своей природе творчество суть процесс перехода от неустранимого натурального мира к искомому благодатному; по своей онтологии творчество укоренено в инобытии и нисходит оттуда навстречу внутренним дерзновениям уязвленного дихотомией собственного бытия человека. Как религиозный мыслитель, Зеньковский подчеркивает близость и одновременно внутреннюю тайну творчества и духовного опыта веры: как вера, так и творчество не обретаются на внешних путях, минуя свободу и внутренний мир человека, а требуют жажды спасения от неудовлетворенности этой жизнью и стремления к живой, воплощенной Истине. В этом контексте Зеньковский вспоминает дивный образ, созданный Аввой Дорофеем, рисующий Бога в центре Вселенной, а людей – по радиусам приближающимися к Нему и в силу этого сближающимися друг с другом...

Путём таких размышлений Зеньковский возвращается к основной проблематике работы Ильина «О сопротивлении злу силою», состоящей в вопросе, может ли христианство пользоваться физическим насилием, а шире – может ли Церковь оперировать силами мира для своих целей. И здесь Зеньковский, вопреки Ильину, дает исключительно отрицательный ответ, утверждая, что если бы спасение могло совершиться силами мира, вообще в рамках человеческого земного бытия, то «*Спасителю не нужно было бы приходить на землю*. Страдания и смерть Спасителя определяют спасение, но не насильственное, не внешне данное, а требующее свободного внутреннего движения нашего к Нему...» [7]. Зеньковский называет грубым натурализмом и рационализмом идею Ильина о «православном мече», говоря, что в ней есть нечто отвратительное, отдающее средневековой инквизицией, но самое главное: в ней есть признание обязательности несправедности, что внутренне противоречит сокровенным упованиям православия и евангельскому завету любви. Зеньковский подчеркивает, что Ильин не знает и не понимает проблемы и образа православного креста, где таинственным образом соединяются, пересекаются, но никогда не сливаются воедино линии земного и небесного бытия человека. Ведь победить мир по силам было только самому Христу.

Несмотря на такую основательную критику идей Ильина, Зеньковский признает его работу продуктом подлинного духовного и творческого напряжения. Именно в силу этого в книге Ильина и раскрывается глубина его собственной внутренней жизни. Зеньковский настаивает, что если отбросить всегда искусственную и мешающую патетичность речи Ильина, раскрывающую его тенденцию движения к крайнему рационализму, то на передний план выступает актуальный только для религиозного сознания вопрос о том, как и насколько совестью человека может быть принят сей мир. Зеньковский отмечает, что это – центральная и очень мучительная проблема для сознания самого Ильина, и решает он ее по-своему, на уровне своего, фактически дохристианского, миропредставления, в котором главное место занимает идея жертвенности и чувство долга: «...одной лишь жертвенной верности, только мужества и подвига требует Ильин во имя Господа, еще не дойдя до того, что правда о любви шире, полнее и продуктивнее, чем правда о долге» [8].

Подводя итог философии творчества Ильина, следует отметить, что она ясно выражает единоприродность феномена творчества, религиозной веры и подлинной свободы в человеке.

Примечания

1. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Т. 1. М., 1918. С. 173.
2. Он же. Религиозный смысл философии. Париж, 1925. С. 65.
3. Он же. Кризис безбожия. М., 1996. С. 348–349.
4. Он же. Основы христианской культуры. М., 1996. С. 304.
5. Он же. Аксиомы религиозного опыта. М.: «Рус. кн.», 2002. С. 115.
6. Зеньковский В. В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Зеньковский В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 96–120. М., 2008.
7. Там же. С. 104.
8. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека...

Notes

1. Ilyin I. A. Filosofiya Gegelya kak ucheniye o konkretnosti Boga I cheloveka [The Philosophy of Hegel as a doctrine of the concreteness of God and man]. M. Vol. 1. 1918. P. 173.
2. Ilyin I. A. Religiozny smysl filosofii [Religious meaning of philosophy]. Paris. 1925. P. 65.
3. Ilyin I. A. Krizis bezbojiya [The Crisis of atheism]. M. 1996. Pp. 348–349.
4. Ilyin I. A. Osnovy hristianskoy kultury [Fundamentals of Christian culture]. M. 1996. P. 304.
5. Ilyin I. A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience]. M. "Russian book". 2002. P. 115.
6. Zenkovsky V. V. Po povodu knigi I. A. Ilyina "O soprotivlenii zlu siloyu" [About the book of I. Ilyin, "About the resistance to evil by force"] // Zenkovsky V. V. Coll. in 4 vol. Vol. 1. Pp. 96–120. M. 2008.
7. Ibid. P. 104.
8. Ilyin I. A. Filosofiya Gegelya kak ucheniye o konkretnosti Boga I cheloveka [The Philosophy of Hegel as a doctrine of the concreteness of God and man]. M. Vol. 1. 1918. P. 173.

УДК 008

А. А. Винничук

Генезис русской философской публицистики

Цель. Определить границы понятия «философская публицистика, разграничить собственно философию и философскую публицистику, выявить существенные тенденции в историческом развитии русской философской публицистики (до 1917 г.), проследить модификацию жанра и черты традиции в нем.

Метод. Автор опирается на метод философской рефлексии, немаловажную роль в исследовании играет исторический подход, с помощью историко-генетического метода рассмотрено возникновение и развитие полемического противостояния мировоззренческих направлений в русской публицистике.

Результат. Определены основные черты философской публицистики как одного из направлений культурной деятельности и выявлены основные тенденции в ее развитии до 1917 г.

Выводы. Русская философская мысль, отраженная в публицистике, в противоположность безлико-универсальному мышлению Запада, возводит географическое положение России до уровня символа самого высокого порядка.

Background. Define the concept of "philosophical publicism", reveal distinction between the actual philosophy and philosophical publicism, identify significant trends in the historical development of Russian philosophical publicism (up to 1917), show modifications of genre and features of tradition in it.

Methods. The author relies on the method of philosophical reflection, the important role plays the historical approach, historical-genetic method reveals the origin and the development of the polemical confrontation between the ideological groups of Russian publicists.

Result. The author has defined the main features of philosophical journalism as one of the most powerful areas of cultural activity and has shown the basic tendencies in its development until 1917.

Conclusions. Russian philosophical thought, reflected in publicism, is opposed to the impersonal, universal thinking of the Western philosophy. The geographical position of Russia in philosophical publicism transforms into symbol of highest order.

Ключевые слова: русская философская публицистика, западники, славянофилы, русский духовный Ренессанс, русская мысль, ценностный кризис, русская метафизика.

Keywords: Russian philosophical publicism, Westerners, Slavophiles, Russian Spiritual Renaissance, Russian idea, crisis of values, Russian metaphysics.

Философская публицистика удовлетворяет общественный запрос на смысловое постижение жизни. Она фиксирует возникновение и развитие идей, влияющих на современную действительность, моделирует будущее, служит общественной нравственности.

Также философские публицистические тексты определяют траекторию дальнейшего социально-исторического пути. В них звучит проблематика, имеющая вневременную значимость. Философская публицистика обращается к сущностным, бытийным вопросам, влияет на формирование ценностных ориентиров общества, способствует укреплению тех или иных социальных мифов.

Публицист улавливает значимые вызовы времени, переводит их в образы и транслирует их в общественное сознание. Философская публицистика служит каналом связи между обыденным (мифологическим) и научным сознанием, обеспечивает смысловые ориентиры в условиях общественной трансформации (свидетелем одной из которых мы долгое время являлись) и ценностного кризиса.

Необходимо подчеркнуть, что целевая аудитория философского публицистического текста выходит за рамки узкого круга специалистов, на которую рассчитана, например, научная публицистика. Исследование (философское или научное) и публицистика – жанры, кардинально различающиеся по своим характеристикам. Автор философской публицистики не обязательно имеет профессиональное философское образование, гораздо важнее широта его взглядов, глубина постановки вопросов, выходящие за рамки какой бы то ни было профессиональной деятельности: экономической, медицинской, научной.

Сегодня, когда Россия и весь мир сталкиваются с различными проблемами глобального существования: религиозными, политическими, экономическими, нравственными и т. п., – значимость философской публицистики особенно актуальна. Некоторые из этих проблем уже осмысливались в прошлом, другие поставлены в тот исторический период, который принято называть «современностью».

Общеизвестна роль, которую философская публицистика играла в XIX в. и начале XX в. К этому жанру обращались многие выдающиеся деятели философской, общественной и художественной мысли: Чаадаев, Белинский, Гоголь, Бакунин, Чернышевский, Герцен, Писарев, Лавров, Толстой, Мережковский, Бердяев, Соловьев, Булгаков, Франк, Горький, Андреев и др. Зачастую выход в печать того или иного публицистического сборника, той или иной статьи вызывал широкие дискуссии, оказывал значительное влияние на формирование общественного сознания русских людей. Нередко авторы такой публицистики подвергались гонениям и даже судебным преследованиям.

Принято считать, что русская философская публицистика берет начало с появления «Философских писем» Петра Чаадаева, но, как нами будет показано, такой подход не вполне способен объяснить ее специфику. Влияние достижений мировой философии также далеко не единственный источник, с помощью которого можно было бы обосновать самобытность жанра. Во многом он складывался под влиянием социально-культурных процессов, происходивших на Руси: его предпосылки созревали уже в культуре языческой Руси, а ее христианизация сыграла важную роль в становлении русской философской культуры.

Русская философская мысль имеет своим источником произведения митрополита Иллариона, давшего философско-историческое и этико-гносеологическое толкование русской жизни, поставившего вопрос о месте русского народа в мировой истории, об историческом значении принятия им христианства.

Разрыв с церковным мировоззрением, начавшийся во второй половине XVII в. и достигший в XVIII в. своего полного выражения, поставил вопрос о создании новой идеологии. Первые построения этой новой идеологии выдвигали программу гуманизма, обоснования которого искали в чистой морали, часто – в «естественном праве» [1].

Следующий этап становления русской философской и общественной мысли приходится на конец XVIII в., когда моралистический гуманизм осложняется привнесением в него эстетического принципа. Русская интеллигенция начинает искать в эстетическом гуманизме вдохновения, опирается на него в своих общественных движениях. Но в русской интеллигенции остается одна черта из старого церковного сознания – «теургическая идея». «Теургическое беспокойство» и держит русскую мысль и совесть на высоте историософского универсализма. Так постепенно развилась и окрепла в ней обращенность к «всечеловеческим» темам, занятость «вечными» проблемами, вопросами человечества «вообще».

К концу XVIII в. моралистический гуманизм осложняется привнесением в него эстетического принципа. Эта форма гуманизма, восходящая к идее Шиллера «Schöne Seele» («Прекрасная Душа») [2], надолго становится центральной русской идеологией.

В творчестве Чаадаева смысл истории не может быть раскрыт вне идеи Церкви. В «Философическом письме» Чаадаев признает огромное духовное значение европейской традиции, высочайшую ценность культурного творчества народов Запада. Будущий прогресс, согласно Чаадаеву, возможен лишь при движении по единой исторической магистрали, уже избранной европейцами. Согласно Чаадаеву Россия отлучена от «всемирного воспитания человеческого рода» [3], присущие ей национальное самодовольство и духовный застой препятствуют осознанию и исполнению предначертанной свыше исторической миссии. Для Чаадаева культурно-исторический процесс имел сакральный характер.

Остро чувствуя и переживая священный смысл истории, Чаадаев основал свою историософию на концепции провиденциализма. Для него существование божественной воли, ведущей человечество к его «конечным целям», несомненно. Чаадаев остро чувствовал опасность эгоистического индивидуализма и предупреждал, что *то и дело вовлекаясь в произвольные действия, мы всякий раз потрясаем все мироздание* [4]. Отвергая индивидуализм, Чаадаев отрицал и свободу, считая (в отличие от «соборной» идеи славянофилов), что иной путь понимания исторического бытия человека (кроме субъективизма и провиденциализма) в принципе невозможен.

Вслед за Чаадаевым выступают другие мыслители, которые также горячо и вдохновенно защищают примат Церкви, только «истинную» Церковь они находят не в католичестве, а в православии, с которым срослась Россия. Это обстоятельство сообщает религиозной позиции указанных мыслителей возможность созвучия идеологическим исканиям русской интеллигенции.

Среди этой новой группы ярче, чем у других, выразилось разложение морального и эстетического гуманизма у Н. В. Гоголя. Моральный принцип у Гоголя оказывается бессильным, ибо в действительности душа движется не моральным, а эстетическим вдохновением. Человеческая душа, в нынешнем ее состоянии, вовсе не способна к подлинному моральному действию, то есть к любви: *Человек девятнадцатого века отталкивает от себя брата... Он готов обнять все человечество, а брата не обнимет* [5] (публицистический сборник «Выбранные места из переписки с друзьями»). Гоголь утверждает, что в Православной церкви «заключена возможность разрешения всех вопросов, которые ныне в такой остроте встали перед всем человечеством» [6]. Это и есть та новая мысль, которая стада исходным пунктом для целого ряда русских мыслителей.

Наступает время серьезной умственной работы русского общества, когда ощущалась необходимость самой разнообразной информации. При этом образованные люди интересовались всеми (или почти всеми) науками, различными отраслями хозяйства, политикой, искусством и литературой.

Славянофилы развивали основанное на религиозных представлениях учение о человеке и обществе, проявившееся, например, в учении об иерархической структуре души, о ее «центральных силах» (Хомяков) или о «внутреннем средоточии духа (Киреевский) [7]. Достижение целостности человека и связанное с этим обновление общественной жизни славянофилы усматривали в идее общины, духовной основой которой также является русская православная церковь. Исторический прогресс человечества связан с отысканием «духовного смысла».

Бакунин, Герцен, Чернышевский, а позже и Михайловский явились первыми мыслителями, которые всецело отдают себя философской публицистике, что связывается нами с их идеей непосредственного перехода работы мысли в действие, в конкретную историческую деятельность.

На путях секуляризма и построения «независимой» и автономной системы мысли главенствующей русской идеей является вера в «правду» и «красоту», но уже не столько в форме, какую этому в конце XVIII в. придавал эстетический гуманизм Шиллера.

«Современник» становится центром передовой идеологии. Вопросы, связанные с крестьянской реформой, которые постоянно обсуждались в журнале с 1857 г., постепенно снимаются с повестки дня. Они уступают место пропаганде восстания как наиболее радикального средства преодоления гнета помещиков.

Позитивизм как философское направление проникает в Россию в середине XIX в., когда на Западе уже были популярны идеи Огюста Конта. Российский позитивизм, ориентированный на контовскую традицию, переосмысливался в соответствии с задачами русской общественной мысли. Так, народничество как социально-философская теория в России развивалось под влиянием, в том числе, и позитивистских идей, направляя свой пафос против «универсализма умозрительной философии» и «всеобъемлющей истины религиозного знания» [8]. Однако философия позитивизма, объявив борьбу утопизму предшествующих интеллектуальных традиций, оказалась своеобразным вариантом утопического мышления. Это побудило появление критики позитивистских идей и развитию неоидеалистического направления в философской публицистике рубежа XIX–XX вв.

Другой чертой этого течения в философской публицистике является социально-политический радикализм, в котором по-новому углубляется чувство ответственности за историю и по-

иск путей к активному вмешательству в ее ход. Мотивы имманентизма вытесняют у М. А. Бакунина христианскую терминологию: «Человечество есть Бог, вложенный в материю», «назначение человека – перенести небо, перенести Бога, которого он в себе заключает, на землю... поднять землю до неба», «жизнь – блаженство, но такое, в котором играет буря и носятся черные тучи, чтобы объединиться в высшей гармонии» [9].

В. Г. Белинский был глубоко религиозным человеком, но его религиозные запросы не питались из Церкви. Он, как и многие представители русской интеллигенции, настойчиво отделял христианство от Церкви. В первый период творчества Белинского у него сочетаются шиллеровская эстетическая мораль с шеллинговской натурфилософией: *Весь беспредельный прекрасный Божий мир*, – так начинает Белинский свою первую статью («Литературные мечтания»), – *есть дыхание единой вечной идеи, мыслей единого вечного Бога. Для этой идеи нет конца, она живет беспрестанно* [10].

Вслед за славянофилами Герцен, также переживший сильную духовную трансформацию, поэтизирует сохраненный в русской крестьянской среде общинный дух взаимной любви и бескорыстной помощи ближнему и видит в нем альтернативу распространенному на Западе эгоистическому духу буржуазного накопительства. Как твердый последователь Гегеля, Герцен верил, что развитие человечества идёт ступенями и каждая ступень воплощается в известном народе. Герцен, смеявшийся над тем, что гегелевский бог живёт в Берлине, в сущности, перенёс этого бога в Москву, разделяя со славянофилами веру в грядущую смену германского периода славянским. В публицистике, написанной Герценом за границей (например, в письмах из “Avenue Maigny”), мыслитель постулирует отрицательное отношение к западноевропейской морали и общественным принципам, утверждая горячую веру в грядущее значение четвёртого сословия [11]. Не менее важным оказалось критическое отношение к идеализму в области философии. Так, статьи Герцена по философским вопросам «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» выдвинули идеи передового, материалистического мировоззрения.

Складывается такая противоречивая ситуация, при которой сторонники «официальной народности» не хотят ничего менять в общественной жизни, а только укреплять настоящее – самодержавие и православие. Публицисты-славянофилы критиковали недостатки русской жизни, пытались искать идеал общественного устройства в отдаленном прошлом, которое представляли слишком идеализированным.

«Западники» находили образец общественного устройства в развитии мирным путем европейских буржуазных отношений. Революционеры-демократы, желая европеизации России, не останавливались на буржуазном правопорядке. Они стремились к социализму, к справедливому обществу без эксплуатации и частной собственности.

Новый этап в развитии философской публицистики начинается с 60-х гг. XIX в., времени повального увлечения вульгарным материализмом, философская программа которого сменяется несколько позже антиметафизической по своей направленности позитивистской философией. Под влиянием проповеди народников в 70-е гг. начинается массовое «хождение в народ». Оно сменяется к концу десятилетия более радикальной идеологией революционного террора. Появляющиеся за границей тексты русских анархистов (М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина) несут в себе активный антирелигиозный и антиметафизический пафос.

Л. Н. Толстой в своей публицистике заявляет принципиальную невозможность нахождения конечной цели существования («знать не могу»), поскольку цель эта непостижима для человеческого разума. Человек может знать только, как достичь этой цели. Толстой считает, что жизнь по законам нравственности, а не по вере предков, в соответствии с русским церковным православием, несомненно, приведёт к счастью всего мира [12]. В статье «В чём моя вера?» он рассказывает, какой ключ нашел к пониманию учения Христа. Самое важное в учении Христа для писателя – любовь, смирение, возмездие добром за зло: *Учение Христа тем отличается от прежних учений, что оно руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения божеского совершенства* [13].

Лидеры петербургской группы символистов, являвшиеся также и религиозными мыслителями, философами-мистиками, в своей публицистике затрагивали проблемы, не всегда созвучные целям художественного журнала «Мир искусства», в котором развернулась их деятельность. «Мережковский и другие» противопоставляли мирискусническому девизу самоцельного творчества подход к искусству как к форме проповеди.

Во многом благодаря журналу «Русская философия и психология» складываются каноны философской полемики (полемика В. С. Соловьева с Б. Н. Чичериным и Г. Ф. Шершеневичем по вопросам этики, вызванная публикацией книги Соловьева «Оправдание добра», полемика С. Н. Трубецкого с Б. Н. Чичериным об основаниях идеализма и др.). Статьями В. С. Соловьева,

К. К. Случевского, В. В. Розанова продолжается заложенная критиками тридцатых годов традиция, согласно которой литературная критика в России становится особым жанром философствования. В статьях В. В. Розанова намечается полемика, продолжившаяся в контексте «нового религиозного сознания». В них он ставит вопросы, посвященные творчеству Н. В. Гоголя и последним годам его жизни, отмеченным религиозным обращением.

Начало XX в. входит в историю русской культуры под названием русского религиозно-философского ренессанса. Этот период отмечен бурными богословскими дискуссиями, развернувшимися на религиозно-философских собраниях и в прессе. Замыслам дискуссий была присуща двойственность. «Духовные власти» пошли на них из-за миссионерских соображений. Интеллигенты же руководствовались ожиданием от Церкви нового действия, новых откровений, нового завета. Ожидания не оправдались и, несмотря на моду, реальных последствий эти дискуссии не имели.

Из статьи в статью публицистического сборника «Проблемы идеализма» (1902 г. перешли имена П. Б. Струве, Фихте (чья «практическая философия» была раскритикована в известной статье Струве «В чем же истинный национализм?»), Канта и современных неокантианцев, Маркса и его последователей, Ницше, В. С. Соловьева, Н. К. Михайловского и сторонников его «субъективной социологии»). Причиной общественного возбуждения, вызванного сборником, явилась, разумеется, не его философская ориентация, а именно взаимосвязь его философской программы с политическими убеждениями авторов – связь философского идеализма с радикальной, социалистической и даже узкомарксистской в философском отношении традиционно материалистической («позитивистской») политической программой.

Статья С. Булгакова об Иване Карамазове раскрыла совершившийся переход Булгакова от «марксизма к идеализму» [14], а также обозначила принципы социально-религиозной утопии, которая была значима для публициста в 1900-е гг. А. Луначарский выступил против «еретической» статьи бывшего марксиста и предложил читателям концепцию свободного от узких рамок морали социального творчества. Волжский же критически проанализировал обе статьи и напомнил читателям о несовершенстве наивной веры в природную моральность человека.

Накануне первой русской революции в образованной среде обостряются противостояние идеалистических и позитивистских взглядов на общественный прогресс, его цели и задачи. Так, например, статья Н. Бердяева «Борьба за идеализм» вызывает отповедь А. Богданова – «Что такое идеализм?». Эта полемика продемонстрировала, что оппоненты сходились в признании значимости социального идеализма, который предполагал активную общественную позицию, общественную борьбу за достижение социального идеала (он каждому из публицистов виделся по-своему), который должен был быть антибуржуазным по своему характеру.

Движение русской философской и общественной мысли с 1870-х гг. не исчерпывалось позитивизмом. Русская метафизика создала оригинальную по обоснованию и формулировке старых религиозных, метафизических и моральных идей онтологию и этику Владимира Соловьева.

В полемике позитивистов и идеалистов начала века отразилась общая для русской интеллигенции ценностная установка на отрицание европейского пути развития, которая максимально полно раскрылась в споре о мещанстве. С рядом статей выступил М. Горький – «Заметки о мещанстве», «О цинизме», «Разрушение личности». Антипозитивистские позиции отстаивали в своих публикациях и Д. Мережковский – «Мещанство и русская интеллигенция», «Грядущий Хам», и Н. А. Бердяев (редактировавший журнал «Вопросы жизни») – «Революция и культура», «Демократия и мещанство». «Богоискательство» русских идеалистов и «богостроительство» русских позитивистов оказались в общей оппозиции историческому христианству (и в первую очередь Русской православной церкви).

В схожей проблематике написана и статья Н. А. Бердяева «Существует ли в православии свобода мысли и совести», которая построена в остро диалогичной форме [15]. Она является «защитной речью» в адрес Г. Федотова, русского религиозного мыслителя, историка и публициста, редактора журнала «Новый Град». В этой статье философом резко противопоставляются католицизм и православие. В размышлениях автора о сущности свободы мысли и совести, о возможности быть в первую очередь свободной личностью ощутимо звучит и момент самоадресации, проектирования высказываемого самому себе: *Может ли православный, оставаясь профессором православной духовной школы, быть демократом, социалистом, быть защитником свободы, социальной справедливости и достоинства человека?* [16]

«Вехи» (1909 г.) – особая страница истории философской публицистики. После его выхода многие интеллигенты сосредоточились на морально-нравственных, религиозно-философских исканиях, далеких от революции, а в социал-демократическом лагере появились ликвидаторство и отзовизм. В написании сборника приняли участие С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон,

А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, С. Л. Франк и П. Б. Струве и др. По меткому замечанию Н. Зернова, авторы сборника *подвергли блестящей критике противоречия философии, которую исповедовала интеллигенция, и непоследовательность ее политической программы, с удивительной точностью предсказали роковые для интеллигенции последствия выбранного ею пути* [17].

В «Вехах» была сделана попытка привлечь внимание радикальных кругов интеллигенции к личной ответственности за грядущие социальные преобразования. В том, как стремительно стала интеллигенция на стезю политической и социальной революционизации народных масс, заключался, по мнению авторов «Вех», не просто политический просчет, а ошибка нравственная, ведь прогресс общества во многом должен быть *плодом совершенствования человека, а не ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению* [18].

С. Л. Франк в «веховской» статье «Этика нигилизма» пытается вскрыть органическую связь между нигилизмом и морализмом. Он пишет: *Основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм* [19]. Добиться «диктатуры пролетариата» означает просто уничтожить политические и вообще внешние преграды. Таким образом, по его мнению, *революционизм есть лишь отражение метафизической абсолютизации ценности разрушения...* [20].

Острейшие дискуссии в среде левой интеллигенции разгорелись в 1910-е гг. на страницах журнала Амфитеатрова «Современник». Левых, как и правых, разрывали острейшие противоречия: «ликвидаторы» и «отзовисты» спорили с «партийцами»; «махисты», провозгласившие принципы коллективистской философии взамен авторитарности, и «богостроители» враждовали с ортодоксальными марксистами, наследники народников – эсеры, трудовики, энесы – полемизировали с социал-демократами, писатели-реалисты с модернистами и т. д. [21]

Для публицистики И. А. Ильина также характерно исследование духа и духовности. Оно, в свою очередь, неотделимо от предметно обоснованных выводов. Основной порок современности он усматривает в стремлении разума навязывать жизни законы человеческой логики, подчиняя таким образом жизнь умозрительным схемам. Он восстает против «предуказаний» – поиска искусственных путей и форм духовного явления.

Тема Первой мировой войны превалировала в публицистике 1910-х вплоть до событий февраля 1917 г. Показательно, что в отношении к ней разошлись не только разные фракции социал-демократов, но и бывшие единомышленниками и друзьями писатели. Так, первый номер журнала «Современный мир» (декабрь 1915 г.) открывается статьей А. М. Горького «Две души». Статья вызвала резкую критику соратников писателей и социал-демократов, а в советской критике даже имела ярлык «ошибочной». В «Двух душах» Горький высказал свой взгляд на проблему, волновавшую философов рубежа XIX и XX вв.: *какая из сил – западная рациональная или восточная иррациональная – определяет особенности национального характера в России.*

В статье «Горе побежденному!», ответной на «Две души» (опубликована в первом номере газеты «Русская воля» в 1916 г.) Леонид Андреев не принимает горьковского «пораженчества». Он доказывает, что поражение ведет к жестокости, насилию над слабым. У побежденных возникает потребность *обвинять в своем несчастье соседа и весь мир, клясть судьбу, выискивать предателей и в темных подозрениях искать убежище для своей темной тоски* [22].

Большое значение для расколотого русского общества имели опубликованные в «Новой жизни» под рубрикой «Несвоевременные мысли» статьи А. М. Горького, считавшего, что после Февральской революции в опасности оказалось не только Отечество, но, что еще страшнее, – культура.

Рассмотрев генезис такого уникального явления в русской общественной мысли, как философская публицистика, и выделив основные этапы в ее историческом развитии, мы приходим к выводу о том, что русская философская мысль, отраженная в публицистическом творчестве, более всего склонна к выработке олицетворенных образов для самоидентификации. Этим образом становится концепт «Россия». Важнейшим вопросом для неё является живая взаимосвязь чувственно сосуществующих существ – русского общества, образуемого причастными друг к другу личностями, его ориентиров, путей дальнейшего социально-исторического пути.

Уникальность русской философской публицистики, проявляющейся в освоении религиозного опыта средствами философствования, ведет к утверждению ее «особого пути». Он противопоставлен пути западному. Кажется, что отечественная философская традиция («философия страдания и прозрения») несовместима с традицией рациональной рефлексии Западной Европы, поэтому попытки интерпретировать русскую мысль как извечное выражение национальных и религиозных идей («русских идей»), объективно отливаются в формы антирациональной национальной исключительности. Здесь неизбежно возникает важнейший вопрос: «Только ли русская общественно-философская мысль страдает такой склонностью к “национальному”, а не безлико-универсальному мышлению?»

Историческая судьба России опровергает схемы, устанавливающие жесткие границы культурно-исторических ареалов Запада и Востока. Евразийское положение страны приобретает в русской культуре символическое значение для национального самосознания. Борьба «западничества», у истоков которого стоит Петр Чаадаев, и славянофильства – постоянная детерминанта развития русской философии и культуры, и, как было замечено Мерабом Мамардашвили, ничего принципиально нового взамен этой идеологической борьбе не смог предложить весь XX в.

Примечания

1. *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Л.: «ЭГО», 1991. Т. 1. С. 84.
2. Там же.
3. П. Я. Чаадаев. Философские письма. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>
4. Там же.
5. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. М.: Худож. лит., 2001. Т. 5. С. 151.
6. Там же.
7. *Киреевский И. В.* Из писем И. В. Киреевского к В. А. Жуковскому / сообщ. П. В. Жуковским // Русский архив. 1870. С. 15.
8. *Зеньковский В. В.* История русской философии...
9. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худож. лит., 1972–1974. Т. 2. С. 35–62.
10. *Белинский В. Г.* Литературные мечтания. URL: http://modernlib.ru/books/vissarion_grigorevich_belinskiy/literaturnie_mechtaniya/read_1
11. *Семенова А. Л.* Образные средства философской публицистики А. И. Герцена (на материале статьи «дилетантизм в науке») // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 128–131.
12. *Она же.* Интерпретация идей Л. Н. Толстого в публицистике идеалистов (журналы «Новый путь», «Вопросы жизни») и позитивистов и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 3.3.2. С. 12.
13. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 28. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 297.
14. *Семенова А. Л.* Русская философская публицистика начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012.
15. *Бердяев Н. А.* Существует ли в православии свобода мысли и совести. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/berdyayev.html>
16. Там же.
17. *Смирнов И., Тумов В.* Философия: учебник для студ. высш. учеб. завед. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/smirn/13.php
18. Там же.
19. *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция. URL: <http://www.vehi.net/vehi/struve.html>
20. Там же.
21. Интеллигенция – Власть – Народ. Русские источники современной социальной философии. М.: Наука, 1992.
22. *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 61.

Notes

1. *Zen'kovskij V. V.* Istorija ruskoj filosofii [History of Russian philosophy: in 2 vol.]. Leningrad. "JeGO". 1991. Vol. 1. P. 84.
2. Ibid.
3. *P. Ja. Chaadaev.* Filosofskie pis'ma. [Philosophical letters] Available at: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>
4. Ibid.
5. *Gogol' N. V.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem. [Complete works and letters] Vol. 5. M. Hudozhestvennaja literatura - Khudozh. Lit. 2001. Vol. 5. Pp. 151.
6. Ibid.
7. *Kireevskij I. V.* Iz pisem I. V. Kireevskogo k V. A. Zhukovskomu [From I. V. Kireevsky's letters to V. A. Zhukovsky] / Reported by P. V. Zhukovskiy // Russkij arhiv - Russian archive. 1870. s. 15.
8. *Zen'kovskij V. V.* Istorija ruskoj filosofii. [History of Russian philosophy...]
9. *Bakunin M. A.* Sobranie sochinenij v 5 t. [Collected works: in 5 vol.] M. Hudozhestvennaja literatura - Khudozh. Lit. 1972–1974. Vol. 2. Pp. 35, 37, 62.
10. *Belinskij V. G.* . Literaturnye mechtaniya. [Literary reveries] Available at: http://modernlib.ru/books/vissarion_grigorevich_belinskiy/literaturnie_mechtaniya/read_1
11. *Semenova A. L.* Obraznye sredstva filosofskoj publicistiki A. I. Gercena (na materiale stat'i "diletantizm v nauke") [Shaped tools of philosophical journalism of A. I. Herzen (based on the articles "dilettantism in science")] // Vestnik ruskoj hristianskoj gumanitarnoj akademii - Herald of the Russian Christian humanitarian Academy. 2012. Is. 13. № 3. Pp. 128–131
12. *Semenova A. L.* Interpretacija idej L. N. Tolstogo v publicistike idealistov (zhurnaly "Novyj put'", "Voprosy zhizni") i pozitivistov i dr. [The interpretation of the ideas of L. N. Tolstoy in journalism idealists (magazines "New

way”, “Questions of life”) and the positivists, and others] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik St. Petersburg University. 2008. Ser. 9. Is. 3. 3. 2. P. 12.

13. *Tolstoj L. N.* Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah, akademicheskoe jubilejnoe izdanie, tom 28. [Complete works: in 90 vols, vol. 28] Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Hudozhestvennoj Literatury, M. 1955. P. 297.

14. *Semenova A. L.* Russkaja filosofskaja publicistika nachala HH veka. [Russian philosophy of the early twentieth century: abstract dis. on competition of a scientific degree of the doctor of philological Sciences, specialty 10.01.10 – journalism].

15. *Berdjaev N. A.* “Sushhestvuet li v pravoslavii svoboda mysli i sovesti”. [Is there in Orthodoxy freedom of thought and conscience] Available at: <http://www.vehi.net/fedotov/berdyaev.html>

16. Ibid.

17. *Smirnov I., Titov V.* Filosofija: Uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Philosophy: the textbook for stud. of higher schools] Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/smirn/13.php

18. Ibid.

19. *Struve P. B.* «Intelligencija i revoljucija». [Intelligentsia and the revolution]. Available at: <http://www.vehi.net/vehi/struve.html>

20. Ibid.

21. Intelligencija – Vlast' – Narod. Russkie istochniki sovremennoj social'noj filosofii. [Intelligentsia – Power – People. Russian sources of modern social philosophy]. M. Nauka. 1992.

22. *Mahonina S. Ja.* Istorija russkoj zhurnalistiki nachala 20 veka: uchebnoe posobie. [History of Russian journalism of the early twentieth century: tutorial]. M. Flinta: Nauka. 2004. P. 61.

Нижегородская ярмарка: «меновый двор Европы с Азией» (к двухсотлетию открытия Нижегородской ярмарки)

Поволжский регион на протяжении веков сохранял тесные торговые связи со странами Дальнего Востока, Западной и Центральной Азии. Особую роль в становлении и развитии этих связей играл Нижний Новгород, на территории которого располагалась Нижегородская ярмарка, открытая в 1817 г. Современники называли ее «меновым двором Европы с Азией». Объем ярмарочной торговли с азиатскими странами в несколько раз превышал западноевропейский, что отражает значительную роль Нижегородской ярмарки в увеличении торгового оборота России и развитии внешнеэкономических отношений с азиатским регионом. В статье очерчены значимость и перспективы торговых связей как Поволжья, так и России в целом с азиатскими странами, связанные с существованием Нижегородской ярмарки и прерванные после установления советской власти и ликвидации ярмарки как явления, социально чуждого советскому строю.

The Volga region for centuries maintained close trade relations with the countries of the Far East, the Western and Central Asia. The city of Nizhny Novgorod played a special role in the formation and development of these ties. On its territory the famous Nizhny Novgorod Fair was located, which was established in 1817. The contemporaries called this ideal marketplace "the exchange yard of Europe and Asia". The volume of trade with Asian countries was several times higher as compared to that with countries of the Western Europe. It reflected the significant role of Nizhny Novgorod Fair in the increase of Russia's trade turnover and development of foreign economic relations with the Asian region. The article outlines the importance and prospects of trade relations of the Volga region and Russia as a whole with the Asian countries, which were associated with the existence of Nizhny Novgorod Fair and interrupted after the establishment of the Soviet power and elimination of the Fair as a phenomenon socially alien to the Soviet system.

Ключевые слова: Нижегородская ярмарка, внешнеэкономические связи, торговля, азиатские рынки.

Keywords: Nizhny Novgorod Fair, foreign economic relations, trade, Asian markets.

Petersburg is a head of the Russia, Moscow is a heart and Nizhny is a pocket.

А. П. Мельников

Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917) [1]

С древних времен река Волга служила естественной транспортной артерией, связывавшей европейские страны со странами Востока. Неслучайно поэтому Поволжье, включая Нижегородский регион, имело давние традиции внешнеторговых связей как с Европой, так и с Азией, будучи расположено на перекрестке важнейших торговых путей, ведущих из европейской России в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и страны арабского Востока.

Традиционно существовало два пути, соединявшие мусульманский Восток и Русь. «Первый – сухопутный – шел из Хорезма через контролируемые кочевниками степи в Волжскую Булгарию. Второй – более безопасный – пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря и вел в Хазарию, державшую в своих руках торговлю с Восточной Европой...» [2] Для экономического развития Руси, а затем и России, на протяжении длительного времени огромное значение имел Балтийско-Волжский путь, «достигавший Волжской Булгарии при слиянии Камы и Волги, Хазарского каганата в низовьях Волги и, наконец, Арабского халифата» [3].

Волга, пересекавшая территорию Руси с севера на юг, была издавна известна арабским географам и носила несколько названий. Один из арабских вариантов передачи тюркского наименования Волги – Атил/Итил (Ātil/Itīl) – был широко распространен не только у мусульманских писателей, но и в Византии и Западной Европе [4]. Именно по Волжскому пути, по мнению Б. Н. За-

ходера, арабы и персы получали сведения о народах Восточной Европы, в том числе и о русах [5]. Часть этих сведений попадала в страны халифата, как полагают, непосредственно от русских купцов, посещавших Багдад. О регулярных поездках русов в халифат сообщает еще арабский географ Ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 912/13), а первое появление их в Багдаде относят к началу IX в. [6]

О древнем характере торговых связей между поволжским регионом и странами Востока свидетельствуют многочисленные археологические находки, обнаруженные в культурном слое Нижнего Новгорода и его окрестностей. В результате этой торговли в Нижний Новгород попали, к примеру, стеклянные браслеты XIV в. нетипичных для Руси форм. Они изготавливались из черного непрозрачного стекла, сваренного по византийскому рецепту. Этот тип украшений был распространен на Востоке в описываемый период времени [7].

Позднее на территории Нижегородской области стали появляться и другие предметы, прежде всего, хозяйственно-бытового назначения, изготовленные восточными мастерами.

Однако расцвет торговых связей Нижегородского региона с азиатскими странами пришелся на более позднее время и был связан с промышленным подъемом российского государства. Благодаря этому подъему в России возникли ярмарки, в ряду которых значительное место занимала Нижегородская ярмарка.

Первая ярмарка в Нижнем Новгороде была открыта 20 июля 1817 г. и прошла достаточно успешно, так как привоз товаров составил 24 млн рублей. О преимуществе расположения ярмарки писал П. И. Мельников-Печерский: «...сама природа указала Нижнему Новгороду быть одним из важнейших городов мира. Географическое положение его чрезвычайно выгодно. Можно сказать, что во всей внутренней России нет другого пункта кроме Нижнего Новгорода, который был бы так удобен для отправления обширной торговли». Далее П. И. Мельников-Печерский перечисляет эти удобства: «Волга и Каспийское море представляют ему открытый путь на Кавказ, в Персию, в Среднюю Азию и даже в самую Индию. Волга, Дубовская железо-конная дорога и Дон связывают Нижний Новгород и Нижегородскую ярмарку с Турцией, Левантом, Египтом и Южной Европой. Волга и Кама сближают это место с Уральским хребтом и Сибирью, через которую идет открытый путь в Китай» [8].

Выгодное с географической точки зрения расположение Нижегородской ярмарки давало возможность восточным купцам, пользуясь торговыми привилегиями, сбывать там значительную часть поставляемых в Российскую империю товаров. В частности, 9/10 товаров, доставляемых торговыми караванами из Бухарского ханства, продавались оптом фабрикантам и местным купцам именно в Нижнем Новгороде. В удачные, с точки зрения купцов, годы стоимость товара, ввозимого из Бухары в Россию, доходила до 8 млн рублей, что служило доказательством чрезвычайной важности этих торговых связей для Бухары. Сроки прибытия и возвращения караванов варьировали в зависимости от благоприятного для прохождения караванов сезона и продолжительности работы Нижегородской ярмарки, которая открывалась в середине июля и заканчивалась примерно 20 августа. В Нижнем Новгороде бухарские купцы закупали основную часть товаров, производимых в России. По свидетельству барона Е. К. Мейендорфа, принимавшего участие в поездке в Бухарское ханство в составе дипломатической миссии А. Ф. Негри (1820–1821 гг.), «бухарцы обычно вывозят русские товары только на сумму, равную половине стоимости ввезенных. На другую половину они приобретают голландские дукаты и эю, испанские пиастры, а также русские серебряные рубли, несмотря на запрещение вывоза последних. Товары, вывозимые из

Рис. 1. Медный кувшин XVII в. (кумган). Изготовлен предположительно узбекским мастером. С ручкой и крышкой. На стенках кувшина выгравирован растительный орнамент. Дар М. А. Косарева. Поступил в Городецкий краеведческий музей в январе 1920 г. (ГРМ 581)

России, состоят из кошенили¹, гвоздики, сахара, олова, красного и синего сандалового дерева, сукна, красных кунгурских, казанских и арзамасских кож, воска, некоторого количества меда, железа, меди, стали, золотых ниток, небольших зеркал, шкурок выдры, жемчуга, русской нанки², чугунных котлов, иголок, кораллов, плюша, бумажных платков, парчи, мелкого стеклянного товара, незначительного количества русского холста и индийской кисеи³» [9]. Значительная часть купленного бухарскими купцами товара вывозилась далее в Иран.

Расширение границ государства, вовлечение в хозяйственный оборот новых территорий, приближение к зарубежным рынкам и транзитным торговым путям способствовали формированию и дальнейшему укреплению внешнеэкономических связей России с соседними странами. Развитие мануфактурного производства, возрастание роли и значимости ярмарочной торговли, цементирувавшей всероссийский рынок, возникновение новых отраслей производства, таких как хлопчатобумажная, шелкопрядильная, суконная, металлургическая, побуждали российских промышленников к расширению своей деятельности, в том числе на внешних рынках [10].

Регион Западной и Центральной Азии был чрезвычайно привлекателен с точки зрения осуществления внешнеторговой экспансии. Это было обусловлено рядом причин: наличием природных богатств, емкостью внутренних рынков и, как правило, слабостью деспотических правящих режимов, что значительно облегчало реализацию планов по расширению торговли.

С середины XVIII в. интенсивно развивались торговые отношения между Россией и **Ираном**. Российские купцы издавна сохраняли достаточно сильные позиции на рынках Гиляна (Иран). В большом количестве в Гилян доставлялись товары, которыми торговали на Нижегородской ярмарке. В числе этих товаров были полосное железо и лом, красная медь, железные, чугунные, медные, шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные и иные тканые изделия, мелочные товары, брусчатая сталь [11]. Торговля металлами и металлоизделиями составляла значительную часть российского экспорта и постоянно увеличивалась благодаря растущему спросу на этот товар. Особенно быстрый рост был зафиксирован в 40–50-х гг. XIX в. Металлы с Нижегородской ярмарки шли не только в Иран, но и в Закавказье, Среднеазиатские ханства, Китай [12].

Наращивание объемов торговли на гилянском направлении российско-иранской торговли стимулировало развитие каспийского морского торгового пароходства.

Одним из перспективных и доходных направлений торгово-экономической деятельности российских купцов и предпринимателей в Иране в первой половине XIX в. стало рыболовство. Немало отечественных купцов переориентировали свои капиталы в рыболовный промысел. Промысел белуги, осетра, севрюги, сома и некоторых других видов рыб был практически полностью монополизирован российскими купцами по всему Южному Каспию, а также вдоль юго-восточного берега моря, принадлежавшего туркменским народам. Такой подход позволил отечественным торговцам и предпринимателям серьезно укрепить свои позиции в северном Иране [13].

На протяжении всей первой половины XIX в. внешние торговые связи участников Нижегородской ярмарки постоянно развивались (таблица).

Русские и иностранные участники Нижегородской ярмарки в первой половине XIX в.

Торговцы	Число торговцев	
	1844 г.	Конец 1850-х гг.
Русские подданные:		
Русские	12 311	12 500
Татары	–	300
Армяне	1478	1500
Всего	13 789	14 300
Иностранные подданные:		
Европейские	420	485
Персидские	120	120
Бухарцы	68	70
Хивинцы	15	15
Ташкентцы	8	10
Всего	631	700
Итого	14 420	15 000

¹ Кошениль – красящее вещество красного цвета (кармин), добываемое из самок кошенильного червеца – вида насекомых из отряда полужесткокрылых (длина самок 2–4 мм, самцов – 10–12 мм).

² Нанка – сорт грубой хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи, обычно буровато-желтого цвета (от названия китайского города Нанкин).

³ Кисея (от тур. *käsi* «раскроенная материя», казах. *kasa* «вид ткани») – чрезвычайно легкая, прозрачная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.

Купцы-азиаты (персы, армяне, бухарцы), как следует из данных таблицы, в период 1840–1850 гг. составляли 11%, западноевропейские купцы – 5% от всех ярмарочных торговцев [14].

Объем азиатской торговли на ярмарке в описываемый период времени превышал западноевропейский в полтора-три раза, что отражает роль Нижегородской ярмарки в торговом обороте России с азиатскими странами. Неслучайно современники называли ярмарку «меновым двором Европы с Азией» [15]. Через нее проходило до 90% стоимости всего привоза азиатских товаров.

Главными представителями Востока во второй половине XIX – начале XX в. были, как и в первой половине XIX в., Китай, Средняя Азия, Закавказье, Персия. Среди *китайских* товаров главное место занимал чай (до 90%). Нижегородская ярмарка была главным распределительным пунктом, откуда он расходился по всей России. «В период с 1881 по 1885 г. в Россию ежегодно ввозилось в среднем 826 тыс. пудов чая на 42 812 000 руб. В 1886 г. привоз чая составил 924 тыс. пудов» [16].

Именно китайский чай определял во многом ход ярмарочной торговли. Его продавали в китайских ярмарочных рядах, называемых Китайской линией и отличавшихся оригинальностью архитектуры.

Рис. 2. Китайские ярмарочные ряды. Акварель по фотоотпечатку. Авторы А. О. Карелин и И. И. Шишкин

В Китай из Нижнего Новгорода через Кяхту отправлялись взамен лисьи хребты, лапы, хвосты, шкурки белок, кошек, выдры, выхухоли, а также украинская мерлушка⁴ [17].

Второе место после Китая занимали страны Центральной Азии. Значение центральноазиатского и, в первую очередь, *персидского* рынка для России во второй половине XIX в. увеличилось в связи с усилением спроса развивающейся текстильной промышленности на хлопок. Толчком к расширению стал повышенный спрос на хлопок в связи с хлопковым кризисом из-за войны в США. Привоз на Нижегородскую ярмарку персидского хлопка с 1860 по 1867 г. увеличился с 18 тыс. до 150 тыс. пудов.

Во второй половине XIX в. в среднем на Нижегородскую ярмарку поступало 27% всего азиатского хлопка, а в период хлопкового кризиса – 40% [18].

В конце XIX в., в связи с падением привоза хлопка, на первое место среди среднеазиатских товаров выдвинулся *каракуль*. Ввоз среднеазиатского каракуля на Нижегородскую ярмарку вырос за вторую половину XIX в. почти в 20 раз (с 0,2 млн до 4,5 млн руб.). В это время ярмарка превратилась в международный центр по продаже мехов [19].

Однако первое место по своей ценности среди персидских товаров на Нижегородской ярмарке занимала *бакалея*. Она составляла до 50% стоимости всего персидского привоза. Ассорти-

⁴ Мерлушка – шкурка ягненка грубошерстной породы овец (за исключением смушковых и метисов) в возрасте до двух недель. Характеризуется густым волосным покровом с крупными завитками.

мент бакалеи был очень разнообразен: кишмиш, грецкие орехи, фисташки, урюк, курага, миндаль, чернослив, пшено, рис. Привоз персидских товаров на протяжении XIX – начала XX в. отличался своей стабильностью и равнялся в среднем 2 млн руб. Цены на бакалейный товар были довольно высокими, а колебание их находилось в прямой зависимости от их сорта. Фисташки и миндаль стоили 10–12 руб. за пуд, курага – 2 руб. 50 коп. за пуд. Персидская бакалея расходилась с Нижегородской ярмарки по всей стране.

Немаловажными статьями персидской торговли были также торговля мерлушкой, бирюзой, чернильными орешками, спрос на которые постоянно возрастал. Если в 1866 г. ковров фарахских и хоросанских ручной работы было привезено на сумму 33 тыс. руб., то в 1896 г. – на 250 тыс. руб., привоз мерлушки за это время увеличился с 30 тыс. до 500 тыс. штук (от 100 тыс. руб. до 1 млн руб.). К числу основных товаров, которыми торговали на ярмарке, относились также шемаханские шелка, персидские лисицы, куницы и выдры, как выделанные, так и невыделанные, багдадские платки, хлопок и хлопчатобумажная пряжа. Вырученные от продажи своих товаров деньги восточные купцы тратили большей частью на закупку золотой и серебряной монеты, а на остальную сумму покупали хлопчатобумажные и шерстяные ткани, металлические и кожаные изделия, посуду из фарфора и фаянса, писчую бумагу и сургуч [20].

По мере развития капиталистического производства и повышения уровня конкурентоспособности изделий российской промышленности возрастал и поток товаров, закупавшихся восточными купцами на Нижегородской ярмарке для дальнейшего их распространения в северо-иранских провинциях.

На Восток преимущественно вывозились отечественные мануфактурные изделия: сахар, льняные и пеньковые изделия, хлопчатобумажные изделия, выделанные кожи, шерстяные изделия, шелковые и металлические изделия, сундуки, краски, москательные товары [21].

Нижегородская ярмарка сыграла, как видим, важную роль в торговых связях России и Ирана, на нее приходилось в среднем до 50% всего привоза персидского товара (в 70-е гг. XIX в. – до 95%). Кроме того, через Нижний Новгород персидский товар шел транзитом. Так, в 1914 г. только одной персидской бакалеи проследовало через ярмарочную территорию 553 тыс. пудов. С Нижегородской ярмарки, в свою очередь, отправлялись в Персию крупные партии мануфактурного товара (в 1911 г. – 32 тыс. пудов, в 1914 г. – 53 тыс. пудов) [22].

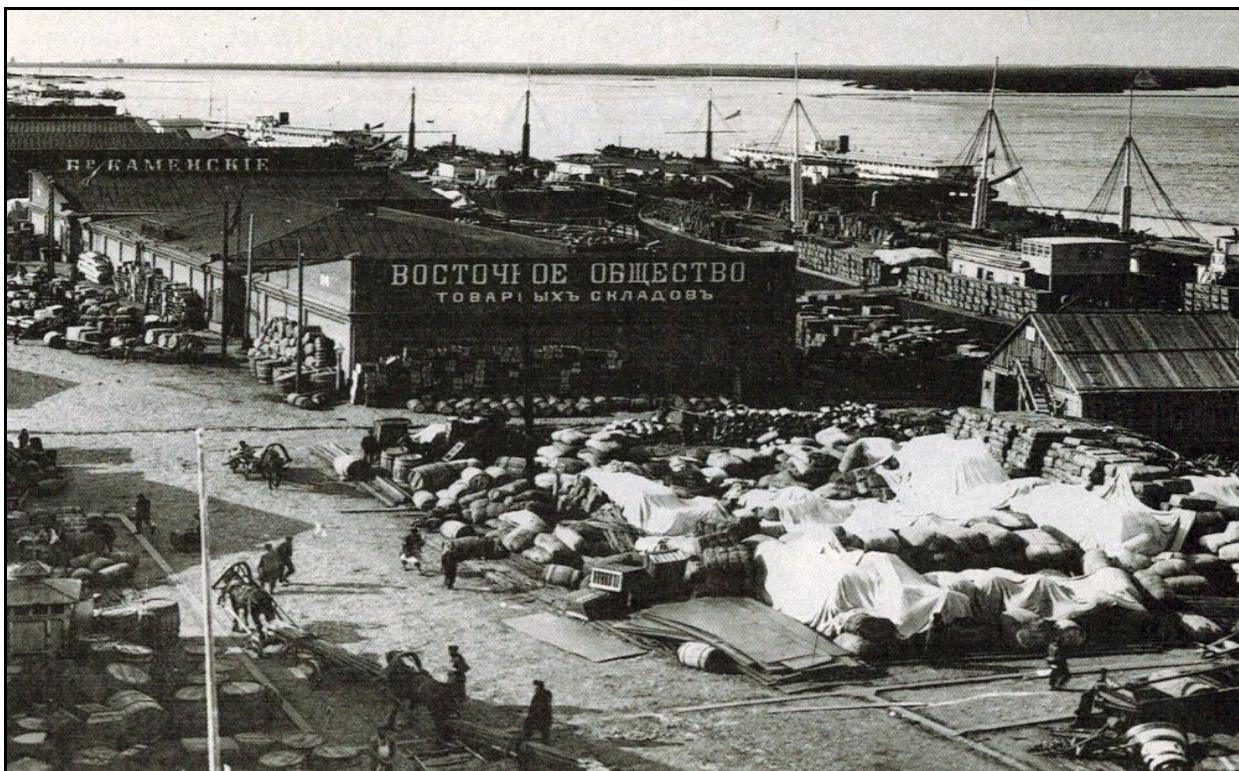

Рис. 3. Нижегородская ярмарка XIX–XX вв. Склады Сибирских пристаней (фото М. П. Дмитриева)

Из **Афганистана** на Нижегородскую ярмарку в больших объемах поставлялось *индиго*, продаваемое на значительные суммы [23].

Среди товаров, поставлявшихся из *Восточного Туркестана* в последние десятилетия XIX в., были различные хлопчатобумажные ткани, шелк, кожи, ковры, кошмы, квасцы, нашатырь и некоторые другие товары. В Россию оттуда доставлялись специфические хлопчатобумажные ткани, вырабатывавшиеся в Синьцзяне. Среди них были такие ткани, как тукузакская мата⁵, артышская мата, абадская мата, кашгарская мата двух сортов, два сорта файзабадской маты, чакмень⁶, саргязь⁷, и др. [24]

Биржевые сделки, совершаемые на ярмарке, были трех видов: товарные, фрахтовые, дисконтные. Если в 60–70-е гг. XIX в. товарные сделки в основном заключались на марену⁸, муку, рожь и хлопок, то в 80–90-е гг. ведущую роль на ярмарочной бирже приобрела торговля нефтью и нефтепродуктами, что было связано с завершением промышленного переворота в России. Однако главными товарами восточных купцов оставались хлопок, хлопчатобумажная пряжа, марена, ковры, шелк, меха [25].

В связи с успешным развитием отечественной промышленности и переменами в таможенной политике России к концу XIX в. купцы Нижегородской ярмарки значительно укрепили торговые связи с Ираном, начали торговлю с Турцией, стали развивать торговые отношения с Марокко.

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. встал вопрос о дальнейшей судьбе Нижегородской ярмарки.

Первая советская Нижегородская ярмарка была открыта 1 августа 1922 г. Ярмарку посетили многие иностранные гости. Здесь побывали представители зарубежного делового мира и газетные информаторы заграничной прессы. С Востока, сильно заинтересовавшегося возобновлением ярмарки, прибыла особая делегация из Персии.

Поставки восточных купцов в 1925 г. были довольно значительными. Купцы привозили сухофрукты, хлопчатобумажные ткани, шерсть, выделанную пушнину, мерлушку и каракуль. Взамен они увозили в Персию, Китай, Турцию химическое сырье, резину, деревянные чашки и ложки, металл, сельскохозяйственные орудия и машины, строительные материалы, бумагу и канцелярские принадлежности.

В 1927 г. общий оборот ярмарки увеличился на 27% по сравнению с 1926 г., укрепились дружественные отношения с азиатскими странами. В 1927 г. только в Москву было отправлено восточных товаров на сумму 249 273 руб. [26]

Несмотря на это Нижегородская ярмарка не смогла сохранить свое значение в качестве центра торговли со странами Востока, и возродить ее былую славу в советский период не удалось. В 1929 г. ярмарка перестала функционировать и была окончательно закрыта «как социально враждебное явление» по решению советского правительства от 6 февраля 1930 г. Причиной ликвидации ярмарки послужили отказ от нэпа, усиление плановых тенденций в советской экономике и, как следствие, централизация торговли и передача внешнеторговых операций в ведение государственного аппарата.

Примечания

1. Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). Столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917). Н. Новгород: Нижегород. компьютер. центр пользователей, 1993.

2. Древняя Русь в свете зарубежных источников / сост. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М.: «Логос», 1999. С. 173–174.

3. Там же. С. 411.

4. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Изд. фирма «Восточ. лит.»: РАН, 2009. С. 36–37.

5. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: в 2 ч. Ч. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенег, русы, славяне. М.: Изд-во восточ. лит., 1967. С. 77.

6. Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 38.

7. Лапшин В. А. Нижегородский Кремль по результатам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник ННГУ им. Лобачевского. Сер. «История». 2005. № 1 (4). С. 92.

8. Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка – карман России. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2008. С. 8–9.

⁵ Мата – белая ткань, употреблявшаяся в качестве бельевой (низший сорт – бязь, лучшие сорта – калями).

⁶ Чакмень (тж. чекмень) – разновидность верхней мужской суконной одежды, использовавшаяся в Центральной Азии.

⁷ Саргязь – выбойка, т. е. подкладка из ситца, имевшая выбитый одноцветный узор.

⁸ Марена (тж. марена красильная) – многолетнее травянистое растение с деревянистым горизонтальным корневищем и разветвленными лазящими побегами высотой до 1,5–2 м. Используется для получения красителей разного цвета – красного, розового, пурпурного, оранжевого и коричневого. Кроме того, находит применение в традиционной фитотерапии и современной медицине при заболеваниях почек.

9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Гл. редакция восточ. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 125–128. (Центральная Азия в источниках и материалах XIX – начала XX века).
10. Грачева Е. З., Мартыненко А. В. Русско-иранские торгово-экономические отношения в XVIII веке в контексте геополитических приоритетов России // Научно-методический журнал. 2013. № 2 (14). С. 120.
11. Бларамберг И. Ф. Статистическое описание Персии // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. VII. СПб., 1853. С. 103–104.
12. Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка – крупнейший центр внутренней и международной торговли в первой половине XIX в. Горький, 1989. С. 32.
13. Шкунов В. Н. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках: монография. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 179.
14. Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 147.
15. Там же. С. 146.
16. Шкунов В. Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках: монография. Ульяновск: УлГУ, 2011. С. 85.
17. Ледров С. М. Торговля мехами на нижегородской ярмарке // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. «История». 2012. № 1 (1). С. 211.
18. Выборнов А. Ю. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. С. 15.
19. Богородицкая Н. А. 2008. Указ. соч. С. 66.
20. Выборнов А. Ю. Указ. соч. С. 28; Ледров С. М. Указ. соч. С. 208.
21. Шкунов В. Н. 2011. Указ. соч. С. 49.
22. Богородицкая Н. А. 2008. Указ. соч. С. 68–69.
23. Шкунов В. Н. 2011. Указ. соч. С. 133.
24. Там же. С. 154–155.
25. Богородицкая Н. А. 2012. Указ. соч. С. 148; Шкунов В. Н. 2011. Указ. соч. С. 36.
26. Богородицкая Н. А. 2008. Указ. соч. С. 97–98.

Notes

1. Mel'nikov A. P. Ocherki bytovoï istorii Nizhegorodskoi Yarmarki (1817–1917). Stoletiyе Nizhegorodskoi Yarmarki (1817–1917) [Essays on the household history of the Nizhny Novgorod Fair (1817–1917). One hundred years of the Nizhny Novgorod Fair (1817–1917)]. Nizhny Novgorod. Computer Users Center of Nizhny Novgorod. 1993.
2. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov [The Ancient Rus in the light of foreign sources] / Compiled by M. V. Bibikov, G. V. Glazyrina, T. N. Jackson et al. / Ed by Ye. A. Mel'nikova. M. Logos. 1999. Pp. 173–174.
3. Ibid. P. 411.
4. Konovalova I. G. Vostochnaya Yevropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII – XIV vv. [The Eastern Europe in the writings of the Arab geographers of the 13th – 14th centuries]. M. Vostochnaya literatura: RAN – The Eastern literature: RAS. 2009. Pp. 36–37.
5. Zakhoder B. N. Kaspiyskii svod svedenii o Vostochnoi Yevrope [The Caspian collection of information about the Eastern Europe]. In two parts. Part 2. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, russy, slavyane [The Bulgars, the Magyars, the peoples of the North, the Pechenegs, the Rus, the Slavs]. M. Vostochnaya literatura: RAN – The Eastern literature RAS. 1967. P. 77.
6. Konovalova I. G. Op. cit. P. 38.
7. Lapshin V. A. Nizhegorodskii Kreml po rezultatam reskopok 2001–2002 gg. [The Nizhny Novgorod Kremlin on the results of the excavations in 2001–2002] // Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo, ser. Istoriya – Herald of the State University Nizhny Novgorod, part History. 2005, No. 1 (4), p. 92.
8. Bogoroditskaya N. A. Nizhegorodskaya Yarmarka – karman Rossii [The Nizhny Novgorod Fair is the pocket of Russia]. Nizhny Novgorod: State University of Nizhny Novgorod. 2008. Pp. 8–9.
9. Meindorf E. K. Puteshestviye iz Orenburga v Bukharu [A journey from Orenburg to Bukhara]. M. Nauka. 1975. Pp. 125–128. (Tsentral'naya Azia v istochnikakh I materialakh XIX – nachala XX veka [The Central Asia in the sources and materials of the 19th – the early 20th century]).
10. Gracheva Ye. Z., Martynenko A. V. Russko-iranskiye torгово-ekonomicheskiye otnosheniya v XVIII veke v kontekste geopoliticheskikh prioritetov Rossii [The Russian-Iranian trade and economic relations in the 18th century in the context of geopolitical priorities of Russia] // Nauchno-metodicheskii zhurnal – The Scientific-methodical bulletin. No. 2 (14), 2013, p. 120.
11. Blaramberg I. F. Statisticheskoye opisaniye Persii [The statistical description of Persia] // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kн. VII – Notes of the Imperial Russian geographical society. Book VII. Saint Petersburg. 1853. Pp. 103–104.
12. Bogoroditskaya N. A. Nizhegorodskaya Yarmarka – krupneishii tsentr vnutrennei i meshdunarodnoi torgovli v pervoi polovine XIX v. [The Nizhny Novgorod Fair is the largest center of domestic and international trade in the first half of the 19th century]. Gorky. 1989. P. 32.
13. Shkunov V. N. Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye vneshei torgovli Rossiyskoi imperii v XVIII–XIX vekakh: monografiya [The state-legal regulation of foreign trade of the Russian Empire in the 18th – 19th centuries: a study]. Ulyanovsk. State University of Ulyanovsk. 2012. P. 179.

14. *Bogoroditskaya N. A.* Nizhegorodskaya Yarmarka v sisteme meshdunarodnykh torgovykh svyazei Rossii v XIX–XX vv. [The Nizhny Novgorod Fair in the international trade relations of Russia in the 19th – 20th centuries] // *Voprosy istorii – The Issues of History.* No. 4, 2012, p. 147.
15. *Ibid.* P. 146.
16. *Shkunov V. N.* Sredneye Povolshye v sisteme vneshnei torgovli Rossiyskoi imperii v XVIII–XIX vekakh: monografiya [The Middle Volga Region in the foreign trade of the Russian Empire in the 18th – 19th centuries: a study]. Ulyanovsk. State University of Ulyanovsk. 2011. P. 85.
17. *Ledrov S. M.* Torgovlya mekhami na nishhegorodskoi yarmarke [The fur trade at the Nizhny Novgorod Fair] // *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo, ser. Istoriya - Herald of the State University of Nizhny Novgorod, part History.* 2012, No. 1 (1), p. 211.
18. *Vybornov A. Yu.* Nizhegorodskaya Yarmarka v sisteme meshdunarodnykh torgovykh svyazei Rossii v XIX – nachale XX vv.: avtoref. ... kand. ist. nauk [The Nizhny Novgorod Fair in the international trade relations of Russia in the 19th – the early 20th century: author's abstract of Candidate of historical sciences]. Nizhny Novgorod. 2004. P. 15.
19. *Bogoroditskaya N. A.* 2008. Op. cit. P. 66.
20. *Vybornov A. Yu.* Op. cit. P. 28; *Ledrov S. M.* Op. cit. P. 208.
21. *Shkunov V. N.* 2011. Op. cit. Pp. 68–69.
22. *Bogoroditskaya N. A.* 2012. Op. cit. Pp. 68–69.
23. *Shkunov V. N.* 2011. Op. cit. P. 133.
24. *Ibid.* Pp. 154–155.
25. *Bogoroditskaya N. A.* 2012. Op. cit. P. 148; *Shkunov V. N.* 2011. Op. cit. P. 36.
26. *Bogoroditskaya N. A.* 2008. Op. cit. Pp. 97–98.

УДК 947:316.343.65

О. А. Хабибрахманова

Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-е гг.

Статья посвящена исследованию вопросов социального обеспечения научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-е гг., созданию специальных органов по обеспечению ученых. На основе архивных документов о деятельности органов власти по обеспечению научной интеллигенции показаны вопросы построения взаимоотношений созданных специальных органов власти с научной интеллигенцией. В статье использованы документы, подтверждающие сложные материально-бытовые условия проживания ученых и попытки изменить свой социальный статус, в том числе и посредством обращения к властным структурам. Раскрыта неоднозначность политики государства по отношению к научной элите страны, сделаны выводы о попытках ранжирования научной интеллигенции по степени лояльности к новой власти. Историко-системный подход в изучении политики советской власти по отношению к научной интеллигенции позволил выявить не только новые социально-коммуникационные практики, но и трансформационные процессы, происходящие с научной интеллигенцией.

Article is devoted to research of questions of social security of scientific intelligency of Tatarstan in 1920–1930, to creation of special bodies on maintenance of scientists. On the basis of archival documents on activity of authorities on maintenance of scientific intelligency questions of construction of mutual relations of the created special authorities with scientific intelligency are shown. In article the documents confirming a difficult material – conditions of life of residing of scientists and attempt to change the social status, including by means of the manipulation to power structures are used. Ambiguity a politics of the state under the relation to scientific elite of the country is opened, conclusions about attempts of ranging of scientific intelligency on a degree of loyalty to new authority are made. The system approach in studying a politics of the Soviet authority in relation to scientific intelligency have allowed to reveal not only new social – communication practice, but also on the basis of the analysis to reveal the processes occurring to scientific intelligency.

Ключевые слова: научная интеллигенция, советская власть, Казанский университет, профессура, коммуникации, социальное обеспечение.

Keywords: scientific intelligency, the Soviet authority, the Kazan university, professorate, communications, social security.

В сложной обстановке 1920-х гг. одной из задач советской власти стало сохранение научного потенциала страны в необходимых для нее рамках. Решение этого вопроса отложить было нельзя: к этому времени часть ученых покинула Россию, часть вынуждена была это сделать под

нажимом властей. Следует отметить тот факт, что для реализации курса партии на советское строительство необходимо было большое количество специалистов, а пролетарских кадров было недостаточно, подготовка их требовала определенного времени. Именно поэтому, по словам В. И. Ленина, «привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня» [1]. Ленинская идея привлечения буржуазных специалистов стала ключевой и весьма противоречивой в процессе складывания взаимоотношений между властью и научной интеллигенцией. Неоднозначность социальной политики государства была обусловлена проводимой политикой уравниловки в сочетании с дифференцированным обеспечением снабжением отдельных категорий населения.

Вопросами социального обеспечения занимались специально созданные государственные органы: с 1921 г. – Центральная комиссия по улучшению быта ученых (в Татарстане эта организация называлась Татарская комиссия по улучшению быта ученых); с 1931 г. – Комиссия содействия ученым. Эти органы пытались, используя экономические и политические рычаги, влиять на идеологические, ментальные и другие базовые характеристики интеллигенции, осуществляли непосредственные базовые коммуникации с научной интеллигенцией. Так, Татарская комиссия по улучшению быта ученых постановлением СНК от 10 декабря 1921 г. занималась вопросами премирования наиболее ценных для Советской республики работников в области науки, в целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления народного хозяйства [2]. Одним из направлений работы Татарской комиссии было решение вопросов учета научных деятелей, определение уровня квалификации научных работников, решение острых жилищных проблем, вопросов организации досуга. Иными словами, все социально-бытовые условия ученых непосредственно замыкались на созданных структурах. В архиве сохранилось большое количество опросных листов, где именитые профессора и молодые ученые добросовестно перечисляют свои заслуги с тем, чтобы стать клиентом Татарской комиссии по улучшению быта ученых, получить продовольственное обеспечение. Тяжелое материальное положение вынуждало научную интеллигенцию вести активную переписку с Комиссией и по вопросам дополнительного обеспечения. Не оставляют равнодушными такие, например, послания: профессор А. Красневский просит помощи ввиду того, что его на днях обокрали: «Отсутствие своевременной помощи лишило меня возможности исполнять мои обязанности профессора высшей школы, так как не в чем будет выйти на лекции» [3]. Заявления ученых рисуют неприглядную картину жизни научных работников, когда заслуженный профессор просит предоставить ему пособие на лечение: «Болею инфекционной желтухой с осложнением на почки, второй месяц...» [4] «Ввиду материальной стеснительности, так как я получаю только университетское жалование 29 руб. и причитающиеся мне 12 руб. – средства слишком недостаточные...» «В настоящее время я нахожусь в весьма затруднительном материальном положении...» [5], «Ввиду того что я заболел туберкулезом легких... жалование за апрель я получил 14 рублей, по Комиссии по улучшению быта ученых я получаю 7 рублей». Но из центра – новое постановление: с 24 марта 1924 г. установить твердые оклады для исчисления заработной платы профессорско-преподавательскому составу вузов. Реакция профессуры была незамедлительна: «Опротестовать обязательную догрузку штатных профессоров практическими занятиями для получения полного оклада в 9 лекционных часов», – это заявление от сельскохозяйственного института. Восточно-педагогический институт делает вывод, что «изменение норм оплаты труда профессорско-преподавательскому составу, согласно штатному расписанию, вызывает снижение заработной платы некоторым категориям педагогического персонала» [6]. Штатно-окладная система оплаты труда была окончательно утверждена положением СНК СССР от 22 августа 1930 г.

В условиях нужды и голода жестко контролировался процесс распределения промышленных товаров и продуктов питания. Был определен специальный порядок выдачи товаров: «Мануфактуру и посуду распределить между лицами, вошедшими в Татарскую комиссию по улучшению быта ученых, и отпустить бесплатно, взыскивая лишь организационные расходы. Ввиду различного качества мануфактуры распределение таковой произвести лотерейным способом. Продуктовый фонд, как то: какао, чай, консервы и прочее – отпускать за наличный расчет, сообразуясь с рыночными ценами за текущий месяц» [7]. Распределение промышленных товаров Комиссия по улучшению быта ученых в основном осуществляла по полученным заявлениям. Как правило, заявления поступали следующего характера: заявление от преподавателей теоретических предметов медреса университета с ходатайством: «...об отпуске за счет оборотных средств нижеуказанного количества средств, для удовлетворения преподавателей: по 2 пары белья, ботинки с калошами и костюм, всего на 19 человек». В отчетах Татарской комиссии сохранилась следующая запись: «...распределено между клиентами Комиссии по улучшению быта ученых 283 мужских костюма...» [8]

С 16 января 1922 г., на основании постановления СНК «Об улучшении жилищных условий научных работников» [9], предоставлялось право на дополнительную комнату для научных занятий,

запрещалось уплотнять и выселять научную интеллигенцию. Правда, реально мало кто из ученых смог воспользоваться этим правом. В Национальном архиве Республики Татарстан о выселении ученых можно найти такие заявления: «В мае месяце в мое отсутствие семья была незаконно выселена, и до настоящего времени я не имею жилплощади. Живу временно в полусгнившем помещении площадью около 8 кв. метров с семьей в 4 человека. Обращался в Прокуратуру и Горсовет...» Это заявление поступило от П. С. Гурьянова, ученого с 22-летним стажем. Доцент Финансово-экономического института Ефимов обратился в Комиссию с жалобой, что во время отъезда в отпуск его квартира по улице Некрасова (дом 3, кв. 2) была занята работником яичного склада Союзмолптица. На основании постановления Народного комиссариата юстиции (Наркомюста) преподаватель подал иск в нарсуд, суд удовлетворил иск в пользу Ефимова. Казалось бы, ситуация благополучно разрешена, но почти через полгода в Комиссию содействия ученым поступило новое заявление. В нем доцент жаловался, что уже четыре с половиной месяца ходит по судам в надежде вернуть себе комнату. Он писал: «В квартире стирка и сушка белья, плевки и сморканья прямо на пол, крики с утра до ночи – все это в квартире без сносной изоляции. Ни бумажки из Облпроса, ни личное обращение к Наркому юстиции, прокурору не сдвинули дела с мертвой точки» [10]. Один из выдающихся историков Казанского университета профессор Н. Н. Фирсов, сам став жертвой жилищной политики советской власти, писал: «Нельзя не сознавать, что в переживаемой нами жизни много странностей, нелепостей и противоречий». Позднее власти в своих постановлениях ставят бытовые условия в зависимость от лояльности научной интеллигенции, в документах выделяются «некоторые категории», «ответственные работники», к которым применяются особые льготы.

Выстроенная таким образом система коммуникаций властных структур и научной интеллигенции способствовала неограниченному ранжированию последних. Каналы коммуникаций, которыми могли пользоваться научные работники, оказались ничтожными, малоэффективными и никак не могли способствовать улучшению положения ученых в 1920–1930-е гг.

Вопросы материального обеспечения граждан в постреволюционной России являлись едва ли самыми важными для советской власти, значимыми они были и для профессорско-преподавательской корпорации, переживающей период голода и лишений. Эпоха тотального перераспределения материальных благ должна была привести к формированию новых социальных институтов, масштабная реконструкция которых опиралась на новые ценности советской эпохи. Новые иерархии в системе распределения материальных благ в первую очередь были нацелены на раскол профессорско-преподавательской корпорации. Учитывая принцип общественных, а не научных заслуг, а позднее в 1930-е гг. близость к промышленному производству, они пытались полностью разрушить прежние социально-профессиональные ориентиры научной интеллигенции. Проекты советской власти по полной трансформации социально-профессионального пространства буржуазной научной интеллигенции были реализованы лишь частично. Новая система распределения продовольственного обеспечения установила новые иерархии в академической среде. Но между тем советские социальные установки не были приняты в профессорско-преподавательской среде и часто только формально выполнялись на практике. Профессорско-преподавательская корпорация, наряду со многими другими, испытывала нарастание внутреннего отчуждения из-за материальных проблем, происходил постепенный процесс размывания профессорско-преподавательской корпорации.

Примечания

1. Ленин В. И. Тезисы ко второму конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 41. С. 159.
2. Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых. М., 1921. С. 56.
3. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 135. Л. 60.
4. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 100. Л. 82. Л. 7. Л. 30.
5. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 136. Л. 15.
6. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 762. Л. 11.
7. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 100. Л. 82. Л. 7. Л. 30.
8. НАРТ. Ф. Р.-644. Оп. 1. Д. 100. Л. 82. Л. 7. Л. 30.
9. Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых. М., 1921. С. 54.
10. НАРТ. Ф. Р.-732. Оп. 1. Д. 2126. Л. 588.

Notes

1. Lenin V. I. Tezisy ko vtoromu kongressu Kommunisticheskogo internacionala [Theses for the second Congress of the Communist international] // Full Coll. M. 1965. Vol. 41. P. 159.
2. SHest' mesyacev raboty Central'noj komissii po uluchsheniyu byta uchenyh - Six months of work of the Central Commission for improving the life of scientists. M. 1921. P. 56.
3. National Archive of Republic of Tatarstan (NART). F. P.-644. Inv. 1. File 135. Sh. 60.
4. NART. F. P.-644. Inv. 1. File 100. Sh. 82. Sh. 7. Sh. 30.
5. NART. F. P.-644. Inv. 1. File 136. Sh. 15.

6. NART. F. P.-644. Inv. 1. File 762. Sh. 11.
7. NART. F. P.-644. Inv. 1. File 100. Sh. 82. Sh. 7. Sh. 30.
8. NART. F. P.-644. Inv. 1. File 100. L. 82. Sh. 7. Sh. 30.
9. *SHest' mesyacev raboty Central'noj komissii po uluchsheniyu byta uchenyh* - Six months of work of the Central Commission for improving the life of scientists. M. 1921. P. 54.
10. NART. F. P.-732. Inv. 1. File 2126. Sh. 588.

УДК 316(091):94(57)"19"

М. И. Вторушин

Кризис идейно-политических установок общественности Сибири начала XX в.

В статье рассматривается проблема кризиса идейных установок сибирской общественности в контексте общего кризиса Сибирского региона в начале XX в. Цель исследования состоит в изучении причин оформления и дальнейшего развития противоречий в мировоззрении общественности Сибири данного периода. Установлено, что сложные процессы модернизации России начала столетия обусловили неустойчивое состояние всех сфер жизни страны, в том числе и в Сибирском регионе. Поскольку Сибирь в этот период по политическому и экономическому статусу являлась колонией Европейской России, на ее территории оформились специфичные «сибирские вопросы», которые касались землеустройства, правил колонизации, индустриализации, равенства прав Сибири и метрополии. Это обстоятельство активизировало идейные искания общественности края. Появился ряд идейно-теоретических моделей по преодолению системного кризиса Сибири, которые имели сложные внутренние и внешние противоречия. Их апробация прошла в эпоху социально-политических катаклизмов революции 1917 г. и Гражданской войны в Сибири.

The article deals with the problem of the crisis development of the Siberian society ideological principles in the context of the Siberian region general crisis in the early twentieth century. The purpose of the paper is to reveal the appearance and further development reasons of the contradictions in the Siberian society worldview in this period. It is established that the complex processes of the Russian modernization in the early twentieth century led to an unstable position in all spheres of life, including the Siberian region. Because Siberia was a colony of European Russia in this period according to its political and economic status, specific "Siberian issues" emerged on its territory, which dealt with the peasantry land, the colonization rules, industrialization, equal rights with the mother country. This fact intensified the ideological search of the regional community. There appeared a number of ideological and theoretical models to overcome the Siberian systemic crisis, which had complex internal and external contradictions. Their testing took place in the period of social and political cataclysms of the 1917 revolution and the civil war in Siberia.

Ключевые слова: кризис, колония, колонизация, конфедерация, метрополия, областничество, федерализм, унитаризм.

Keywords: crisis, colony, colonization, confederation, the metropolis, regionalism, federalism, unitarism.

В начале XX в. Сибирь находилась в состоянии системного кризиса, порожденного объективными процессами реконструкции региона в контексте общей модернизации Российской империи. Этот процесс оформил в Сибири ряд острых «сибирских вопросов», к числу которых относились колониальный статус региона, правительственная политика переселения, вызвавшая глубокие противоречия между коренным населением и новоселами из Европейской России, неразвитость местной промышленности, экономическое неравенство областной буржуазии в сравнении с буржуазией метрополии, сбытовой и снабженческий кризисы. Данные обстоятельства оживили общественность Сибири, искавшей варианты разрешения областных проблем. Научный интерес представляет идейно-политическая борьба общественных и политических сил края по вопросу о путях преодоления системного кризиса Сибирского региона.

В этот период ведущим направлением общественной мысли Сибири было областничество. Возникшее во второй половине XIX столетия как идейно-оппозиционное течение части краевой интеллигенции, оно в начале XX в. уже было общественным движением, которое «достаточно резко отграничивает себя от других направлений и течений сибирской общественной мысли» [1].

Основные положения областнической теории получили развитие в трудах А. П. Шапова, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и некоторых других идеологов «сибирского патриотизма». Свою задачу они видели в борьбе за хозяйственную и культурную самобытность Сибири, ликвидацию

в той или иной форме ее колониальной зависимости от метрополии, установление паритета в экономических отношениях с Европейской Россией, создание сибирского суда присяжных и земства, культурное развитие всех народов края и прекращение бесконтрольного и хищнического использования богатств региона [2].

Изучая сущность парадигмы разрешения областниками «сибирских вопросов», стоит выделять в этом движении демократическую и реакционную составляющие общей идеологии областничества, что важно для понимания сущности концепции сибирского сепаратизма. Но, как писал М. И. Альтшулер, современник и критик областничества, «областническая тенденция» не может быть сформулирована в таких основных тезисах, под которыми подписались все областники» [3]. Об этой специфике теории областников пишет томский историк Л. А. Жадан: «Неспособность сибирских патриотов научно объяснить действительные взаимоотношения центра и окраины привела их к созданию искусственной схемы» [4]. Это отмечает М. И. Альтшулер: «Областничество являет такую туманную картину, разобраться в которой с научной полнотой и знанием под силу только будущему историку сибирского областничества» [5]. Оценивая идейный багаж областников начала XX в., ведущий специалист по проблеме областничества М. В. Шиловский считает: «Политические взгляды большей части областнического актива характеризовались расплывчатостью, неопределенностью» [6]. В то же время при всей идейной расплывчатости теории областники различали понятия «колонизация сибирского края» и «колониальная политика правительства», имея в виду бюрократические методы управления регионом [7]. По их мнению, все социальные конфликты в Сибири являлись итогом негативного влияния на жизнь региона системы абсолютной централизации власти в стране. Поэтому среди его теоретиков на ранней стадии развития областничества имела хождение идея об отделении Сибири от России и создание независимого государства [8].

Важно отметить, что идея областников о «самобытном развитии Сибири» вполне уместилась в рамки либеральной теории славянофильства 40–50-х гг. XIX столетия о самобытном пути развития России. Феномен областничества, видимо, стоит искать в более медленном экономическом развитии Сибири в XIX в. Общественная мысль, отражая эту хозяйственную реальность, по объективным причинам также отставала от уровня развития идейных исканий общественности метрополии. В этом плане идеологи и практики сибирского областничества выступали как заурядные эпигоны общественной мысли России середины XIX в. Исходя из реалий начала XX в., стоит согласиться с мыслью сибирского марксиста М. К. Ветошкина, что «областническая точка зрения на нужды окраины затемняет национальное понимание» [9]. Разговоры «сибирских патриотов» о самостоятельности и суверенитете Сибири давали право властям репрессировать областников, обвиняя их в сепаратизме [10].

В начале XX в. областническая доктрина об особом патриархальном пути развития края натолкнулась на реалии бурного экономического развития Сибири и нового этапа государственной кампании переселения. Возведение Транссибирской магистрали и строительство новых линий железной дороги, участие населения в двух военных кампаниях на Дальнем Востоке, быстрый рост зернопроизводства и маслоделия разрушили патриархальную замкнутость местного хозяйства. Активное втягивание крестьян Сибири всех категорий в общероссийскую хлеботорговлю и расширение потребительского рынка края обусловили преодоление большей частью населения региона местных настроений. Этой тенденции помогало изменение прежних представлений о сути коренных противоречий Сибири с Россией. Влияли на изменение взглядов старожилов многочисленные крестьяне-новоселы, которые сохраняли связь с родиной, не считая себя сибиряками. Под влиянием этих факторов будущий член антисоветских правительств меньшевик Л. И. Шумиловский писал: «У областников в настоящем мало сторонников» [11]. Ему вторил областник В. М. Крутовский: «До сих пор история зарождения, развития и мотивировка обоснования сибирского областничества недостаточно исследованы и еще менее проникли в сознание более широких слоев населения» [12].

Это поставило под вопрос теорию особого «русского этнографического типа» Сибири А. П. Щапова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и тем самым претензии областников на особый статус сибирского края в составе Российской империи, изложенные ими в программном заявлении «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», более известном как «томский проект» местной профессуры [13]. Положения «томского проекта» в качестве программы работы сибирской парламентской группы в Государственной думе всех созывов сводились к ряду требований, которые должны были в полной мере удовлетворять запросы как буржуазии Сибири, так и демократической общественности края. В блок экономических требований программы входил пункт о восстановлении режима порто-франко для всей территории региона, в первую очередь в устьях северных рек. Далее выдвигалось требование отмены циркуляра о переломе тарифа для хлебных грузов в Челябинске «для нужд сибирских производителей зерна и

хлеботорговцев, а также для голодающего населения» [14]. Экономические требования областников включали также вопрос о строительстве новых железных дорог – приоритет отдавался внутренним линиям в интересах экономики края, которые необходимы были для расширения сбыта сибирского хлеба на внешних рынках [15].

В блок политических приоритетов входило требование отмены системы чрезвычайного управления регионом через институт генерал-губернаторства. Это положение для областников являлось фактически ключевым, так как оно в случае его реализации развязывало им руки в борьбе за областную автономию и давало возможность осуществлять легальное давление на официальные власти в деле создания сибирского самоуправления. Объясняя это требование, видный областник П. М. Головачев утверждал: «Отмена Степного и Иркутского генерал-губернаторства, бесполезных с точки зрения экономики и военной внешней угрозы, но являющихся местным оплотом правительства в борьбе с центробежным освободительным движением» [16]. Также в блок политических требований входили пункты об отмене военного положения в Сибири, создание местного земства для ограничения произвола центральной и местной бюрократии, а также введение в регионе суда присяжных [17].

В блок социальных требований входили требования об использовании Кабинетских земель в интересах народных масс, о передаче ведения кампании переселения крестьян из метрополии в Сибирь из рук правительства местному земскому самоуправлению, которое могло бы лучше наладить взаимодействие с земствами России для более разумного решения этой общегосударственной проблемы [18]. Особое внимание уделялось развитию в регионе системы всех уровней образования. Вновь озвучивалось требование закрыть в Сибири ссылку и каторгу, освободив ее от этого карательного института государства [19].

При этом областники настаивали, что их программа сибирских реформ имеет чисто краевой характер и не касается положения дел в России. По этому поводу П. М. Головачев писал: «Реформы эти имеют местное значение, они не затрагивают коренных политических и социальных устоев сложившегося государственного быта страны» [20]. Депутат от Забайкальской области и одновременно председатель Сибирской парламентской группы Н. К. Волков заявил: «Сибирская группа, если бы она сосредоточила все свои силы на сибирских вопросах, могла бы сделать немало для Сибири» [21]. Областники понимали, что их программа имеет во многом вид сепаратистских намерений, поэтому они стремились ее легализовать через институт Госдумы: «Государственная дума нужна Сибири... как единственное практическое средство выдвинуть и решить в положительном смысле все те реформы, которые, безусловно, необходимы для жизни сибирского населения» [22].

Центральные власти весьма неодобрительно относились к Сибирской парламентской группе, которая, по сути, была частью кадетской оппозиции в Государственной думе. М. К. Ветошкин отмечал, что «сибирская группа» – это «филиальное отделение кадетской фракции» [23]. Подозрения в отношении либералов и торгово-промышленных кругов Сибири также подпитывались информацией о финансировании кандидатов от партии кадетов на выборах в Госдуму определенными кругами местной буржуазии [24]. Поэтому, несмотря на ряд запросов сибирской общественности, торгово-промышленных кругов и даже ряда высших администраторов региона, касавшихся важных проблем Сибири, правительство империи идти навстречу их пожеланиям отказывалось, видя в них, прежде всего, политических сепаратистов [25].

Преемник П. А. Столыпина на посту премьер-министра В. Н. Коковцов следующим образом объяснял нежелание правительства проводить реформы в Сибири: «Для больших политических реформ Россия еще не готова», и между правительством и народом «нет действительного противоречия во взглядах на внутреннюю политику. В России есть лишь отдельные политики, несогласные с правительством, но это – не народ». Поэтому для правительства «задачей момента является создание хорошего административного аппарата, а не так называемых политических законов» [26].

По мере укрепления статуса Государственной думы в системе государственной власти страны союз областников и партии кадетов начинает ослабевать. Поводом стал наметившийся конфликт областников с кадетами Сибири, которые начали отвергать идею «Сибирской автономии» [27]. В основе взаимного недопонимания групп либералов лежал обострившийся конфликт буржуазии метрополии с краевой буржуазией, которая устами Г. Н. Потанина выразила желание установить на западных границах региона «самостоятельные таможенные заставы на российские фабрикаты, ввозимые в Сибирь» [28].

Исходя из этого понимания условий развития экономики края в будущем, трезво оценивая экономические цели буржуазии метрополии, которая видела в Сибири «мир, пригодный для широкой эксплуатации», областники считали, что «Сибирь должна смотреть на себя, на свои торгово-промышленные отношения, со здоровым эгоизмом – она должна идти самостоятельными экономическими путями, путями свободной торговли» [29]. Интересны по этому поводу завуалированные

рассуждения областника В. И. Анучина, который отметил, что получение культурно-территориальной автономии в рамках политической программы кадетов не позволит преодолеть колониальную зависимость Сибири от метрополии [30]. Он дал законченное объяснение важности создания законодательной Областной думы: «Никакое ходатайство, никакая просьба о реформах не будут удовлетворены, так как это нарушает интересы буржуазии метрополии. Остается надеяться, что мы, сибиряки, сами пойдем вперед по пути развития. Пожелаем, чтобы нам на этом пути не мешали» [31].

«Экономический сепаратизм» областников у буржуазии метрополии вызывал недовольство. Поэтому кадеты, став унитаристами, выступили против лозунга областников «Сибирь для сибиряков». Поводом для демарша кадетов против союзников стал выход сборника «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», который стал программой действия «областнически» настроенных сибирских общественных деятелей и промышленников. Депутат от партии кадетов С. В. Востротин потребовал краевой рынок сделать свободным и для этого «употребить все усилия, чтобы как можно скорее открыть самый широкий доступ с запада и русской и иностранной предприимчивости и капиталу» [32]. Кадеты одновременно заявили: «Конечно, Сибирь имеет право жаловаться на коренную Россию за то, что она не пользуется равными правами с последней, но обвинять в этом всю культурную Россию несправедливо. Мало ли чего недостает и самой коренной России, но это еще не резон отмежевываться от русской культуры, создавать особую нацию» [33].

В конфликт между буржуазией метрополии и Сибири было втянуто правительство. Под совместным давлением промышленного и банковского капитала, а также оптовых хлеботорговцев метрополии, при фактическом содействии партии кадетов правительство отменило режим порто-франко в Сибири, сохранив временно Челябинский тарифный перелом [34].

Еще одной стороной идейного кризиса краевой общественности стала борьба вокруг организации земского самоуправления в Сибири, в которую были втянуты областники и представители ссыльной интеллигенции [35]. Внутри сибирской парламентской группы, объединявшей депутатов от разных политических партий, также проходили дебаты по проблеме формы сибирского земства [36]. По существу решалась политологическая дилемма – введение в регионе системы представительной или прямой демократии. За второй вариант была реальная социальная обстановка в Сибири, которая характеризовалась господством крестьянской общины в общественных делах на низовом уровне.

Кадеты и областники, отстаивая вариант представительной демократии, отказались от идеи раннего областничества ввести в Сибири прямую власть народа. Социал-демократы в Государственной думе и на местах настаивали на варианте прямой демократии, что привело к их полемике с либералами на страницах печатных изданий [37]. Кадеты и областники, имея большинство в Сибирской парламентской группе и на тот момент истории популярность в среде краевой интеллигенции, вели агитационную работу по реализации идеи создания земства в Сибири как формы представительной демократии [38].

В начале XX в. еще одним проявлением идейного кризиса сибирской общественности в свете надвигающихся социально-политических катаклизмов революции 1917 г. являлось острое столкновение доктринальных установок либерально-областнического лагеря Сибири с идеологией социал-демократии. Революция 1905–1907 гг. в России показала, что на политическую арену вышел пролетариат, который заявил о своих претензиях на гегемонию в борьбе за переустройство всех сторон жизни страны. Эти претензии вызвали неприятие и непонимание у большей части образованного общества страны, так как оно до революции 1905 г. по своим политическим взглядам было прогрессивнее установок мировоззрения рабочего класса России. Это позиция известной части интеллигенции России, не признававшей за пролетариатом самостоятельной роли, стала основой идейного конфликта между либералами всех течений, в том числе Сибири, и социал-демократами, в первую очередь с большевиками.

В теоретическую полемику вступили и сибирские областники, которые подвергли критике положения программы РСДРП, принятой на II Съезде партии. Так, Г. Н. Потанин заявил, что пролетариат в Сибири являлся пришлым элементом, не связанным с сибирскими проблемами [39]. Однако главным критиком программы социал-демократов выступил редактор «Сибирских вопросов» П. М. Головачев, который отстаивал единоличное право областников представлять интересы населения региона. Защищая монополию областников отражать и защищать интересы жителей края, он доказывал неприемлемость, часто вопреки фактам, положений этой программы для населения Сибири.

Первое, что было неприемлемо для областников, так это положение о диктатуре пролетариата. П. М. Головачев утверждал, что Сибирь являлась аграрным краем, «ничего и говорить, что Сибирь – не фабрично-заводская страна» [40], тем самым он не признавал факта начавшегося в регионе процесса индустриализации. Развивая свою мысль, П. М. Головачев считал, что из-за отсутствия в Сибири пролетариата как такового он «не может играть какой-либо руководящей ро-

ли и выставлять свои нужды и интересы в качестве руководящей политической программы» [41]. Далее П. М. Головачев отрицал как субъективные, так и объективные предпосылки для социалистической революции в регионе, «самый путь социальной революции в Сибири – замена частной собственности на средства производства и обращения – оказывается совершенно несостоятельной, так как эти “средства” представляют собой столь ничтожную величину в общей хозяйственной жизни края, что и самая “планомерная организация общественно-производительного процесса” фактически невозможна» [42].

Острой критике подвергалась и аграрная часть программы социал-демократов. Было поставлено под сомнение их требование об устранении остатков крепостного права, «а этого-то “права” никогда и не было в Сибири» [43]. С этим тезисом П. М. Головачева необходимо согласиться. Далее бросался упрек в том, что из пяти пунктов программы только один косвенно касался земельного вопроса в Сибири – конфискация кабинетских имений, «но продажа кабинетских земель крестьянам уже объявлена» [44], т. е. П. М. Головачев ставил под сомнение взаимосвязь аграрного кризиса в метрополии с быстро развивающимся аграрно-крестьянским вопросом в Сибирском регионе.

Особое место в критике программы социал-демократов заняло положение о государственном устройстве страны. П. М. Головачев доказывал, что тезис замены в России монархии демократической республикой в Сибири не имеет почвы, «среди сибирского крестьянства, составляющего преобладающее большинство населения (89%), идея республики не пользуется ни малейшей популярностью. Ни один крестьянский наказ депутатам не говорит о республике» [45]. Далее П. М. Головачев, развивая мысль о необходимости института монархии в стране, доказывал: «Идея республики не имеет никаких корней ни в прошлом, ни в настоящем Сибири», поэтому «Сибирь совершенно не нуждается в изменении формы правления» [46].

Завершением критики стал тезис о несовместимости психологических свойств коренного сибирского крестьянина, прирожденного индивидуалиста, с идеей социал-демократов об обобществлении орудий производства и результатов труда: «Программа социал-демократической партии чужда и непонятна основному, многочисленнейшему слою сибирского населения – крестьянскому, не имеет корней в условиях сибирской действительности и является для Сибири какой-то политической метафизикой» [47]. Данный теоретический постулат областников и либералов был их идейной платформой в борьбе с социал-демократией за умы населения Сибири до революции 1917 г., затем в ходе этой революции, а после нее являлся идеологическим основанием для развертывания Гражданской войны в Сибирском регионе.

Основной критики социал-демократами теории областников и местных либералов об особом пути развития Сибири стала концепция права наций на самоопределение. В противовес мысли областников об особом типе русского сибирского народа с особой историей, культурой и экономикой, которые его отличают от русского населения метрополии, социал-демократы разработали характеристику основных признаков нации. По их мнению, нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец [48]. Исходя из этих выводов, социал-демократы отрицали идею «особого типа сибиряка», а специфику экономики края они считали временным явлением, так как быстро развивающийся капитализм ломал все национальные и областные перегородки, втягивая Сибирь в систему общероссийского рынка и, как итог, в общенациональную борьбу за демократию в стране [49].

Подводя итоги, стоит признать, что в начале XX в. общественность Сибири переживала острый мировоззренческий кризис. Он был обусловлен быстрым развитием капиталистических отношений в регионе, которые ломали патриархальные устои жизни края. Возникшие в связи с этим процессом «сибирские вопросы» требовали адекватной программы их преодоления. Возникло несколько вариантов, один из которых был связан с идейным течением областничества. Данное идейное течение отстаивало программу сепаратного развития региона вплоть до создания системы конфедеративных отношений с метрополией по всем вопросам. Областничество за короткий период прошло путь от широкой популярности во всех слоях общества Сибири до резкого упадка влияния под воздействием ускоренного втягивания региона во всероссийский рынок и общедемократическое движение за переустройство жизни России. Пальму лидерства в умонастроениях сибирского общества накануне революции 1917 г. перехватили общенациональные течения кадетов, социал-демократов и социалистов-революционеров.

Примечания

1. Ветошкин М. Сибирское областничество // Современный мир. 1913. № 3. С. 119.
2. Старцев А. В. Homo Sibiricus // Земля Сибирь. 1992. № 5–6. С. 60.
3. Альтшулер М. И. Земство в Сибири. Томск: Б. и., 1916. С. 321.

4. Жадан Л. А. К вопросу об идеологии сибирского областничества. 1907–1916 гг. // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 19.
5. Альтшулер М. И. Указ. соч. С. 325.
6. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй пол. XIX – первой четв. XX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. С. 128.
7. Там же. С. 79
8. Жадан Л. А. Из общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907–1917 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск: ТГУ, 1982. С. 131.
9. Ветошкин М. Местные нужды и сибирская парламентская группа // Современный мир. 1912. № 7. С. 319.
10. Шиловский М. В. Сибирское областничество. С. 65–67.
11. Ветошкин М. Местные нужды и сибирская парламентская группа. С. 315.
12. Крутовский В. М. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. 1917. № 2. С. 52.
13. Альтшулер М. И. Указ. соч. С. 320.
14. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1908. С. 284.
15. Сибиряков А. М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907.
16. Головачев П. Сибирские вопросы в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 6.
17. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Новосибирск: Западно-Сибирское отд-ние ОГИЗ, 1937. Т. 4. Стлб. 6.
18. Григорьев В. Ю. Об организации земского представительства в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 66–85; Он же. Земство в Сибири и его местные особенности // Сибирские вопросы. 1905. № 5. С. 33–65.
19. Альтшулер М. И. Указ соч. С. 78.
20. Головачев П. Кого выбирать в Третью Думу // Сибирские вопросы. 1907. № 17. С. 3.
21. Ветошкин М. Местные нужды и сибирская парламентская группа. С. 315.
22. Головачев П. Кого выбирать в Третью Думу... С. 2.
23. Ветошкин М. Местные нужды и сибирская парламентская группа. С. 324.
24. Мосина И. Г., Рабинович Г. Х. Буржуазия Сибири в 1907–1914 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск: ТГУ, 1982. С. 117.
25. Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 270.
26. Иорданский Ник. Политические заметки: безнадежный оптимизм // Современный мир. 1913. № 12. С. 268–296.
27. Шейнфельд М. Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов в периодической печати в годы Первой мировой войны // Из истории Сибири. Красноярск: КГПИ, 1969. Вып. 1. С. 11.
28. Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 319.
29. Алтайский Б. Челябинский перелом // Сибирские вопросы. 1907. № 34. С. 14.
30. Анучин В. Сибирское областничество // Сибирский студент. 1915. № 1–2. Стлб. 70.
31. Шиловский М. В. Сибирское областничество. С. 212.
32. Шейнфельд М. Б. Указ. соч. С. 20.
33. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 27.
34. Ветошкин М. Местные нужды и сибирская парламентская группа. С. 314.
35. Колосов Е. О пришло и краевой интеллигенции // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 206–220.
36. Головачев П. Три взгляда // Сибирские вопросы. 1907. № 22. С. 2–7.
37. Он же. Реальные интересы Сибири и крайне левые партии // Сибирские вопросы. 1907. № 15. С. 1–7.
38. Шиловский М. В. Оформление программы сибирских областников в период революции 1905–1907 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 119–132.
39. Жадан Л. А. К вопросу об идеологии сибирского областничества. С. 26.
40. Головачев П. Реальные интересы Сибири и крайне левые партии. С. 2.
41. Там же. С. 3.
42. Там же. С. 4.
43. Там же.
44. Там же. С. 5.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же. С. 6–7.
48. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. С. 296–297.
49. Ватин В. А. К юбилею областничества // Сибирский архив. 1915. № 12. С. 363.

Notes

1. Vetoshkin M. Sibirskoe oblastnichestvo [Siberian regionalism] // Sovremenny mir - The modern world. 1913, No. 3, p. 119.
2. Startsev A. V. Homo Sibiricus // Zemlya Sibir' - Earth Siberia. 1992, No. 5–6, p. 60.
3. Al'tshuler M. I. Zemstvo v Sibiry [The zemstvo in Siberia]. Tomsk. 1916. P. 321.
4. Zhadan L. A. K voprosu ob ideologii sibirskogo oblastnichestva v 1907–1916 gg. [To the question about the ideology of Siberian regionalism in 1907–1916] // Iz istoriy sotsial'noy i politicheskoy zhizny Sibiry – From the history of social and political life of Siberia. Tomsk. Tomsk State University. 1981. P. 19.
5. Al'tshuler M. I. Op. Cit. P. 325.

6. *Shilovskiy M. V.* Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizny Sibiry vo vtoroy pol. XIX – pervoy chetv. XX v. [Siberian regionalism in socio-political life of the region in the second half. XIX – first quarter of the twentieth century]. Novosibirsk. Publ. house «Sova». 2008. P. 128.
7. *Ibid.* P. 79.
8. *Zhadan L. A.* Iz obshchestvenno-politicheskoy deyatel'nosti sibirskogo oblastnichestva v 1907–1917 gg. [From a socio-political activities of Siberian regionalism in 1907–1917] // *Iz istoriy burzhuazie Rossii – From the history of the bourgeoisie in Russia.* Tomsk. Tomsk State University. 1982. P. 131.
9. *Vetoshkin M.* Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group] // *Sovremennyy mir - The modern world.* 1912, No. 7, p. 319.
10. *Shilovskiy M. V.* Sibirskoe oblastnichestvo [Siberian regionalism]. Pp. 65–67.
11. *Vetoshkin M.* Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group]. P. 315.
12. *Krutovskiy V. M.* Iz istoriy sibirskogo oblastnichestva [From the history of Siberian regionalism] // *Sibirskie zapisky - Siberian notes.* 1917, No. 2, p. 52.
13. *Al'tshuler M. I.* Op. Cit. P. 320.
14. *Potantin G. N.* Nuzhdy Sibiry [Needs of Siberia] // *Siberia, its current status and its needs: collection of papers* ed. by I. S. Mel'nika. SPb. Publ. of A. F. Devrien. 1908. P. 284.
15. *Sibiryakov A. M.* O putyah soobshcheniya Sibiry i morskikh snosheniyah ee s drugimy stranamy [About the railways of Siberia and sea relations with other countries]. SPb. 1907.
16. *Golovachev P.* Sibirskie voprosy v Gosudarstvennoy dume [Siberian questions in the State дума] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1906, No. 1, p. 6.
17. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya – The Siberian Soviet encyclopedia*: in 4 volumes. Novosibirsk. West Siberian branch of OGIZ. Vol. 4. Column 6.
18. *Grigor'ev V. Yu.* Ob organizatsiy zemskogo predstavitel'stva v Sibiry [About the organization of the land offices in Siberia] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1905, No. 1, pp. 66–85; *Grigor'ev V. Yu.* Zemstvo v Sibiry i ego mestnye osobennosti [The Zemstvo in Siberia and its local features] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1905, No. 5, pp. 33–65.
19. *Al'tshuler M. I.* Op. Cit. P. 78.
20. *Golovachev P.* Kogo vybirat' v Tret'yu Dumu [Whom to choose in the Third Дума] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1907. No. 17. P. 3.
21. *Vetoshkin M.* Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group]. P. 315.
22. *Golovachev P.* Kogo vybirat' v Tret'yu Dumu [Whom to choose in the Third Дума]. P. 2.
23. *Vetoshkin M.* Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group]. P. 324.
24. *Mosina I. G., Rabinovich G. H.* Burzhuaziya Sibiry v 1907–1914 gg. [The bourgeoisie Siberia in 1907–1914] // *Iz istoriy burzhuazie Rossii - From the history of the bourgeoisie in Russia.* Tomsk. Tomsk State University. 1982. P. 117.
25. *Potantin G. N.* Op. cit. P. 270.
26. *Iordanskiy Nik.* Politicheskie zametki: beznadezhnyy optimism [Political notes: hopeless optimism] // *Sovremennyy mir - The modern world.* 1913. No. 12. P. 112.
27. *Sheinfel'd M. B.* Sibirskoe oblastnichestvo i bor'ba s nim marksistov v periodicheskoy pechaty v gody Per-voy mirivoy voyny [Siberian regionalism and combating Marxists in the periodical press during the First world war] // *Iz istoriy Sibiry - From the history of Siberia.* Krasnoyarsk pedagogical Institute. 1969. Vol. 1. P. 11.
28. *Potantin G. N.* Op. Cit. P. 319.
29. *Altayskiy B.* Chelyabinskiy perelom [Chelyabinsk fracture] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1907, No. 34, p. 14.
30. *Anuchin V. B.* Sibirskoe oblastnichestvo [Siberian regionalism] // *Sibirskiy student - Siberian student.* 1915. No. 1–2. Column 70.
31. *Shilovskiy M. V.* Sibirskoe oblastnichestvo [Siberian regionalism]. P. 212.
32. *Sheinfel'd M. B.* Op. Cit. P. 20.
33. *Novyy sbornik statey o Sibiry* [A new collection of articles on Siberia] // *Sibirskie voprosy – Siberian questions.* 1908, No. 33–34, p. 27.
34. *Vetoshkin M.* Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group]. P. 315
35. *Koloso E.* O prishloy i kraevoy intelligentsiy [About alien and the regional intelligentsia] // *Sibirskie zapisky - Siberian notes.* 1916, No. 3, pp. 206–220.
36. *Golovachev P.* Try vzglyada [Three views] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1907, No. 22, pp. 2–7.
37. *Golovachev P.* Real'nye interesy Sibiry i krayne levye partiy [The real interests of Siberia and the far left of the party] // *Sibirskie voprosy - Siberian questions.* 1907, No. 15, pp. 1–7.
38. *Shilovskiy M. V.* Oformlenie programmy sibirskih oblastnikov v period revolyutsiy 1905–1907 gg. [The program of the Siberian regionalists in the period of revolution of 1905–1907] // *Revolyutsionnoe I obshchestvennoe vmsharyutshy v Sibiry v kontse XIX – nachale XX veka - The revolutionary and public movement in Siberia in the late XIX – early XX century.* Novosibirsk. Nauka. 1986. Pp. 119–132.
39. *Zhadan L. A.* K voprosu ob ideologiy sibirskogo oblastnichestva [To the question about the ideology of Siberian regionalism]. P. 26.

40. Golovachev P. Real'nye interesy Sibiry i krayne levye partiy [The real interests of Siberia and the far left of the party]. P. 2.
41. Ibid. P. 3.
42. Ibid. P. 4.
43. Ibid.
44. Ibid. P. 5.
45. Ibid.
46. Ibid.
47. Ibid. Pp. 6–7.
48. Stalin I. Marksizm i natsional'nyy vopros [Marxism and the national question] // Sochineniya - Works. Vol. 2. Pp. 296–297.
49. Vatin V. A. K yubileyu oblastnichestva [For the anniversary of regionalism] // Sibirskiy arhiv - Siberian archive. 1915, No. 12, p. 363.

УДК 93/94; 908

А. И. Волкова

Работа редакции периодического издания Курской губернии в начале XX в. (на примере редакторской деятельности Курской губернской ученой архивной комиссии)

Статья посвящена анализу работы редакции периодического издания российской провинции в начале XX в. на примере редакторской деятельности подкомиссии Курской губернской ученой архивной комиссии по подготовке к изданию второго выпуска ее «Трудов».

В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Курской области, практически все они вводятся в научный оборот впервые. В статье представлена краткая история Курской губернской ученой архивной комиссии с момента ее создания в 1903 г. Раскрыты основные направления работы редакции и состав подкомиссии по подготовке к изданию второго выпуска «Трудов».

На основе подробного анализа протоколов общих заседаний Курской губернской ученой архивной комиссии с 1910 по 1914 г. автор рассматривает редакторскую деятельность по отбору и включению научных докладов, статей и других материалов во второй выпуск «Трудов».

The article dedicate analyzes the work of the periodical edition of the Russian province in the early XX century by the example of the editorial activity of the subcommission of the Kursk provincial scientific archive commission on preparation for the publication of the second edition of its “proceedings”.

The research is based on documents from the fund of the State Archive of the Kursk region, almost all of them are introduced into scientific revolution for the first time. The article presents a brief history of the Kursk provincial scientific archive committee since its inception in 1903. It outlines the main directions of work of the editorial and the composition of the subcommission to prepare for the publication of the second issue of the “Proceedings”.

Based on a detailed analysis of the Kursk provincial scientific archive committee general meeting minutes from 1910 to 1914. the author examines the editorial work on the selection and incorporation of scientific reports, articles and other materials in the second issue of the “Proceedings”.

Ключевые слова: Курская губерния, Курская губернская ученая архивная комиссия, периодические издания, Труды Курской губернской ученой архивной комиссии.

Keywords: Kursk province, Kursk provincial scientific archival commission, periodicals, Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission.

На основе архивных источников Государственного архива Курской области (далее ГАКО. – А. В.) проследим работу редакции периодического издания Курской губернской ученой архивной комиссии по подготовке к публикации второго выпуска ее трудов. Прежде отметим, что, во-первых, редакция Курской ученой архивной комиссии не идентична с привычными нам понятиями о редакциях периодических изданий, даже применительно к условиям начала XX в., в котором она функционировала. Во-вторых, само издание, «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии», не типичное периодическое издание, не ежедневная, -недельная, -месячная и т. п. газета, призванная отвечать на насущные запросы читателей и тем самым привлекать их внимание.

В состав редакции Курской губернской ученой архивной комиссии, а именно, в подкомиссию по изданию второго выпуска ее «Трудов», входили редакторы, сотрудники курских газет, авторы наиболее актуальных статей и заметок «Курских губернских ведомостей», «Курских епархиальных

ведомостей», «Курского листка». Среди них были известные курские краеведы, например Н. И. Златоверховников, А. А. Танков и другие. Многие сотрудники были знакомы с журналистской деятельностью, работой редакции периодических изданий Курской губернии. В начале XX в. в рамках Курской губернии деятельность редакции курских периодических изданий и редакция второго выпуска «Трудов Ученой архивной комиссии» были примерно равнозначны. Однако издания Курской губернской ученой архивной комиссии выходили с неопределенной периодичностью. Так, первый выпуск издания вышел в 1911 г. [1], второй – в 1915-м [2]. В состав второго выпуска трудов вошли статьи и сообщения курских ученых, краеведов, которые являлись постоянными авторами курских газет, к примеру А. А. Танков, Н. И. Златоверховников и другие.

В результате анализа периодических изданий Курской губернской ученой архивной комиссии нами установлено, что проследить работу редакции периодических изданий можно на примере работы подкомиссии по изданию очередного второго выпуска «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии». Но данный вывод характерен только применительно к работе редакции ученой архивной комиссии и ее периодическим изданиям.

Рассмотрим работу редакции периодических изданий Курской губернии в начале XX в., на примере работы подкомиссии по подготовке к изданию второго выпуска Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии.

Губернские ученые архивные комиссии – региональные организации, созданные в Российской империи в конце XIX в. по плану юриста, историка, археографа, архивиста, писателя, профессора истории русского права, член-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук, сенатора, издателя и редактора журнала «Юридический вестник» Н. В. Калачова, одобренному министром внутренних дел графом Д. А. Толстым [3], в соответствии с Положением Комитета министров «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов» от 13 апреля 1884 г. [4]

Всего в России было создано 39 губернских ученых архивных комиссий. Первые четыре комиссии были учреждены в 1884 г. в Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тверской губерниях.

Курская губернская ученая архивная комиссия начала свою работу лишь в 1903 г. [5], и первым ее председателем стал курский губернатор Н. Н. Гордеев. В состав комиссии входили талантливый публицист и журналист, редактор неофициальной части газеты «Курские губернские ведомости», известный курский историк и краевед, учитель гимназии А. А. Танков; секретарь Курского губернского статистического комитета Н. И. Златоверховников; директор народных училищ И. И. Дубасов и др. Почетными членами являлись директор Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Покровский, управляющий московским архивом Министерства юстиции Д. Я. Самоквасов.

Главным источником сведений о работе редакции Курской ученой архивной комиссии являются журналы собраний ее членов.

Из данных, указанных непосредственно в самом издании, узнаем, что вопрос о формировании второго выпуска «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии» возник на общем заседании ее членов 14 января 1914 г. [6] На этом собрании были решены и финансовые вопросы. Из протокола заседания видно, что собрание постановило: «1) приступить к изданию 2-го выпуска Трудов комиссии, в коем поместить доклады и сообщения, заслушанные в общих собраниях комиссии по 14 января 1914 года, а также отчеты и журналы заседаний комиссии; 2) ходатайствовать перед Курской губернской земской управой о бесплатном печатании означенного выпуска в земской типографии; 3) расходы на бумагу и проч. отнести на счет Гордеевского капитала» [7]. По просьбе Ученой архивной комиссии Губернская земская управа разрешила отпечатать в ее типографии 630 экземпляров «Трудов» с оплатой только стоимости бумаги.

Председателем редакционной подкомиссии по изданию второго выпуска «Трудов» на заседании от 24 января 1914 г. был избран Н. Н. Лоскутов. В состав подкомиссии входили А. М. Абаза, Н. Н. Гладков, Н. И. Златоверховников, А. А. Кандауров, А. Н. Кобылин, П. Г. Попов [8].

На общем собрании членов Ученой архивной комиссии было решено включить во второй выпуск «Трудов» некоторые сообщения и доклады, заслушанные на заседаниях комиссии с момента ее возникновения до заседания от 14 января 1914 г. [9]

Проследим, какие научные доклады, статьи, сообщения были заслушаны на общих заседаниях Курской губернской ученой архивной комиссии с 1910 по 1914 г., так как во второй выпуск «Трудов» были включены материалы, заслушанные на заседаниях комиссии именно в этот отрезок времени.

Представляется наиболее целесообразным проследить деятельность комиссии по журналам ее заседаний и тем самым рассмотреть работу редакции по подбору материалов для будущего издания. Так, на заседаниях от февраля 1910 г. Ученой архивной комиссией были заслушаны доклады Н. Горталова «Несколько мыслей по поводу археологических сезонов», А. Н. Кобылина «Дело о завещании генерал-майора Булгакова», И. М. Ломакина «Сборник свадебных песен села Бутова, Грайворонского

уезда» [10]. В октябре и ноябре того же года перед членами Ученой архивной комиссии выступал А. Н. Кобылин с сообщениями «О каменных бабах» и «Об академике Трутовском» [11].

В марте 1911 г. на заседании комиссии был заслушан отчет о ее работе, а также свои доклады представили Н. Н. Гладков «О фамильных документах, относящихся к эпохе Отечественной войны», А. Н. Кобылин «Биографический очерк Шварца», М. П. Парманин «Материалы по Корочанскому уезду» [12]. Последние двое, еще на одном заседании, в июне, выступили с докладами на исторические темы – «Город Курск на реке Ловати» и «Исторические материалы» [13].

Из анализа рассматриваемых материалов, заслушиваемых на заседаниях комиссии, видно, что редакцию, прежде всего, интересовали вопросы, связанные с историей Курского края.

Достаточно плодотворным для Ученой архивной комиссии был 1912 г. Так, на январских заседаниях был заслушан доклад, представленный тремя ее членами, а именно, сообщение «О поднесении государю Императору Трудов Комиссии» А. Н. Кобылина, Н. Н. Лоскутова и Н. И. Златоверховникова [14]. Кроме того, самостоятельные материалы сообщили комиссии А. Н. Кобылин «О XV Археологическом съезде в Новгороде», И. И. Евсеев «О Рыльской десятине» [15]. Уже в октябре свои работы на обсуждение комиссии предоставили Н. И. Златоверховников «Краткий обзор некоторых сохранившихся в Курской губернии письменных и вещественных памятников Отечественной войны» и А. А. Танков «Курское общество во время Отечественной войны» [16].

На заседании от 21 февраля 1913 г. П. Г. Попов доложил членам комиссии об «Утвержденной грамоте об избрании на Московское Государство Михаила Федоровича Романова» [17]. Эта же тематика была продолжена и на заседании от 24 мая, на котором совместный доклад «О принесении ИХ Императорским Величествам верноподданнических поздравлений депутацией Курской Ученой Архивной Комиссии в 22-й день февраля 1913 года по случаю исполнившегося 300-летия Царствования Дома Романовых» представили члены Ученой архивной комиссии Н. Н. Лоскутов, А. А. Кондауров и Н. И. Златоверховников [18].

О высокой исследовательской плодотворности членов комиссии в целом и редакции в частности может говорить тот факт, что многие из них представляли свои доклады на суд Ученой архивной комиссии достаточно часто. Так, уже на следующем заседании Н. И. Златоверховников выступал с сообщением «О занятиях съезда деятелей музеев» [19]. Кроме него на этом собрании выступали Т. В. Проскурников с материалом «К истории слободской Украины» и докладом «Причины Отечественной войны и значение ее для России», «19 февраля 1961 года», М. В. Таряников с сообщением «Село Большое Яблоново» [20]. В октябре того же года, наряду с отчетом о деятельности Ученой архивной комиссии, были заслушаны доклады И. Д. Стрелкова-Стрельского «Указатель важнейших статей, напечатанных в Курских Губернских Ведомостях за 1900–1908 годы» и М. П. Парманина «Город Короча к 275-летию существования», «Древности Корочанского Рождества Богородичского храма к 275-летнему существованию города Корочи» [21].

И, наконец, в 1914 г., в год непосредственной работы редакции по составлению и изданию второго выпуска «Трудов Ученой архивной комиссии», на январском заседании свои доклады «Курский край в начале царствования Петра Великого» и «Курск» представили соответственно А. А. Танков и А. И. Фирсов [22].

В 1915 г. вышел в свет второй выпуск «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии» [23]. Издание состояло из двух частей с отдельной для каждой из них нумерацией страниц.

В первую часть были включены сообщения и доклады, прочитанные на общих собраниях и одобренные членами Комиссии, и речь, произнесенная почетным членом Комиссии Н. П. Муратовым на торжественном юбилейном совместном собрании Курской губернской ученой архивной комиссии и Курского епархиального историко-археологического общества от 21 февраля 1913 г. [24] Следует отметить, что в примечаниях к каждому докладу и сообщению указаны журналы заседаний Ученой архивной комиссии, на которых они были заслушаны и приняты, а также записаны прения и постановления, относящиеся к этим сообщениям [25].

Во вторую часть выпуска включены журналы общих собраний Курской губернской ученой архивной комиссии в период с 28 апреля 1910 г. по 30 мая 1914 г. и отчеты о деятельности Комиссии с 1910 по 1913 г. включительно [26].

После выхода второго выпуска «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии» и рассылки издания по библиотекам и губерниям России в редакцию стали поступать отклики на данное издание. В Курскую ученой архивную комиссию поступали отзывы от различных учреждений. Так, к примеру, Общий архив Министерства Императорского Двора (Петроград, от 15 июля 1915 г., № 181. – А. В.), получив второй выпуск издания «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии», посчитал долгом «выразить Комиссии свою признательность за любезное предоставление Архиву означенного издания» [27] (в документе подписи заведующего общим архивом, действительного статского советника и старшего архивариуса. – А. В.).

Другой специалист – библиотекарь Российского общества нумизматов (Петроград, от 30 июня 1915 г., № 84. – А. В.) отмечает, что «с глубокой благодарностью имеет честь уведомить Курскую губернскую ученую архивную комиссию о получении 2-го выпуска ее Труда и дневника раскопок в Обоянском уезде Д. Я. Самоквасова» [28].

Свои отзывы прислали Рязанская ученая архивная комиссия, которая, как видно из документа, получив в дар «Труды Комиссии вып. II – 1915», приносит Курской ученой архивной комиссии искреннюю благодарность [29]. Смоленская ученая архивная комиссия (Смоленск, от 8 мая 1917 г., № 161. – А. В.) сообщает, что «с благодарностью имеет честь уведомить о получении присланных в дар ее библиотеки второго выпуска Трудов Комиссии 1915 года и Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева» [30].

Приведенная нами небольшая часть отзывов показывает, что издание очередного выпуска «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии» вызвало широкий интерес во многих губернских ученых архивных комиссиях, исторических обществах, ведомственных учреждениях. Письма, пришедшие в адрес редакции, содержали отзывы на вышедшее издание, со словами благодарности Курской ученой архивной комиссии.

В заключение отметим, что, во-первых, второй выпуск «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии» был подготовлен особенно внимательно и четко, что, в свою очередь, говорит о высокой степени ответственности членов подкомиссии в отношении подготовки к изданию данного выпуска. Об этом говорит хотя бы тот факт, что каждый доклад и сообщение, вошедшее в выпуск, было заслушано, обсуждено и утверждено Комиссией.

Во-вторых, так как в состав подкомиссии по изданию Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии входили представители редакций курских периодических изданий, то можно сделать вывод об их ответственном отношении к выпускаемому изданию и высокой степени профессионализма. На основании данного примера можно говорить, что редакции курских периодических изданий (например, газет «Курские губернские ведомости», «Курские епархиальные ведомости») с такой же степенью ответственности и внимательности относились к выпускаемым им изданиям.

Следует отметить, что газеты выходили с большей частотой номеров, чем Труды Ученой архивной комиссии, и проверялись менее значительно. Статьи не заслушивались на общих собраниях, но, тем не менее, проходили серьезную редакторскую проверку.

В-третьих, в отличие от публикаций в газетах, второй выпуск Трудов Ученой архивной комиссии полностью состоит из краеведческих материалов, представляющий огромную историческую краеведческую ценность. Значительный объем информации выпуска занимали доклады и сообщения по истории и культуре Курского края.

Примечания

1. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1911. С. 320.
2. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1915. С. 331.
3. Архивные ученые комиссии губернские // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/6802/ (дата обращения 30 ноября 2016 г.)
4. Норцов А. Н. Губернские ученые архивные комиссии и их значение. Тамбов: Тамбов. тип. губерн. правления, 1899; 2-е изд. 1904. URL: Российская гос. Библиотека: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003555837?page=22> (дата обращения 29 ноября 2016 г.)
5. Плаксин И. М. Работа над ошибками: о датах учреждения Курской губернской ученой архивной комиссии и Курского Историко-археологического и Кустарного музея. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=-http%3A%2F%2Fkursk-museum.ru%2Fwpcontent%2Fuploads%2F2015%2F10%2Fplaksin1.docx&name=plaksin1.docx> (дата обращения 30 ноября 2016 г.)
6. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1915. С. 1.
7. Там же.
8. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.
9. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1915. С. 1.
10. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. Л. 2–2 об.
17. Там же. Л. 2 об.

18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1915. С. 331.
24. Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курская ученая архивная комиссия. Курск, 1915. С. II.
25. Там же.
26. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 47 об.
27. Там же. Л. 59.
28. Там же. Л. 58.
29. Там же. Л. 57.
30. Там же. Л. 94.

Notes

1. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 1. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya - Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 1-st. Kursk scientific archival commission. Kursk. 1911. P. 320.
2. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya - Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 2-nd. Kursk scientific archival commission. Kursk, 1915. P. 331.
3. Arhivnye uchenye komissii gubernskie - Archival scientists provincial commission // Encyclopedic Dictionary by Brockhaus and Efron: in 86 vol. SPb. 1890–1907. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/6802/ (date of the access: November 30 th, 2016).
4. *Norcov A. N.* Gubernskie uchenye arhivnye komissii i ih znachenie [Provincial archival commissions of scientists and their importance]. Tambov. Tambov printing house of the provincial government. 1899. 20 p. 2-nd edition 1904. Available at: Russian State Library: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003555837#?page=22> (date of the access: November 29 th, 2016).
5. *Plaksin I. M.* Rabota nad oshibkami: o datah uchrezhdeniya Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii i Kurskogo Istoriko#arheologicheskogo i Kustarnogo muzeya [Work on the errors: on the dates of establishment of Kursk provincial scientific archive commission and Kursk Historical and Archaeological Museum and Handicraft]. Available at: https://docviewer.yandex.ru/?Available_at=http-%3A%2F%2Fkursk-museum.ru%2Fwpcontent%2Fuploads%2F2015%2F10%2Fplaksin1.docx&name=plaksin1.docx (date of the access: November 30 th, 2016).
6. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 2-nd. Kursk scientific archival commission. Kursk. 1915. P. I.
7. Ibid.
8. State archive of the Kursk region (GAKO). F. 2. Inv. 1. File 24. Sh. 24.
9. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya - Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 2-nd. Kursk scientific archival commission. Kursk. 1915. P. I.
10. GAKO. F. 2. Inv. 1. File 24. Sh. 2.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid. Sh. 2–2.
17. Ibid. Sh. 2.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya – Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 2-nd. Kursk scientific archival commission. Kursk. 1915. P. 331.
24. Trudy Kurskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Kurskaya uchenaya arhivnaya komissiya – Proceedings of the Kursk provincial scientific archival commission: Edition 2-nd. Kursk scientific archival commission. Kursk. 1915. P. II.
25. Ibid.
26. GAKO. F. 2. Inv. 1. File 24. Sh. 47.
27. Ibid. Sh. 59.
28. Ibid. Sh. 58.
29. Ibid. Sh. 57.
30. Ibid. Sh. 94.

Символика перстня в повести Н. А. Мельгунова «Кто же он?» и традиция русской романтической повести

Актуальность темы связана с интересом к проблеме национальной идентичности. Рассматривается повесть Н. А. Мельгунова, фантастический сюжет которой проецируется на бытовой план московской жизни. Смысловым центром «Кто же он?» является образ перстня-талисмана. Кольцо как знак власти присутствует и в произведениях близких Мельгунову людей – в повестях «Опал» И. В. Киреевского и «Перстень» Н. А. Баратынского. Круг литераторов, в котором вращался Мельгунов, находился в четко просматриваемой связи с Д. В. Веневитиновым. В статье представлено исследование таинственного психологического феномена, оказавшего сильное эмоциональное влияние на русскую дворянскую интеллигенцию. Опираясь на отечественную и западноевропейскую традицию, Н. А. Мельгунов соединяет свои представления о «художественной демографии» с православной мифологией греха. Данный подход позволяет показать особенности формирования национального мистического сознания.

Background associated with an interest in the issue of national identity. The article discusses N. A. Melgunov's novel, a fantastic story which is projected onto the consumer plan of life in Moscow. The semantic center of "Who is it?" is the image of the ring-mascot. Ring as a sign of power is presented in the stories of Melgunov's close one's: "Opal" by I. V. Kireevsky and "Ring" by N. A. Baratynsky as well. The Community of Writers, that Melgunov belonged to, was in a clearly visible due to D. V. Venevitinov. The article presents a study of the mysterious psychological phenomenon, which has had a strong emotional impact on the Russian aristocratic intelligentsia. Relying on Russian and Western European tradition, N. A. Melgunov connects their ideas of "art demonografii" with the Orthodox mythology sin. This approach allows us to show the features of the formation of national consciousness of the mystic.

Ключевые слова: символ, перстень, портрет, миф, сюжет, образ, поэтика, повесть.

Keywords: symbol, ring, portrait, myth, story, image, poetics, novel.

Николай Александрович Мельгунов (1804–1867) – писатель, переводчик, критик. В 30–40-е гг. XIX в. его литературная карьера достаточно удачно складывалась. В 1826 г. вместе с С. П. Шевыревым и В. П. Титовым он переводит сочинения В. Г. Вакенродера. В триумвирате архивных юношей, «любителей изящного», Мельгунов считался специалистом по музыке, и не случайно. Он положил на музыку стихотворения А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, Е. А. Баратынского и др., с детства был близким другом М. И. Глинки. Поэтому из четырех глав, переведенных Мельгуновым из книги Л. Тика «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного», ставшей манифестом романтизма, в том числе и России, три были музыкальные.

«Как повествователь Мельгунов выступает перед публикою в первый раз в “Телескопе” в 1831 году с небольшою повестью “Кто же он?”, повестью по сюжету фантастическою, из “страшных» [1]. Эта повесть вписывается в «демоническую» прозу 30-х гг. XIX в., когда в русском обществе обнаружилось особое внимание к сверхъестественному. Автор использует ситуации похищения, роковой случайности, тайны, мотивы жениха-призрака, договора с дьяволом, двойничества и др. «Кто же он?» как фантастическая романтическая повесть близка произведениям Ан. Погорельского, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. М. Загоскина, В. Ф. Одоевского.

Повесть Мельгунова сравнивалась также с произведениями западноевропейских писателей – с романом Ч. Р. Мэтьюрина «Мельмот-скиталец» (1820), с повестью Г. Полидори «Вампир» (1818), с новеллой Э. Т. А. Гофмана «Магнетизер» (1814) [2]. Обращает на себя внимание то, что данные произведения были переведены на русский язык в рамках дружеского общения: автором перевода готического романа стал сам Н. А. Мельгунов (1833), английской повести – П. И. Киреевский (1833), а гофмановской новеллы – Д. В. Веневитинов (1827).

Создание повести Н. А. Мельгунова «Кто же он?» связано не только с размышлением о перстнях-талисманах как носителях сверхъестественной силы, но и с романтической фантастикой,

навеянной безвременной смертью Д. В. Веневитинова (1805–1827). Известно, что Хомяков надел на безымянный палец правой руки умирающего Веневитинова бронзовый перстень. Его, как талисман, призванный охранять от беды, ему подарила в день отъезда из Москвы Зинаида Волконская. Перстень был найден при раскопках Геркуланума, поэт обещал его надеть в день свадьбы или в день смерти. Веневитинов умер через четыре месяца после получения перстня-талисмана. Инстинктивное ощущение его символического значения ощутили его друзья – А. С. Хомяков, Н. А. Мельгунов, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский и др. Строки же из стихотворения Веневитинова «К моему перстню» воспринимались как пророческие:

Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой [3].

В повести Мельгунова «Кто же он?» фигурирует фамильный перстень: он называется «таинственным», в нем заключена «таинственная сила». Перстень описывается следующим образом: «с геммою отличной работы... Голова юноши, вероятно Алкивиада, выдавалась рельефом на белом халцедоне» [4]. Халцедон – талисман людей, стремящихся обрести семейное счастье. Белые халцедоны считались камнями любви [5]. Алкивиад, ученик Сократа, известный военачальник, отличался противоречивым характером, сочетал в себе замечательные способности (храбрость, красноречие и др.) с эгоизмом и своеволием. Возможно, выбор афинского полководца в качестве изображения на перстне связан с необыкновенным его обаянием и умением подчинить своей власти окружающих.

Обладательницей перстня в повести Мельгунова должна была стать избранница героя: «от оного будет зависеть судьба той, которую изберет себе в супруги» [6]. Это предание, связанное с фамильным перстнем, герой услышал от бабушки. Молодой человек неожиданно умирает, но перед смертью сообщает своему другу тайну: он любит Глафиру Линдину, как выясняется впоследствии, взаимно. Девушка просит отца купить этот перстень на аукционе: «Я думала обручиться этим перстнем навеки с не нареченным супругом» [7]. Образ Глафиры Линдиной вписывается в традицию изображения женского национального характера. Она отличается благочестием, кротостью, преданностью. Она, как и Ксения Годунова, хочет остаться верной своему жениху. Девушка трижды повторяет клятву умершему: «клянусь быть твоею и на земле и в небе, твоею навеки»; «я поклялась принадлежать ему одному и в здешней жизни и в будущей»; «я поклялась – и теперь, перед лицом Бога и перед вами, повторяю свою клятву – я поклялась не принадлежать никому в здешнем мире» [8]. Однако обладателем перстня становится таинственный Вашиадан, который странным образом напоминает умершего возлюбленного. Глафира оказывается в его власти. Перстень-талисман магически действует на героиню.

Практически одновременно с повестью «Кто же он?» создаются еще две, в которых значимым оказывается символика перстня: это «Опал» И. В. Киреевского (повесть написана в конце 1830 г., но опубликована в 1834 г.) и «Перстень» Е. А. Баратынского (повесть написана в течение 1831 г., опубликована в 1832 г.). Так, Опальский, герой Баратынского, увидев свой перстень-талисман, потерял дар речи, затем взял его со стола, «с судорожным движением прижал его к своей груди» [9]. Когда Глафира видит драгоценный перстень на руке Вашиадана, то ею овладевают смешанные чувства – удивление, страх, ужас.

Впечатление, производимое перстнем-талисманом на Глафиру, соединяется с символическим значением фиолетовых очков Вашиадана: «Когда он снял их во время репетиции, лицо, голос его вдруг изменились: передо мной стоял мой возлюбленный, точь-в-точь он... И – в довершение очарования – таинственный перстень блеснул на его руке» [10]. Фиолетовый цвет, как известно, считается самым мистическим, потому что находится ближе к концу светового спектра, между видимым и невидимым глазу миром, за которым находится тайна. Первое появление Вашиадана производит ошеломляющее впечатление на его друга-рассказчика: его внешность и голос напоминали покойного. Однако таинственный незнакомец всегда «скрывается» за фиолетовыми очками. Даже мать Глафиры догадывается, что фиолетовые очки, как и перстень, имеют связь с потусторонним миром: «Мне кажется, что Вашиадан носит фиолетовые очки из... предосторожности. Когда он снял их, Глафира тотчас упала в обморок. Но я умыла ее святой водой и надеюсь, что болезнь пройдет скоро» [11].

Образ Вашиадана и ситуации, с ним связанные, имеют прямое отношение к немецкой литературной традиции. Фиолетовые очки скрывают «сверкающие глаза» героя. «Магнетическое действие глаз» Вашиадана сопоставимо с гофмановским Альбаном – героем новеллы «Магнетизер» (1814). Эту новеллу Гофмана, как было сказано, перевел на русский язык Д. В. Веневитинов под названием «Что пена в вине, то сны в голове». Герой Мельгунова приобретает такую же не-

объяснимую власть над Глафирой, как гофмановский Альбан подчиняет своему влиянию Марию. Вашиадан тоже заставляет Глафиру следовать за собой. И Альбан, и Вашиадан губят семьи своих избранниц. Повествование от лица друга семей девушек, которые попали под влияние нечистой силы, и у Гофмана, и у Мельгунова придает произведениям внутреннюю напряженность.

Перстень соединяет Глафиру – избранницу владельца талисмана и Вашиадана. «Узнаешь ли ты наше кольцо обручальное? Помнишь ли предсказание? Вот залог любви нашей» [12]. «Круговая символика делает кольцо эмблемой завершенности, силы и защиты, так же как и непрерывности – все, что вкладывается в символику обручальных и свадебных колец... Во многих легендах кольца часто связывали с магическими силами или спрятанными сокровищами – поверья, восходящие к преданию о кольце царя Соломона, которое было источником его сверхъестественных возможностей и мудрости» [13]. Поэтому кольцо не просто предмет, а символ, имеющий определенное культурологическое прочтение. Различные толкования перстня несут в себе авторскую функцию, превращаясь в образ-символ. Кольцо наделяется сакрально-магическим смыслом, который позволяет сделать текст более глубоким и связать его с архетипическими представлениями.

В повести «Испытание» (1830) А. А. Бестужева-Марлинского перстень связан с мотивами двойничества и нарушенного обещания. Перстень Алины, служивший символом клятвы верности, передается Греминым другу Стрелинскому, чтобы проверить постоянство возлюбленной. «При разлуке мы были неутешны и поменялись, как водится, кольцами и обетами неизменной верности» [14]. Тем самым Гремин вместе с перстнем вручает своему другу власть над сердцем любимой. Стрелинский надел перстень, чтобы графиня приняла его за своего давнего возлюбленного. «Невольное: ах! вырвалось у графини, когда в глаза ей сверкнул перстень испанца. По нем она узнала Гремина» [15]. Стрелинский надел перстень, чтобы графиня приняла его за своего давнего возлюбленного Гремина. В этом кольце заключены все доверие и любовь Алины, которыми Стрелинскому, в том числе и с помощью перстня, удастся завладеть.

Однако символика перстня-талисмана Н. А. Мельгунова ближе символике опала из одноименной повести И. В. Киреевского. Здесь кольцо является воплощением рока, судьбы, в нем заключены жизнь и гибель великого полководца. Обманутый царь отдал перстень небесной принцессе и потерял все материальные блага, но обрел мудрость. Несмотря на пагубное влияние кольца на Нурредина, оно все же помогло ему обрести понимание истинной для него ценности – мечты: «...перстень с его руки перешел на руку девицы, в то мгновение, продолжавшееся, может быть, не более одной минуты, новый мир вдруг исчез вместе с девицей» [16].

Возлюбленная Опальского из повести Е. А. Баратынского – «преlestная Мария». Он подарил ей перстень и «открыл тайную его силу»: «...как все земное, я сам подвластен этому перстню» [17]. Девушка же передала магический перстень своему избраннику. Герои Киреевского и Баратынского лишаются перстня-талисмана, обрекая себя на одиночество и уединение. Вашиадан тоже отдает перстень Глафире, теперь уже подчиняясь ее власти. Однако здесь перстень соединяет, а не разъединяет, как у Киреевского и Баратынского, героев. «Тут он прижал ее к своей груди и тихо надел ей на руку таинственный перстень» [18]. Глафира стала незаконной женой Вашиадана.

В повести Мельгунова выделяются ритмы времени, исполняя композиционную функцию. Примерно через год после смерти друга в Москве появляется Вашиадан, ровно через год, когда на часах пробило десять, Глафира теряет сознание на репетиции «Горе от ума», когда Вашиадан снимает фиолетовые очки. На следующий день он является за Глафирой и уводит ее. Девушка появляется еще через год: «Но помните ли вы своего прежнего, давно умершего друга, который, тому ровно два года, поверял мне заветное свое признание в любви к вам, тогда еще непорочной» [19].

Героиня Мельгунова – единственная – умирает: ни девица Музыка у Киреевского, ни Марья Петровна у Баратынского жизни не лишаются. У Мельгунова образно-смысловой акцент сделан на сверхъестественном. Так, намеренно выделяется автором магическое значение цифр. Трижды повторяется «исход десятого». Глафира умирает, когда «роковая стрелка опять указывала десятый в исходе» [20]. Иррациональные силы врываются в земную жизнь, причем вина, как считает Н. А. Мельгунов, лежит и на людях, допускающих общение с потусторонним миром. Этот мотив был хорошо известен русскому читателю 30-х гг. XIX в. по балладам Г. А. Бюргера «Ленора» (1776) и В. А. Жуковского «Людмила» (1808); он нашел отражение в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Кровь за кровь» (1825). Герой «Кто же он?» – вариант бюргеровского жениха-призрака: он возвращается за преданной ему девушкой, похищает ее, увозит в уединенное таинственное место.

Тема рокового предопределения становится одной из ведущих в повести Мельгунова. В ней создается сумрачно-таинственная атмосфера. Сверхъестественное вторгается в реальный мир, оказывая разрушительное действие на жизни героев. Выступая на стороне дьявольских сил, Вашиадан гибнет сам и губит всю семью Линдиных. Не давая разгадки тайны главного героя, Мельгунов показывает бессилие человека перед лицом иррациональных сил.

С символикой перстня авторы романтических повестей связывают мотив договора с дьяволом. В «Опале» Киреевского договор заключает китайский царь, отчаявшийся другим способом одолеть Нурредина. В «Перстне» Баратынского и «Кто же он?» Мельгунова обладатели перстня сами заключают договор. Опальский таким образом решает добиться любви женщины и постигнуть тайны природы. Фаустианский вариант мотива договора, представленный Баратынским, не приносит герою счастья.

Чародей в союзе с дьяволом – одна из ипостасей героя Мельгунова. В повести В. Ф. Одоевского «Косморама», написанной почти через десять лет после «Кто же он?», представлен подобный союз: описывается оживление мертвого графа, не пожелавшего отказаться от своей жены. Мертвец, уже лежавший в гробу, оживает и возвращается к земной жизни.

Вашиадан – «воплотившийся демон, посланный на срок». Герои Баратынского и Мельгунова, самостоятельно заключившие сделку, попадают в «царство зла». «Все было тихо, ничто не шевелилось... Наконец земля под ним вздрогнула... Яркие огни стали вылетать из нее один за другим; вскоре наполнился ими воздух... но свет не разогнал тьмы, его окружающей» [21]. В рукописи Опальского зрительное описание темного мира является воплощением злых помыслов, приводящих к «адским мучениям».

Глухая полночь, темный лес в повести Мельгунова освещаются блеском огня, превратившегося в пожар. «Треск, гул, грохот оглушают воздух, все колеблется, сам ад пирует на земле» [22]. В славянской мифологии признается два огня: небесный и адский. «После грехопадения отворились адские врата, и пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, чтобы причинить людям вред...» [23] Вашиадан вводит Глафиру в пышные хоромы, где они живут в течение года.

Повесть Мельгунова заканчивается характерной для романтического конфликта смертью. Вашиадан превращается в «бездыханный труп», а Глафира ненадолго освобождается, потому что звучит знакомый голос: «Она невинна!» [24] Однако бедная девушка – жертва таинственного пришельца – умирает, обретая покой «под уединенной сосной». Развязка коллизии дана на фоне описания соснового бора с его могильной коннотацией [25]. С образом Глафиры автор связывает православную мифологию греха и неизбежного раскаяния: «Каждый год, в день ее смерти, прохожие слышат хохот над могилой; но хохот умолкает, и тихий, нежный голос, нисходящий с эфирной выси, произносит слова: “Она невинна!”» [26]

В повести «Кто же он?», как и в других романтических произведениях 30-х гг. XIX в., символика перстня имеет несколько значений. Во-первых, это символ власти над своей либо чужой судьбой. В данной функции образ связан с мистической силой, с мотивом двойничества, когда один герой, надев перстень, перевоплощается в другого, а также с мотивами жениха-призрака, договора с дьяволом. Во-вторых, перстень выражает символику чувств, любви и вечной клятвы.

Примечания

1. Киричников А. И. Очерки по истории новой русской литературы (Пушкинский период). М., 1903. Т. II. С. 160.
2. Ильченко Н. М. Русско-немецкие литературные связи в отечественной прозе 30-х годов XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
3. Веневитинов Д. В. К моему перстню // Русские поэты XVIII–XIX в. в. Антология. М.; Л.: Изд-во «Дет. лит.», 1941. Т. 2. С. 536; В 1930 г. прах Веневитинова был перенесен с кладбища Симонова монастыря на Новодевичье. Перстень теперь хранится в Литературном музее.
4. Мельгунов Н. А. Кто же он? // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). М.; Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 231.
5. Гураль С. Драгоценные камни. Гид по миру ювелирных секретов. М.: Изд-во «Э2», 2016. С. 235.
6. Мельгунов Н. А. Кто же он? С. 246.
7. Там же.
8. Там же. С. 237, 338, 245.
9. Баратынский Е. А. Перстень // Европейец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 128.
10. Мельгунов Н. А. Кто же он? С. 246.
11. Там же. С. 243.
12. Там же. С. 252.
13. Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 157.
14. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание // Русская романтическая повесть. М.: Сов. Россия, 1980. С. 78.
15. Там же. С. 93.
16. Киреевский И. В. Опал // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). М.; Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 221.
17. Баратынский Е. А. Перстень... С. 135.
18. Мельгунов Н. А. Кто же он? С. 252.

19. Там же. С. 253.
20. Там же.
21. *Баратынский Е. А.* Перстень... С. 134.
22. *Мельгунов Н. А.* Кто же он? С. 251.
23. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: «Русский купец»: «Братья славяне», 1995. С. 218.
24. *Мельгунов Н. А.* Кто же он? С. 253.
25. См., напр.: *Ильченко Н. М.* Мотив перстня в русской романтической прозе // Проблема традиций в русской литературе. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2011. С. 30–36; Глафира Линдина, как и героиня Н. М. Карамзина, наделяется эпитетом «бедная» в значении несчастной судьбы, вызывающей сострадание. В повести Мельгунова используется авторская характеристика героини («Бедная девушка нашла в этом изображении большое сходство с милым ее другом». *Мельгунов Н. А.* С. 231) и самохарактеристика («Ох я, бедная!», *Мельгунов Н. А.* С. 236).
26. *Мельгунов Н. А.* Кто же он? С. 253–254.

Notes

1. *Kirpichnikov A. I.* Ocherki po istorii novoj russkoj literatury (Pushkinskij period) [Essays on the history of new Russian literature (the Pushkin period)]. М. 1903. Vol. II. P. 160.
2. *Il'chenko N. M.* Russko-nemeckie literaturnye svyazi v otechestvennoj proze 30#h godov XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk [Russo-German literary relations in the domestic fiction of the 30s of the XIX century: dis. ... Dr Philol. Sciences]. М. 2003.
3. *Venevitinov D. V.* K moemu perstnyu [To my ring] // Russkie poehty XVIII–XIX v. v. Antologiya - Russian poets of XVIII–XIX centuries anthology. Moscow; Leningrad. Publ. "Det. Lit.". 1941. Vol. 2. P. 536; In 1930s ash of Venevitinov was moved from the cemetery of the Simonov monastery to the Novodevichy. The ring is now kept in the Literary Museum.
4. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] // Russkaya fantasticheskaya proza ehpoi romantizma (1820–1840 gg.) – Russian fantastic prose of the romantic era (1820-1840 years). Moscow; Leningrad. Publ. of Leningrad University. 1991. P. 231.
5. *Gural' S.* Dragocennye kamni. Gid po miru yuvelirnyh sekretov [Precious stones. Guide to the world of jewelry secrets]. М. Publishing house "E2". 2016. P. 235.
6. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] P. 246.
7. Ibid.
8. Ibid. Pp. 237, 338, 245.
9. *Baratynskij E. A.* Persten' [Ring] // Evropeec. Zhurnal I. V. Kireevskogo – European. Journal of I. V. Kireevsky. 1832. М. 1989. P. 128.
10. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] P. 246.
11. Ibid. P. 243.
12. Ibid. P. 252.
13. *Tresidder D.* Slovar' simvolov [Dictionary of symbols] / transl. from English S. Palko. М. FAIRPRESS. 1999. P. 157.
14. *Bestuzhev-Marlinskij A. A.* Ispytanie [Trial] // Russian romantic novel. М. Sov. Russia. 1980. P. 78.
15. Ibid. P. 93.
16. *Kireevskij I. V.* Opal [Opal] // Russkaya fantasticheskaya proza ehpoi romantizma (1820–1840 gg.) Russian fantastic prose of the romantic era (1820-1840 years). Moscow; Leningrad. Publ. of Leningrad University. 1991. P. 221.
17. *Baratynskij E. A.* Persten'... [Ring...] P. 135.
18. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] P. 252.
19. Ibid. P. 253.
20. Ibid.
21. *Baratynskij E. A.* Persten'... [Ring...] P. 134.
22. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] P. 251.
23. *Grushko E. A., Medvedev YU. M.* Slovar' slavyanskoj mifologii [Dictionary of Slavic mythology]. Н. Новгород. "Russkiy kupets": "Bratua slavyane". 1995. P. 218.
24. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] P. 253.
25. See, eg.: *Il'chenko N. M.* Motiv perstnya v russkoj romanticheskoy proze [The motif of the ring in Russian romantic prose] // Problema tradicij v russkoj literature - Problem of traditions in Russian literature. Н. Новгород. NSPU n.a. K. Minin. 2011. Pp. 30-36; Glafira Lindina as the character of N. M. Karamzin, is endowed with the epithet "poor" in the sense of unhappy fate, calling compassion. In the story Melgunov uses the author's characterization of the heroine ("The poor girl found in this image a large similarity with a cute friend of hers". Melgunov N. A. P. 231) and self-characterization ("Oh I'm poor!", Melgunov N. A. P. 236).
26. *Mel'gunov N. A.* Kto zhe on? [Who is he?] Pp. 253-254.

“Homo Ludens” в автобиографической поэме русского зарубежья

В статье рассматриваются некоторые аспекты игровой поэтики автобиографической поэмы русской эмиграции. Автор останавливается на основных типах моделирования игрового дискурса: игра как театр и зрелище, игра как матрица и ритуальное пространство, игра как миф и мистерия. На материале автобиографических поэм И. Елагиной, И. Северянина, М. Цветаевой, Ю. Иваска анализируется сущность игровой природы текста, которая проявляется в воображении, наличии множества символических значений и их интерпретации, движении сюжетной линии как ритуального действия, театральных интерпретация автобиографического героя. При этом игра трактуется и как поэтический закон, и как онтологическая категория, и как суть самой природы искусства, и как сознательная мистификация.

Специальное внимание уделяется проблеме типологии автобиографического героя и его месту в жанрово-стилевой системе и синтезе жаровых форм.

The article explores the game principle in the autobiographical poetry of Igor Severynin, Marina Tsvetaeva, Ivan Yelaghin and Yuri Ivask in the period of their emigration. The author examines the basic patterns of the game artistic perception: the game as a spectacle and theatre, the game as the matrix of the ritual plot, as a myth, and as a mystery performance.

Special attention is paid to the typology of the autobiographic character and the character's place in the poem genre structure regarding the synthesis of genre forms.

Ключевые слова: поэзия русской эмиграции, автобиографическая поэма, игровая поэтика, синтез жанровых форм.

Keywords: Russian emigration poem, autobiographical poetry, game principle, patterns of the game.

Когда бы грек увидел эти игры...

О. Мандельштам. «Я не увижу знаменитой «Федры...»

Все умерли. Не умирают игры...

Ю. Иваск. «Homo ludens. Играющий человек»

Понятия «игра» и «играть» составляют важное художественное звено в художественном лексиконе литературы русской эмиграции, а в поэтическом творчестве эмигрантов они наполняются особым смыслом, являясь, с одной стороны, «данью» взрастившему их Серебряному веку, с другой – наполняясь особым трагическим смыслом.

Это обусловило особый тип жанрообразования, свойственный зарубежному вектору русской литературы. Мемуарно-биографический пласт этой литературы, представленный дневниками, воспоминаниями, художественным автобиографическим и биографическим творчеством, отразил художественное сознание писателя-эмигранта, оказавшегося в ситуации свидетеля и биографа трагической эпохи, пережившей катастрофы нескольких революций и войн. А по отношению к поэзии сказанное приобретает особый смысл, потому что автобиографизм в поэзии верифицируется очень сложно, если иметь в виду, что любая поэзия в известной степени автобиографична.

На фоне огромного количества исследований, посвященных разным типам автобиографического жанра Ж. Гюсдорфа, Ф. Лежен Д. Уинслоу, М. Джолли, Г. Винокура, С. Аверинцева, М. Уварова и др., поэтические автобиографии представляют особый интерес не только для филологов, но и для иных сфер гуманитарной науки, демонстрируя все новые и новые возможности автобиографического письма (не случайно авторы работ стремятся к поискам наиболее адекватных жанру характеристик: «отография» Ж. Деррида, «автофикция» (С. Дубровский), «эго-документ» и др.).

Маргинальная зона «непринадлежности» ни к одному географическому пространству, граница, разделившая Россию и остальной мир, обусловили пристальное внимание к собственной личности, к её «мутирующему» сознанию в ситуации «порога» и пространственно-временных сдвигов. Культура эмиграции отразила ситуацию «взрыва», детонатором которой стала не только историческая ситуация в России и Европе, но и состояние культуры, её религиозно-философская парадигма, её эсхатологическая составляющая. В системе этой парадигмы (в её социальном, политическом, религиозном, художественном векторах) усиливается потребность художника в

автокоммуникации, потому что «вблизи точек бифуркации система имеет тенденцию переходить на режим индивидуального поведения» [1].

Все это способствовало актуализации представлений о значимости собственного личного опыта в эмигрантском сознании и в то же время свидетельствовало о болезненном состоянии русского рассеяния. Иррациональные формы выражения этого состояния (сон, маска, миф, игра и др.) отражали его интенцию к эскапизму, выраженному пассаизму, проявляющихся в различных видах автобиографизма, причудливо сочетающихся с трагической рефлексией прошлого, «осанна» которому соседствовала с анафемой, что придавало личности художника особый смысл.

Повышенный интерес русской диаспоры к игровым формам, унаследованный от жизнетворческих моделей Серебряного века, получил в автобиографической поэзии эмиграции многообразные формы. При этом игра трактуется и как поэтический закон, и как онтологическая категория, и как суть самой природы искусства, и как сознательная мистификация, тип творческого поведения и выражение творческой свободы.

Безусловно, в пространстве поэтического автобиографизма ведущее место принадлежит поэме. Именно этот жанр наиболее адекватно и последовательно отвечает потребностям автометаописания, опираясь на принцип «избирательной памяти», что отражается в одновременности разворачивающихся событий, свободной игре с пространством и временем – историческим, психологическим, лирическим, – определяющим «обратный» его отсчет времени (оно движется не от прошлого к настоящему, а от настоящего к прошлому), наличию т. н. принципа «эхо» и бриколажа. В этом своем качестве художественная автобиография (в том числе и западноевропейская), как ни один другой жанр, отвечала исканиям автобиографической поэтики модернизма, формированию которой во многом способствовали различные психоаналитические теории, в частности К. Юнга, книгу которого «Воспоминания, сновидения, размышления» называли «прототипической автобиографией модернизма» [2].

Кроме того, автобиографическая поэма русского зарубежья буквально «пронизана» историей, что является общим свойством эмигрантской литературы, при этом история входит в контекстное и поэтическое поле не только в её событийном аспекте, но и как особый тип лирической рефлексии в разных способах её выражения. Одним из них и является игровой компонент. Для русского литературного сознания вообще типично отражение истории через игровое начало, реализуемое и через пародию, и через театральность, и через игру стилями и контекстами... В игру втягиваются не только исторические факты и персоны, но и сам стержень русской истории, «страны с непредсказуемым прошлым».

Сложность автобиографической лирики заключается в свободном соотношении между автором и персонажем, тонкой грани между реальностью и вымыслом, в разной позиции героя поэмы, который может быть вымышленным персонажем. Лирика в большей степени разрушает грани между автобиографией и мемуарами, что делает проблематичным разграничение жанровых канонов.

Применяя существующую по отношению к прозе классификацию (У. Мюзара-Шрейдер [3]), выделим автобиографическую поэму мемуарного типа, в которой судьба и жизнь автобиографического героя вписывается в движение истории, вовлекая других персонажей, а сам автобиографический герой приобретает черты нарратора, не являясь центром фабульного пространства. Другой тип – автобиографическая поэма с образом автора в центре поэмы. Наконец, поэма со скрытым автобиографическим компонентом, с преобладанием художественно обусловленной стратегии авторского сознания, переходящей в мифологическую (или игровую) форму (М. Цветаева).

Особенностью автобиографической поэмы является не только её сращенность с русской историей, но и интермедийный её характер, основанный на использовании живописной, кинематографической, театральной стилистики. При этом новая стилистика определяется психологическими особенностями памяти, её зрительными, ассоциативными и иными характеристиками, монтажным принципом воспроизведения, поэтикой «остановленного кадра» и т. д. Используется поэтика театральности (у Северянина), отсылка к узнаваемым мизансценам, фотографии, принцип «драматической подвешенности» [4] (у Елагина).

Индивидуальные формы игровой модели воплощаются в конкретных проявлениях: это сознательная фольклорная и театральная мистификация И. Северянина, ритуализированная мифобиография М. Цветаевой, художественная и религиозно-философская космогония в представлении о тотальности Игры как творящей силы культуры Ю. Иваска, кинематографическая поэтика И. Елагина, игра памяти, воображения и сна как стихия подсознания В. Набокова. Игровая стратегия дискурса проявляется и в стилистике «потока сознания» как основном приеме организации текста. Эскапизм экзистенциального сознания воплощается в дискретности текста, экс-

прессивном синтаксисе, метафоризации и символизации художественных деталей, доминировании в структуре текста мотивов выхода за границы и темы бегства в ирреальный мир фантазии.

Примечательно, что аналогичные процессы характерны и для автобиографической поэмы метрополии, особенно у поэтов, представляющих т. н. «внутреннюю» эмиграцию (А. Ахматова, С. Есенин, И. Сельвинский, Б. Пастернак и др.). Это свидетельствует о глубокой укорененности художественно-эстетических принципов русской автобиографической поэмы XIX – начала XX в. (в том числе и в близком ей контексте («Младенчество» Вяч. Иванова, «Старинные октавы» Дм. Мережковского, «Возмездие» А. Блока, «Форель разбивает лед» М. Кузмина, «Высокая болезнь» Б. Пастернака и др.).

Если принимать во внимание, что в основе модели автобиографической поэмы – становление творческой личности (и, что особенно важно, личности поэта), то открытость поэмы сложным жанрово-стилевым процессам (цикличность памяти на фоне линейности истории, процесс жанровой диффузии, совмещение поэтики мгновения с широкой исторической панорамой) придает ей характер экспериментальной свободы и авторской игры.

Обращаясь к эмпирическому материалу, мы выделили четыре типа игрового дискурса в автобиографической поэме при одной общей составляющей – во всех игра является творческой доминантой, закрепленной в русской культурной традиции в виде маргинального или театрализованного поведения, самозванства, а в культуре Серебряного века – в «разыгрывании собственной жизни как бы на театре жгучих импровизаций...» [5].

Подчеркнем в связи с этим, что над всеми автобиографическими поэмами «витают» тень Пушкина – не только в жанровом отношении (использование строфики, жанровой модели романа в стихах), но и в особом синтезе лирического начала с эпико-описательными конструкциями, стремлении к энциклопедичности, обилии персонажей, типически убедительных характеров, непринужденной авторской интонации. Между тем, как известно, подобный диалог с литературной традицией свойствен автобиографической поэме Серебряного века («Старинные октавы» Дм. Мережковского, «Первое свидание» А. Белого), демонстрировавшей как преемственность, так и противостояние этой традиции.

В поэме И. Северянина «Роса оранжевого часа. Поэма детства в 3-х частях», которую поэт назвал своей «лебединой песнью», легкий ритм четырехстопного ямба, одновременно устанавливающий связь с пушкинской традицией и русским фольклором, воспроизводит не только энергетику детства, быструю смену ощущений, переживание жизни, калейдоскопичность детских впечатлений, но и «аромат эпохи». Художественная генеалогия рода и детство лирического персонажа-автора вписывается в широкую пространственно-временную панораму эпохи, создавая своеобразную «энциклопедию русской жизни», что также подчеркивает влияние Пушкина («Мне Пушкин дал свою корону»), усиленное разговорными интонациями, поэтикой импровизации, игрой с претекстами, аллюзиями, большей частью «онегинского» типа:

Её отец не ведал злобы,
Был безобидный человек.
В то время люди без аптек,
Совсем почти без медицины
На свете жили. Десятины
Прекрасной пахотной земли
Давали все, что дать могли... [6]

Игра с интертекстами – Пушкина (не только в стиле и ритмико-метрической сфере, но и в жанровой традиции «свободного романа»), Тютчева, Фета, самого Северянина – отличительная особенность поэмы «Роса оранжевого часа».

Пространственно-временной границей между автором и автобиографическим персонажем выступают сон и сновидения. Поэма начинается образом «престранного сна» – ребенка? Взрослого? – в котором семантическая насыщенность деталей, образов повседневного быта (семья, окружение, учеба) переходит в описания природы: русский Север, Сибирь и Байкал. Впечатляют картины ледохода на реке, весенние разливы – все, что ассоциируется с образом России. Природный ландшафт в поэме – тоже автобиографическая реалья, поданная в стилистике романтической утопии природы.

Гимн природе в 7-й главе приобретает иную стилевую окраску – «северянинскую», с особыми неологизмами, изысканными метафорами и резкой антиномией этого состояния восторга, обозначенного как «предсмертье», мгновенье последнего вздоха.

Автобиографические поэмы И. Северянина трансформируют разнообразные формы переживания документального материала в художественный текст с почти авантюрным сюжетом. Доку-

ментальный пласт трансформируется, попадая в поле поэтического воображения, а автор принимает на себя функцию режиссера, расставляя персонажей, выстраивая мизансцены, определяя эстетику представления.

Сложный «узор» поэмы «Колокола собора чувств» (1925) соткан из нескольких игровых пространств: игры с интертекстами и театральным языком эпохи и празднично-балаганной стихии площади. Из всех автобиографических поэм Северянина эта поэма, предназначенная автором стать заключительной частью его автобиографической трилогии, представляется наиболее удачной не только в композиционной сфере, которая сдерживается и структурируется событийным фактором, но и в области историко-культурной, так как представляет одну из ярких страниц истории русского авангарда. Это обстоятельство сближает её с мемуарами. Принцип театральности здесь основан на идее жизнотворчества, трансформированного в футуристическую перформансную стратегию, стратегию балагана и карнавала. Автор должен постоянно переходить от реальности к вымыслу и обратно, создавая мнение о себе как о мистификаторе и лицедее.

И в этой игровой стихии пушкинскому интертексту (здесь отчетливо угадывается Пушкин как автор не только «Онегина», но и «Графа Нулина», шуточных стихов и эпиграмм) принадлежит особое место. Еще в 1918-м, а позже и в 1926 г. Северянин пишет два стихотворения, посвященных Пушкину. Сонет «Пушкин» (1926) «Есть имена, как Солнце. Имена – / Как музыка...» демонстрирует приверженность поэта пушкинскому творчеству. Но в игровой канве «Колоколов» «текст» Пушкина является не просто стилизацией. Это скорее импровизация в пушкинском стиле, когда стих, апеллируя к известным пушкинским импровизациям, неожиданно ускользает, уступая место типично северянинским образам. Подчеркнем еще раз, что в подобном обращении с пушкинским текстом поэт не оригинален – примером бытописательской поэмы с интонационной и стилистической доминантой «Евгения Онегина» может быть названо «Первое свидание» А. Белого (1921).

Сюжетную канву поэмы И. Северянина составляет хронологически точный рассказ о крымском турне автора 1913 – начала 1914 г. (после гастрольной поездки с Ф. Сологубом и Н. Чеботаревской) с поэзоконцертами, эпизоды его дружбы, а потом и размолвки с Маяковским и Бурлюком, встречи с литераторами-современниками, роман с Сонкой (Софьей Шемардиной).

Поэтическое путешествие-турне «Олимпиада футуризма» стало в авторефлексии Северянина путешествием по времени, по памяти, из которой встают голоса: «безголосый» Буян (псевдоним симферопольского поэта В. И. Сидорова), выкрикивающий Бурлюк, чеканный, громоподобный, хлещущий бас Маяковского. Особенно дороги Северянину легкость и свобода, воплощавшиеся в пирах (поэтических и гастрономических). Мотиву пира не случайно отводится центральное место в поэме Северянина – гастрономический дискурс занимал особое положение в идеях и экспериментах футуризма: выступая против литературного академизма и поведенческих норм, футуристы создали и свою «кухню», ибо люди будущего и питаться должны были пищей будущего.

Идея футуристической кухни реализовалась в 1930 г. в «Манифесте футуристической кухни» Ф. Маринетти [7], предлагавшего экзотические блюда типа «Мясопластика», «Блюдо-портрет блондинки», «Блюдо-портрет врага», «Интуитивная закуска», «Аэрокушанье» и др.). Несмотря на то что официально творение Маринетти увидело свет только в 1930 г., идеи этого манифеста витали в повседневных гастрономических перформансах футуристов, что отражено в многочисленной мемуарной литературе о футуризме и футуристах.

Художественное обращение к гастрономической избыточности и семантике пира в целом отвечало карнавально-балаганной стихии, её материально-телесному коду – «праздничному, пиршественному, ликующему» [8] началу, включающему семантику звуков, запахов, внешних деталей, ассоциирующихся с ряженым и гротеском жестов, мимики. Все это создает впечатление, что реальная жизнь становится фантазией, а иллюзия искусства становится реальностью. Б. Пастернак охарактеризовал эту художественную ситуацию как «род автобиографической феноменологии» [9].

На фоне грандиозной декорации ночного Тифлиса (города-«златовзора») разворачивается драматургия пира, превращающая его в грандиозное праздничное действо-шествие грузинской «бешеной ночи». Гипертрофированная карнавальная образность в духе «смехачей» пронизывает сцену пира у Буяна, построенную на зооморфной символической карнавальной образности: «сестра изображает паву», её супруг «имеет красный галстук, и сизый нос, и трухлый мозг, и на носу коньячный лоск», «старушки с минеральных вод», вертящие «сухими ребрами». Гастрономическая роскошь, обилие еды и вина, приравненной к ним поэзии («а в промежутке меж блюдами Буян нас пичкает стишками»), дополненные любовными страстями, – все это венчается заключительной восторженной сентенцией:

С утра шампанское и булки,
Чай, оливье, газес, икра –
Все вперемешку! И с утра
Автомобильные прогулки

В Бахчисарай и на Салгир,
Гурзуф, в Алушту, просто в горы.
Какие выси и просторы!
И пир, как жизнь! И жизнь, как пир! [10]

Вечер «Олимпиады футуризма» показан глазами зрителя, фиксирующего образы-маски. Буян: «выделывал по тренировке / И выходил медвежь-ловкий, / За свой муаровый кушак / Держась кокетно левой ручкой»; Д. Бурлюк: «Читает выкриком: в лорнет / Смотря на публику»; Маяковский: «злобно, чеканно и громоподобно, / Весь мощь, спокойно и без спазм / Нервических...» [11]

Структурно поэма представляет принцип «воронки»: при очевидной точности пространственно-временной обозначенности сохраняется впечатление, что этот «точный» мир существует внутри фантазии, но при этом конфликт играющей фантазии и памяти не утрачивает своей напряженности. Память иногда уступает место феерической импровизации и аттракциону, когда наталкивается на то, что нежелательно вспоминать. Взгляд из эмиграции усиливает это напряжение, однако не переводит его на уровень драматизма, сохраняя атмосферу «чистой» игры, за которой лишь на уровне ассоциативных смещений угадывается ностальгия по прошлому, а мир чистой игры не может быть трагическим – инсценированная трагедия утрачивает статус трагедии: «Крик нельзя подвергать обработке – иначе <...> главным в сообщении станет не сам этот крик, а его обработка» [12].

Если у И. Северянина повествователь персонифицируется в образ автора и растворяется в сюжете поэмы, уступая место другим персонажам и самой атмосфере эпохи, то в более поздней по времени поэме И. Елагиной «Память» (1979) он сохраняет свой автобиографический статус как сюжетного центра. На первый взгляд, поэма выстроена в совершенно ином жанровом ключе: она, пожалуй, наиболее всего отвечает жанровой природе «автобиографизма». И если понимать игровую природу творчества в контексте условных форм, которые использует автор, то, в отличие от северянинской поэмы, «ядро» которой составляет театральная декоративная образность, игровая стратегия поэмы И. Елагиной строится на стилистике кинематографа. Об этом свидетельствуют «спиральная» композиция, игра планами и монтажными ассоциациями, когда «собственная жизнь разматывается и рассматривается» на фоне сменяющихся кадров, смены лиц и городов.

В этой своей специфике поэма Елагиной демонстрирует дальнейшее развитие интермедальности литературы, осваивающей язык уже достигшего к тому времени своих вершин кинематографа. Поэтому форма подачи материала – это вариант сценария, представляющий свободный, хронологически не выдержанный монтаж отдельных сцен – синопсисов, составляющих своеобразную экспликацию фильма.

Кинематографичность лирического повествования заявлена уже в эпиграфе (или маленьком обрамлении) к поэме: «...в воскресном театре души / Мемуарные фильмы идут. / Вглядываюсь, дверь туда открыв, / Где хранится времени архив. / Замелькали кадры прошлых дней / На экране памяти моей» [13]. Кажется, что поэт интуитивно следует выделенному А. Бергсоном такому свойству интеллекта, как кинематографичность: «Реальное – это постоянная изменчивость формы: форма есть только мгновенный снимок с перехода... наше восприятие приспособляется к тому, чтобы уплотнить в прерывные образы текучую непрерывность реального» [14]. В ходе лирического повествования фрагменты фиксируются границей кадра – либо в виде кинематографических ассоциаций («Вот внезапно мой экран погас»; «Памяти экран опять потух»; «На экране вспыхнула Нева»; «И опять все гаснет...»; «И вдруг экран сплошным / Небосводом сделался ночным...»), либо сменой места действия (Киев, Ленинград, Томилино, Саратов, Покровск, Москва).

Поэма Елагиной – это тип поэмы с эпической доминантой и ярко выраженным визуальным компонентом. Автор выступает и как повествователь, и как мемуарист, и как персонаж – при этом собственно лирический пласт авторефлексии скрыт за отстраненной позицией автора, в то же время имплицитно присутствуя в тексте в несколько сухой манере описания тех или иных событий, когда в частную жизнь врывается история, а детские яркие сцены прерываются трагическими событиями 30-х гг. В этом соединении документальности и художественности в рамках автобиографического текста сохраняются и отражение реальности, и принцип ретроспекции, и обращение к памяти, и портрет эпохи.

Память становится текстом, её поток выхватывает живые и точные картины, редактирует их, прокручивает из будущего в прошлое (З. Г. Минц назвала это «мифоподобной» эпичностью, связанной с ритуалом как феноменом игры). В основе этого ритуала лежит инициальное начало – и этапы инициации автобиографического героя, составляющие природу «анемнезиса», становятся его скрепами, границей между «я» настоящим и «я» прошлым, мотивируют нарративное развитие сюжета, связь личностного и исторического.

Литературно-артистическая атмосфера времени (Пильняк, Клюев, Хармс, Шварц, Рыльский, Введенский, Арнс, Панферов, Гроссман, Ахматова) передается скорее в событиях, чем впечатлениях, потому что память сохраняет в большей степени яркие эпизоды жизни – грустные, трагические, смешные. Особого внимания заслуживает описание встречи с Ахматовой, выдержанное в интонации и ритме ахматовского «Реквиема» («Вновь твои проспекты, Ленинград. / Обреченно фонари горят...»). Подробности бытовой жизни у Елагина, в отличие от Северянина, лишены какого-либо эмоционального сопровождения – личное выведено за пределы сухих фактов. И такая поэтика предполагает активность читателя, способного заглянуть за кажущуюся простоту рассказа, проявляющуюся в разговорных конструкциях и интонации, некотором однообразии мужских рифм, использовании форм устного повествования, в свободном звучании пятистопного хорея, обилии анжамбеманов, приближающих стих к прозе.

Кинематографичность стиля проявляется также в чередовании планов – общего, среднего и крупного – взгляд будто движется за камерой, фиксируя детали, пейзажи, эпизоды, каждый из которых – яркое свидетельство эпохи: сцены у Хармса, Рыльского, эпизод с арестом отца, выступлением Л. Гроссмана, встречи с Клюевым, Ахматовой. Так, предельно сжато, точно и выразительно, воссоздан знаменитый и многократно включенный в мемуары современников эпизод со шкафом в доме Хармса. А эпизод встречи с Ахматовой показан в проекции движения кинокамеры:

...Фонтанный дом
Выглядел обшарпанным. Потом
Пересек я двор наискосок
И вошел в подъезд. На мой звонок
Мне открыла дверь она сама...
<...> Тут нужны
Точные детали: в полстены
Девушки портрет. Совсем мала
Комната. (Та девушка была
В белом). А Ахматова стройна;
Кажется высокою она [15].

Инициальная основа поэмы диктует особые свойства автобиографического дискурса: детство, юность, испытание, обретение нового опыта. Авторская ирония и самоирония, пронизывающие некоторые фрагменты поэмы (в частности, сцены писательских ночных посиделок, фрагмент воспоминаний о Д. Хармсе), призваны компенсировать страх и преодолевать трагизм бытия, что наделяет поэтическую автобиографию И. Елагина глубоким экзистенциальным смыслом.

Еще одной важной художественной репрезентацией игрового элемента в автобиографической поэме является обращение к мифу. Если понимать игру как способность человека к созданию символических форм, то мифологическая составляющая наиболее ярко отражает эту способность.

Принцип мифологизма, положенный в основу ряда поэм и определяющий их движение к «поэме-мифу», явился наиболее универсальным приемом типологизации характера и бытия. Как правило, мифопоэтической основой такого рода произведений является пласт архаической мифологической образности, или библейско-евангельский «текст», или уровень микросюжетов и микрообразов (отдельных символов, устойчивых мифологических мотивов, мифологических пространственно-временных континуумов и целостных авторских мифов). Сущность игровой природы мифа обнаруживает себя в творчестве, воображении, наличии множества символических значений и их интерпретации, движении сюжетной линии и взаимодействии героев, воплощении через ритуал.

Включение «автобиографического мифа» в качестве жанрового ядра в поэму, ибо «всякая автобиография, выполненная в художественной форме, таит в себе элементы мифологии» [16], – явление, сформировавшееся лишь на рубеже XIX–XX вв., когда личность перестает отделять себя от Вселенной, а поэт «вписывает» свою жизнь в общий ход космического времени и пространства, сопрягая «космическое», «эстетическое» и «биографическое». Многие поэмы и стихи насыщаются «персональным», психологическим и биографическим компонентом, в отличие от романти-

ческой поэмы XIX в., где не подчеркивалась личностная персонификация поэта. Авторское «эго» становится главным персонажем произведений.

Человек внутри мифологической структуры «играет» символическими формами, создавая символический мир и одновременно интерпретируя его. Он окружает свою жизнь множеством символов, которые постоянно изобретает, а затем интерпретирует. Человек в данном случае не только «существо играющее» (Й. Хейзинга) или «существо символическое» (Э. Кассирер), но существо, «играющее символами» [17].

Ситуация же «порога», кризисности, трагического излома судьбы вызывает к жизни такие художественные формы обобщения, которые позволяют соотнести человеческую природу и природу стихий, быт и катастрофу, выявляют глубинный, подсознательный слой человеческой психики как носителя архетипа.

Мифологизация собственной биографии («эготический мифологизм») в поэме обусловлена и своеобразным «поведенческим комплексом» эпохи, когда культивировалось представление о жизни как жизни поэта, формируя «миф о поэте» и «зрелищное понимание биографии», так как поэт, по мысли Б. Пастернака, – это «зрительно-биографическая эмблема, требующая фона для наглядных очертаний» [18]. При этом соотношение автобиографизма и «фона» в рамках поэмы может быть различным, различен и характер автобиографизма – от вполне узнаваемых биографических реалий до отдельных (затекстовых) и достаточно условных штрихов.

Наблюдения над мифопоэтической структурой поэмы с ярко выраженным автобиографическим началом позволяют говорить о том, что миф присутствует в ней и на уровне сюжета (как структурная матрица), и как интертекст, и как система мифосимволов, и как мифологический ритуал.

Автор, уходя от своей «узнаваемости», выстраивает «космос внутри себя» и создает такую художественную модель мира, где мифологизированная внутренняя жизнь человека или какой-либо частный случай его жизни выступают как высшая реальность. К такого типа поэмам можно отнести «Поэму Горы» и «Поэму Конца» М. Цветаевой.

Каждая из названных поэм содержит два плана: автобиографический, связанный с личным переживанием собственной жизненной ситуации и определяющий принцип исповедальности; и условный, мифотворческий, втягивающий в свою сферу все смежные культурные парадигмы и онтологические категории, благодаря чему через этот культурный слой памяти автобиографизм становится космическим, а авторское я – равновеликим природе, культуре, Вселенной. При этом автобиографический пласт выражен довольно слабо или не выражен вовсе и может быть реконструирован только на основе документальных источников (как в случае с поэмами М. Цветаевой), переписки и дневников, которые позволяют составить определенный биографический комментарий к поэмам.

Основными «знаками-заместителями», с помощью которых осуществляется процесс художественной мифологизации, являются ключевые понятия, входящие в основу заглавий поэм. В «Поэме Горы» таким философским и психологическим центром является «Гора», поданная в мифопоэтической традиции гилозоизма, когда любая субстанция мира понимается как одушевленная материя, способная к ощущениям и мышлению. С одной стороны, это реальный холм (Петршин холм под Прагой, упоминания о котором столь часты в переписке М. Цветаевой), с другой – это Мировая Гора (*axis mundi*), вмещающая в себя всю вселенную, являющаяся моделью этой вселенной и аналогом Рая.

Содержание «Поэмы Конца» сама М. Цветаева объясняла как «*весь крестный путь этапы*». Отсюда – выделение целого ряда сцен-эпизодов, накладывающихся на евангельский сюжет восшествия Христа на Голгофу. Четырнадцать глав поэмы, с точки зрения Т. Венцловы [19], соответствуют четырнадцати остановкам в католической церемонии «*Via Crucis*», которая предусматривает последовательный обход определенных мест, изображающих моменты пути Христа на Голгофу. Но кроме евангельского поэма включает и другие культурно-ассоциативные пласты, обладающие многозначностью и нелегко поддающиеся конкретному анализу.

В мифопоэтическом плане путь к Голгофе, сюжет которого «проигрывает» в своем сознании лирическая героиня, сопровождается страданиями и испытаниями и одновременно связан с обрядом очищения, поиском некоего центра, священного места, которое для лирической героини олицетворяется Горой.

Ориентируясь во многих своих параметрах на традиции позднеромантической эстетики, автобиографическая поэма-миф формировала новые принципы художественного видения мира, что, несомненно, открывало большие возможности для стилевых исканий XX в.

Ярким проявлением этих исканий стала автобиографическая поэма Ю. Иваска «Человек играющий: *Nomo Ludens*», опубликованная в 1973 г.

Её название, содержание и пафос навеяны одноименной книгой Й. Хейзинги и с «подачи» К. Гершельмана, поэта, эссеиста, философа, художника, с которым Ю. Иваск был дружен еще с «эстонских» времен:

А кто Играющего человека
Мне подсказал и Рай-игру
Сегодняшнего-будущего века?
Я драгоценный ларчик отопру,
Где рукописи Карла Гершельмана... [20]

Центральный тезис интересного эссе К. Гершельмана «Об игре» – это утверждение, что жизнь не только дело, но и игра. Гершельман приходит здесь к парадоксальному выводу: «Дело – средство, игра – самоцель. Если дело нам по душе – оно уже игра, если оно не по душе – оно должно быть награждено игрой. Жизнь – или уже игра, или стремление стать игрой. Игра не отдых от дела, а его цель» [21].

Или:

«Чтобы превратить жизнь в рай, надо победить две вещи: скуку и смерть. Игра побеждает и то, и другое... Чтобы жизнь сполна превратить в игру, надо и смерть сделать немного игрушечной – это воскресение» [22].

Иной аспект авторского игрового дискурса демонстрирует относящаяся примерно к этому же периоду переписка Ю. Иваска с И. Чинновым, носящая характер философской игры, своеобразного «языкового аттракциона». Эти и иные документальные источники свидетельствуют как о глубоком интересе Ю. Иваска к игровой концепции культуры, так и о проникновении ее в межличностные отношения и творчество.

Оба вектора нашли отражение в поэме – и демиургический статус Игры, и её коммуникативная стратегия. В основе поэмы Иваска – художественная фиксация памяти, но не в обычном (временном) значении, а в смысле импульса сознания и эпифании. Эта особенность приобретает формообразующее значение, позволяя вместить в пространство поэмы всю историю человечества и отдельного человека. Игра принимает у Иваска вселенскую форму, понятие варьируется в языке («игра», «розыгрыш», «проигрыш», «выигрыш»), в событиях (игра как пир, жестокие «игры» революций и войн). «Разыгрываются» писатели и поэты, играют шуты и бунтовщики – герои Достоевского, потомки Стеньки Разина, в своих затейливых гротесках играет «хохлацкая» натура Гоголя, вовлекаются в кровавую игру создатели Беломорканала...

Автобиографический персонаж не является центром повествовательного комплекса поэмы, не имеет имени, потому что, во-первых, здесь нет самой повествовательности как таковой, а во-вторых, потому, что он создатель этого грандиозного действия, в котором судьбы мира и государства, отдельного человека и природного космоса, великих трагедий и великих творческих открытий слиты в едином пространстве человеческой культуры, истоком которой была игра (в этом смысле концепция игры Й. Хейзинги как формирующего элемента культуры была близка поэту). А поэтому автобиографическое «я» мерцает в интертекстах поэмы, преломляясь в каждой эпохе «без имени, Иваск ли, Иванов: Кем буду: Денди или Лорелей / Зеленой розой, золотистой кошкой... / Хотя бы и лазеровой картошкой» (с. 126).

Сам поэт обозначил жанр поэмы как «Гимн благодарения». Но жанрово-стилевая палитра поэмы гораздо шире. Если исходить из заглавия поэмы, то это «игра», но в её мистериальном и философском значении – как «бытие-игра-в-мире», как «вторая реальность». На страницах поэмы разыгрывается мистериальное действие, но особого рода: противостояние добра и зла переводится в плоскость онтологии. В творчестве поэтов Серебряного века выразилось характерное для русской литературы сближение литературы и философии, в частности одной из характерных мировоззренческих особенностей является понижывающий философские системы идеализм и мистицизм. Сквозь быт и мир вещей человеческое сознание открывает истину божественного бытия, а смысл исторического процесса видится в преображении человека и выходе за пределы мироздания.

Поэма и композиционно построена по мистериальному принципу – в памяти выстраивается череда событий русской истории, в которую вписаны персонажи русской литературы, мировой и российской истории, друзья и коллеги по поэтическому цеху (в текст поэмы встроены «медальоны-посвящения»). Пространство и время поэмы фрагментарны, подчиняясь полицентризму мистерии, вертикаль и горизонталь пересекаются, как прошлое и настоящее, восток и запад, друзья и враги... Этот «пульсирующий» хронотоп проявляется в особой строфике, рифме и ритме, стремительности перемещения в пространстве и огромных пластах культуры. Пространственные и временные ориентиры «складываются», сворачиваются, сжимаются, их слои перемешиваются, они больше напоминают ризоморфную структуру.

Но если такая фрагментарная поэтика, сближающая поэтический фрагмент с дневниковой записью, была приметным элементом модернистской поэтики, передающей атмосферу кризисного сознания эпохи рубежа веков, то у Иваска этот прием позволяет создать мозаичную панораму мировой культуры в эпоху войн и революционных катастроф. Самодостаточность фрагментов формирует целостность текста, полицентричность, превращая его в огромную фреску.

Слово – творящее начало – уподоблено божественной силе, способной создать новый рай, новый Золотой век, воплощенный в своеобразной «оде к радости». В этом «новом» раю сконцентрирована вся мировая культурная история. Совершенно особое место в этой гимнической интонации принадлежит поэтам-метафизикам (Дж. Донну, Дж. Герберту, Р. Крэшоу), благодаря которым лирический герой, трагически переживающий «вселенскость» зла на земле, одновременно открыт вечности, Богу, мирозданию, религиозному восприятию мира, созидательной силе природы. В этом смысле концепция творчества Ю. Иваска близка теории l'homme integral И. Стравинского. L'homme integral – личность, одаренная как интеллектуально, так и психически, человек, «вооруженный всеми возможностями органов чувств, психических способностей и средствами нашего интеллекта» [23].

Исследователи отмечали необарочное мировоззрение и поэтику поэмы Ю. Иваска (Т. Пахмусс [24], В. Евдокимов [25]), ссылаясь на его же статью «Письмо о маньеризме» [26]. Но если и говорить о барочности поэта, то нужно искать его в сопоставлении несопоставимого, в игре с образом, смелых контрастах, свободных переходах от высокого к низкому, в игре пространством и временем. Соответственно, и неоманьеризм Иваска – это не тот классический маньеризм, о котором он пишет в указанной статье, а, скорее, результат уже новой экспериментальной поэтики, «играющей» формами и стилями уже в духе постмодернистской культуры, в которой «все языки и все коды, все философские школы и художественные направления теперь становятся знаками культурного сверхъязыка, своего рода клавишами, на которых разыгрываются новые полифонические произведения человеческого духа» [27].

Используя «обнажение приема», перенасыщенность культурными реминисценциями, свободное перемещение в пространстве, переходы от исторически событий к частной жизни, от человечества к конкретному человеку позволяют создать гигантское полотно человеческой истории. Такая форма воспроизведения художественной реальности взламывает линейность повествования, разрушает хронологию, создавая универсализм бытия. В этом смысле жанровая специфика поэмы вписывается в философию «всеединства» В. Соловьева, мистериальные опыты Серебряного века (Ф. Сологуб, А. Скрябин и др.) и в особенности культурфилософии Г. Федотова, оказавшего на Ю. Иваска огромное влияние. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1972 г. (практически одновременно с поэмой) Иваск пишет статью «Г. П. Федотов», в которой обращает внимание на концепцию Нового Иерусалима Г. Федотова как обитель культуры и преображения всех земных страданий: «Небесный Иерусалим, спускающийся на землю и завершающий страдания мира, мыслится не только Божиим даром, но отчасти и человеческим созданием. Точнее, делом богочеловеческим. В нем возвращаются, воскресшие и преображенные, плоды всех человеческих усилий, творческих подвигов, которые были погублены трагедией смертного времени. Ничто подлинно ценное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевавшему телу, во славе. Тогда все наши фрагментарные достижения, все приблизительные истины, все несовершенные удаchi найдут свое место, как камни, в стенах вечного Града» [28].

В духе универсализма Г. Федотова (опирающегося на идею апокатастасиса святых отцов Церкви) разворачивается вторая часть поэмы. Синтез времен («Вчера пойду на гуся Арзамаса / И в Званку выеду позавчера / К Державину...», с. 109), пространств («Земля ли путается с небесами, / Небесное с земным? Я рай дарю творцу и твари...», с. 110), исторических типов культур и их представителей, литературных персонажей и их авторов, которых объединяет великая Игра. Не случайно в конце поэмы обыгрывается тема четвертой эклоги Вергилия с её пророчеством нового Золотого века, а демиургическую функцию принимает на себя «Я-дух», созидательный и вечный:

Я, немо-медля выдыхаю душу,
Моря, озера, реки, небо, сушу,
И вею в ветер, образуя дух,
Который ахово-потенциален...
Змеей струится, высоко виясь... (с. 125–126)

Аллюзия на учение Анаксагора о духе, тончайшей и легчайшей субстанции, которая созидает и движет мироздание (трактат «О природе»), в котором «никакая вещь не возникает и не уничтожается, но соединяется из существующих вещей», вводит в поэму философско-антрополо-

гический контекст и тему Творца-поэта, объединяющего игру-Слово и игру-действие, игру-историю и игру-воображение.

В этом смысле поэму Ю. Иваска, не входящую в список мировых шедевров и даже относительно малоизвестную современному читателю, можно считать типом автобиографической поэмы конца XX в. по способу освоения материала, когда автобиография превращается в некое действие, а мир трансформируется в гигантскую сцену.

В заключение отметим, что названные особенности можно назвать общими свойствами автобиографической поэмы русской эмиграции. Создавая лирический миф о себе, поэт трансформирует свое «я» в этом мире, его самосознание многолико-многолично: стилизация и эстетизация своего «эго» воплощается в сложных художественных формах. Мотив игры, представленный в самых разных проекциях, выполняет компенсаторную функцию самовыражения отчужденной и самоотчуждающейся личности художника-эмигранта, выстраивающего свой стиль диалога с миром.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 327.
2. Finney B. The Inner I. L.; Boston: Faber and Faber, 1985. С. 187.
3. Musara-Schreder U. Le roman-memoires moderne. Pour une typologie du recit a la premiere personne. Amsterdam & Maarssen, 1981.
4. Термин Ж. Делеза. См.: Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах. М.: Азбука-классика, 1992. С. 211.
5. Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. М.: Худож. лит., 1991. С. 11.
6. Северянин И. Роса оранжевого часа. Поэма детства в 3-х частях // Северянин И. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М.: Современник, 1990. С. 228.
7. Маринетти Ф. Манифест футуристической кухни // Иностранная литература. 2008. № 10. С. 217–226.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. С. 26.
9. Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1992. С. 234.
10. Северянин И. Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-х частях // Северянин И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1988. С. 432. Интересно сравнение поэмы с мемуарами самого В. Баяна, в контексте которого отчетливо выявляется степень художественной трансформации документального материала. См.: Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов // Арион. 1997. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1997/1/firs.html>
11. Северянин И. Колокола собора чувств... С. 427.
12. Барт Р. Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 136.
13. Елагин И. Память // Елагин И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Стихотворения. Портрет мадмуазель Таржи. М.: Согласие, 1998. С. 199.
14. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. С. 291.
15. Елагин И. Указ. соч. С. 211.
16. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель, 1988. С. 372.
17. См. о многообразии проявлений игры как культурфилософской категории: Апицян Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
18. Пастернак Б. Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1985. С. 124.
19. Венцлова Т. «Поэма Горы» и «Поэма Конца» Марины Цветаевой как Ветхий и Новый Завет // Венцлова Т. Собеседники на пиру: статьи о русской литературе. Vilnius: Новое лит. обозрение, 1997. С. 212–225.
20. Иваск Ю. Homo Ludens. Играющий человек. Paris; New York: Third Wave Publishing, 1988. С. 35. Далее все ссылки на эту поэму приводятся в тексте по данному изданию с указанием страницы.
21. Гершельман К. Об игре // Опыты. 1956. Кн. 6. С. 19.
22. Там же. С. 23.
23. Стравинский И. Ф. Статьи и материалы. М.: Сов. композитор, 1973. С. 25.
24. Пахмусс Т. Об авторе «Homo Ludens» // Иваск Ю. Homo Ludens. Играющий человек. Paris; New York: C. A. S. E. Third Wave Publishing, 1988. С. 5–8.
25. Евдокимов В. Игра пера и подвиг вдохновения. Маньеризм и трагизм «играющего человека» // ВРСХД. Париж; Нью-Йорк. 1978. № 127. С. 130–141.
26. Иваск Ю. Письмо о маньеризме // Мосты. 1970. № 15. С. 172–179.
27. Эпштейн М. Парадоксы новизны. М.: Сов. писатель, 1988. С. 76.
28. Федотов Г. П. Эсхатология и культура // Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. С. 330.

Notes

1. *Lotman YU. M.* Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside minded worlds. Man – text – universe of the mind – history]. M. Languages of Russian culture. 1996. P. 327.
2. *Finney B.* The Inner I. L.; Boston: Faber and Faber, 1985. P. 187.
3. *Musara Schreder U.* memoires Le roman moderne. Pour une typologie du recit a la premiere personne. Amsterdam & Maarssen. 1981.
4. The Term of Gilles Deleuze. See: Delyoz ZH. Predstavlenie Zaher-Mazoha [Presentation of Sacher Masoch] // Zaher#Mazoh L. fon. Venera v mekhah [Venus in furs]. M. Azbuka-klassicsa. 1992. P. 211.
5. *Hodasevich V.* Nekropol': Vospominaniya [Necropolis: Memories]. M. Khudozh. lit. 1991. P. 11.
6. *Severyanin I.* Rosa oranzhevoogo chasa. Poehma detstva v 3-h chastyah [Rosa of orange hour. Poem of childhood in 3 parts] // I. Severyanin Poems. 1918-1941. M. Sovremennik. 1990. P. 228.
7. *Marinetti F.* Manifest futuristicheskoy kuhni [Manifesto of futurist cuisine] // Foreign literature. 2008, No. 10, pp. 217–226.
8. *Bahtin M. M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. M. Khudozh. lit. 1990. P. 26.
9. *Pasternak B.* Coll. works: in 5 volumes. Vol. 5. M. Khudozh. lit. 1992. P. 234.
10. *Severyanin I.* Kolokola sobora chuvstv. Avtobiograficheskij roman v 3-h chastyah [The bells of the Cathedral of the senses. An autobiographical novel in 3 parts] // I. Severyanin Poems. M. Khudozh. lit. 1988. P. 432. It is interesting to compare poems with memoirs of V. Bayan himself, in the context of which the degree of artistic transformation of documentary material clearly reveals. See: Bayan V. Mayakovskij v pervoj olimpiade futuristov [Mayakovsky in the first Olympics of futurists] // Arion. 1997. No. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/1997/1/firs.html>
11. *Severyanin I.* Kolokola sobora chuvstv... [The bells of the Cathedral of the senses...]P. 427.
12. *Bart R.* Pisateli i pishushchie [Writers and the writing ones] // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. M. Progress. 1989. P. 136.
13. *Elagin I.* Pamyat' [Memory] // Elagin I. Sobr. soch.: v 2 t. T. 2. Stihotvoreniya. Portret madmuazel' Tarzhi [Coll. works: in 2 vol. Vol. 2. Poems. Portrait of Mademoiselle Tarzhi]. M. Soglasie. 1998. P. 199.
14. *Bergson A.* Tvorcheskaya ehvoljuciya [Creative evolution]. M. CANON-press: Kuchkovo pole. 1998. P. 291.
15. *Elagin I.* Op. cit. P. 211.
16. *Dolgopolov L.* Andrej Belyj i ego roman «Peterburg» [Andrew Bely and his novel "Petersburg"]. L. Sov. Pisatel. 1988. P. 372.
17. See: on the diversity of manifestations of the game as the cultural and philosophical categories: Apinyan T. A. Igra v prostranstve ser'eznogo. Igra, mif, ritual, son, iskusstvo i drugie [Game in space serious. Game, myth, ritual, dream, art, and other]. SPb. Publ. of St. Petersburg State University. 2003.
18. *Pasternak B.* Izbrannoe: v 2 t. T. 2 [Selected works: in 2 vol. Vol. 2.] M. Khudozh. lit. 1985. P. 124.
19. *Venclova T.* "Poehma Gory" i "Poehma Konca" Mariny Cvetaevoj kak Vethij i Novyj Zavet ["Poem of the Mountain" and "Poem of the End" by Marina Tsvetaeva as the Old and New Testaments] // Venclova T. Sobesedniki na piru: stat'i o russoj literature [Conversationalists at the feast: articles about Russian literature]. Vilnous. New lit. review, 1997. Pp. 212–225.
20. *Ivask YU.* Homo Ludens. Igrayushchij chelovek [Homo Ludens. Playing people]. Paris; New York: Third Wave Publising, 1988. P. 35. Further, all references to this poem are given in the text for this edition with the page number.
21. *Gershel'man K.* Ob igre [About the game] // Opyty - Experiments. 1956. Book 6. P. 19.
22. Ibid. P. 23.
23. *Stravinskij I. F.* Stat'i i materialy [Articles and materials]. M. Sov. Kompositor. 1973. P. 25.
24. *Pahmuss T.* Ob avtore "Homo Ludens" [About the author of "Homo Ludens"] // Ivask YU. Homo Ludens. Igrayushchij chelovek [Homo Ludens. Playing people]. Paris; New York: C. A. S. E. Third Wave Publising. 1988. Pp. 5–8.
25. *Evdokimov V.* Igra pera i podvig vdohnoven'ya. Man'erizm i tragizm «igrayushchego cheloveka» [Play of pen and a feat of inspiration. Mannerism and tragedy of "playing man"] // RSHD. Paris; New York. 1978, No. 127, pp. 130–141.
26. *Ivask YU.* Pis'mo o man'erizme [Letter of mannerism] // Mosty – Bridges. 1970, No. 15, pp. 172–179.
27. *EHpshtejn M.* Paradoksy novizny [Paradoxes of novelty]. M. Sov. Pisatel. 1988. P. 76.
28. *Fedotov G. P.* EHskhatologiya i kul'tura [Eschatology and culture] // Fedotov G. P. Novyj grad [New grad]. New York. Publi. house n.a. Chekhov. 1952. P. 330.

Фразеологизмы в ранних фельетонах А. П. Чехова «Осколки московской жизни»

В статье рассматривается такая малоисследованная в современной науке проблема, как использование фразеологии в ранней публицистике великого русского писателя, классика русской литературы Антона Павловича Чехова. Автор статьи обобщает разнообразие различных мнений по вопросу объема фразеологии, рассматривает разные точки зрения на фразеологию. Также в статье анализируются фразеологические единицы, которые начинающий писатель А. П. Чехов использует как средство усиления комического эффекта в цикле фельетонов «Осколки московской жизни» (1883–1885). В данной работе фразеологизмы анализируются с содержательно-структурной точки зрения, т. е. анализу подвергаются изменения содержательно-структурной исходной основы фразеологических единиц. Автор статьи выделяет следующие варианты использования фразеологизмов: 1) буквальное воспроизведение фразеологизмов; 2) различные модификации фразеологизмов: а) усеченные цитаты; б) добавление продолжения фразеологизма; в) замена одной из частей фразеологизма; г) использование отрицания.

The article deals with such little researched in modern science the problem of the use of phraseology in the early journalism of the great Russian writer, a classic of Russian literature Anton Pavlovich Chekhov. The author summarizes a variety of different opinions on the question of the volume of phraseology, considering different points of view on phraseology. Also the article analyzes phraseological units that a novice writer A. P. Chekhov uses as a means to enhance the comic effect in a series of feuilletons "Fragments of Moscow life" (1883–1885). In this paper, idioms are analyzed with content and structural point of view, i. e. the analysis focuses on the changes in the structural foundations of the original phraseological units. The author identifies the following uses of phraseological units: 1) Literal reproduction of the phraseology. 2) Various modifications of phraseological units: a) truncated quotations; b) adding a continuation of the idiom; c) replacing one of the parts of the idiom; d) use of negation.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Москва, «Осколки московской жизни», XIX в., фразеологизмы, В. В. Виноградов.

Keywords: A. Chekhov, Moscow, "Pieces of life in Moscow", nineteenth century, idioms, V. Vinogradov.

Одним из малоизученных произведений А. П. Чехова является цикл его ранних фельетонов «Осколки московской жизни» (1883–1885). Как известно, Чехов начинал как фельетонист в периодической печати. Сначала начинающий писатель публиковал свои заметки в московском журнале «Будильник» в отделе «Среди милых москвичей». Но особый интерес для исследователей творчества писателя представляют выступления Чехова на страницах петербургского журнала «Осколки», где молодой автор вел постоянную рубрику «Осколки московской жизни». Издатель Н. А. Лейкин, приглашая А. П. Чехова к сотрудничеству, говорил ему в своем письме от 10.06.1883: «Говорить надо обо всем выдающемся в Москве по части безобразий, вышучивать, бичевать, но ничего не хвалить и ни перед чем не умиляться» [1].

Писатели часто используют в своих произведениях фразеологизмы как одно из средств выразительности. Как правило, фразеологические обороты содержат смысловое и эмоционально-экспрессивное значения, которыми активно пользуются авторы. По наблюдениям некоторых исследователей, например, С. И. Гужанова, А. П. Чехов в своих ранних публицистических произведениях «использует ряд своеобразных приемов, находя дополнительную экспрессию, с помощью которой добивается сатирического изображения действительности» [2]. С. И. Гужанов выделяет следующие приемы, используемые А. П. Чеховым: использование народно-разговорной фразеологии; фразеологизмы, характерные для книжного стиля; фразеологизмы, восходящие к Библии; крылатые выражения; заимствованные фразеологизмы; а также различные приемы усиления выразительности фразеологических единиц.

В нашей статье мы рассмотрим фразеологические единицы, используемые А. П. Чеховым в цикле фельетонов «Осколки московской жизни», с содержательно-структурной точки зрения (проанализируем изменения содержательно-структурной исходной основы фразеологических единиц).

Приступая к вопросу о функционировании фразеологизмов в ранней журналистике А. П. Чехова, необходимо определиться в понимании границ фразеологии. Обобщая многообразие различных мнений по этому вопросу, мы выделяем две точки зрения на объем такого понятия, как «фра-

зоология». Согласно распространенному мнению, которое отражает обиходное понимание фразеологии, к ней может относиться любое словесное сочетание, обладающее той или иной степенью устойчивости. «Фразеология обычно начинается там, где свободное лексическое значение слова заслоняется фразеологически связанным, понятным из всего словосочетания, и тогда, когда какое-либо словосочетание становится повторяемым, общеизвестным, “крылатым”, отличающимся образностью, возможностью переносного употребления и т. д.» [3]. Итак, с этой точки зрения к фразеологизмам относятся устойчивые сочетания, устойчивые формулы, обороты научно-терминологического характера, идиомы, канцелярские штампы, пословицы, поговорки, афоризмы известных исторических личностей.

Языковым критерием фразеологичности определенного словесного выражения предлагает критерий непереводаемости или невозможности точного перевода на другие языки. «Идиоматические словосочетания – это своеобразные выражения определенных знаков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» [4].

Другое суждение, сформулированное В. В. Виноградовым, открывает возможности для более узкого, четкого определения такого понятия, как объем фразеологии. С точки зрения В. В. Виноградова, объем фразеологии составляют такие явления языка, которые возникают в результате специфического семантического развития лексических средств в определенных синтаксических и стилистических условиях [5]. На основе семантического анализа словосочетаний В. В. Виноградов установил следующие структурные категории фразеологических явлений:

- 1) фразеологические сращения – неразложимые застывшие словосочетания, эквивалентные слову;
- 2) фразеологические единства – продукт семантического или иного преобразования словосочетаний;
- 3) фразеологические сочетания – реализация в словосочетании слов с несвободным значением.

Согласно первой точке зрения, в цикле фельетонов А. П. Чехова «Осколки московской жизни» можно выделить ряд вариантов использования фразеологических средств. Говоря обобщенно, в данных фельетонах фразеологические единицы представлены в двух основных вариантах: буквальное воспроизведение и с известными модификациями структурной основы.

1. Буквальное воспроизведение фразеологизмов.

Например, в фельетоне от 22 октября 1883 г. начинающий автор А. П. Чехов пишет: «...о всех тех, которые когда-то были “недостаточными” и брали займы у Общества вспомоществования недостаточным студентам. Это общество собирается *петь свою лебединую песню*». («Петь свою лебединую песню» – устойчивое выражение, означающее предсмертное, последнее творение; данное выражение основывается на древнем поверье, что лебеди перед смертью поют. В одной басне Эзопа (VI в. до н. э.) встречается утверждение: «Говорят, что лебеди поют перед смертью». В трагедии Эсхила «Агамемнон» царица Клитемнестра после убийства пророчицы Кассандры говорит: «Она пала от моей руки, пропев перед смертью вещую лебединую песню»). В фельетоне от 21 января 1884 г. про празднование Дня Татьяны: «Вся молодежь гуляет на все свои дивиденды, *во все тяжкие и во всю ивановскую*». (Во все тяжкие – фразеологизм, имеющий значение «безудержно предаваться каким-нибудь предосудительным занятиям»; данное выражение было заимствовано из словарного запаса звонарей: «тяжкая» – это колокола на звоннице, и первоначальное значение этого выражения – бить во все колокола сразу (т. е. «ударять во вся тяжкая»); во всю ивановскую – фразеологизм, означающий «кричать или говорить очень громко»; восходит к древнему обычаю на Ивановской площади Кремля объявлять царские указы, и глашатаи, чтобы их услышало как можно больше людей, старались говорить очень громко). В фельетоне от 26 мая 1884 г.: «Сад (“Аркадия”. – Т. Б.), более похожий на коробку из-под сардин, чем на сад, молод, но уже успел зарости крапивою бесславия. В нем скучно... *Хитра голь на выдумки!*» («Хитра голь на выдумки!» – устойчивое выражение, которое употребляется, когда речь идет о чьей-то изобретательности). Фельетон от 9 июня 1884 г.: «Городские больницы помещаются ... *у черта на куличках*». (Фразеологизм «у черта на куличках» употребляется в значении «очень далеко»; происходит от слова «кулижки» – так на Севере России назывались лесные поляны, площадки для распашки, покоса и где, согласно древнему поверью, в буреломах водилась лесная нечисть). В фельетоне от 23 июня 1884 г. автор пишет: «В природе число 7 играет такую же важную роль, как любая стихия: ... *семь пядей во лбу*...». («Семь пядей во лбу» – так говорят о том, кто обладает выдающимися способностями; в основе фразеологизма лежит древнее представление о том, что высота лба пропорциональна уму: так, чем выше лоб, тем умнее человек; «пядь» – старинная мера длины, которая составляет около 18 см). Фельетон от 7 июля 1884 г. «*Почин дороже денег*. Если *ab*

ovo (с яйца (в смысле: с самого начала – лат.) хорошо, то и *finis* (конец (лат.) не плох». (Почин дорожке денег – поговорка, имеет значение «начать дело важнее, чем получить деньги»; *ab ovo* (лат. – с яйца, в смысле: с самого начала – устойчивый фразеологический оборот). Фельетон от 1 сентября 1884 г.: «В общем все были счастливы и довольны. *В семье не без урода*, а потому между довольными попадались изредка и недовольные... («В семье не без урода» – крылатое выражение из басни Ивана Андреевича Крылова (1769–1844) «Слон на воеводстве» (1808): «Хоть, кажется, слонов и умная порода, Однако же в семье не без урода: Наш воевода В родню был толст, Да не в родню был прост»; употребляется в том значении, что даже в очень хорошем коллективе может быть человек, бросающий на него тень, не соблюдающий традиций коллектива). Фельетон от 27 октября 1884 г.: «Наши санитары *открыли Америку*». («Открыть Америку» – крылатое выражение, означающее «говорить о том, что всем давно известно»). Фельетон от 16 февраля 1885 г.: «Неисповедимые судьбы приутоновили думский скандал только для того... чтобы редактор... *попал, как кур во щи*». («Попал, как кур во щи» – устойчивое выражение, обычно употребляется в значении «неожиданно попасть в неприятную ситуацию», кур – старорусское название пехота); фельетон от 16 марта 1885 г.: «Лорд-мэр явился, как *deus ex machina*: нежданно-негаданно». (*deus ex machina* (лат. Бог из машины) – устойчивое выражение, имеет значение «неожиданная развязка какой-либо ситуации»; в античном театре данное выражение обозначало бога, который при помощи специальных механизмов появлялся в конце спектакля и решал все проблемы героев). Фельетон от 5 октября 1885 г.: «Тут же ютится Андреев – *малый на все руки*». («На все руки» – фразеологизм, употребляется в значении «человек, который умеет многое сделать»; выражение возникло в среде перчаточников и первоначально употреблялось в смысле «умелец, который может сделать перчатку на любую руку»), там же: «У Москвы с Харьковом завелись ученые контры. *Город городу нос утер*». («Нос утереть» – фразеологизм, имеет значение «презволить кого-либо в чем-либо»). Фельетон от 18 августа 1884 г.: «Объявления эти сочиняются юмористом, *прошедшим огонь, воду и медные трубы*». (Выражение «пройти огонь, воду и медные трубы» известно еще с античности, его можно встретить у Плуларха, Аристофана, Горация, Вергилия и др. в различных вариантах; употребляется в значении «пройти все испытания» – как физические («огонь, вода»), так и нравственные («медные трубы» – слава, популярность).

2. Модификации фразеологизмов:

а) усеченные цитаты. Например, в фельетоне от 5 ноября 1883 г. о купце, который заказал свой портрет у известного художника: «Г. Мичинер вздохнул, махнул рукой и согласился: *валяй, семи смертям не бывать!*» («Семи смертям не бывать, а одной не миновать» – поговорка; еще один ее вариант: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», употребляется в значении «сделать что-либо, связанное с риском, но с надеждой на то, что будет найден выход из опасного положения»);

б) добавление продолжения фразеологизма. Так, в фельетоне от 3 декабря 1883 г. А. П. Чехов пишет: «Правда, он несколько горяч, молод душой, всюду *сует свой шестеркинский нос не в свое дело*... но ведь все это пустяки...». (Шестеркин Иван Иванович – старшина мещанского сословия и гласный думы, который обратился в главное управление по делам печати о разрешении издания газеты «Московская летопись»; «сует свой нос не в свое дело» – фразеологизм, употребляется в том случае, когда кто-то вмешивается не в свое дело.) Фельетон от 17 декабря 1883 г.: «Адвокат Столповский в своей речи на суде *сбросил с себя волчью шкуру и предстал в телячьей*». (Ср. с выражением «волк в овечьей шкуре» о злом человеке, который притворяется добрым, лицемерит; выражение восходит к Библии: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 15). Фельетон от 18 февраля 1884 г.: «Известный всему миру *своею живучестью Курилка* (он же и *И. М. Желтов*) притянут к мировому за присвоение чужой литературной собственности». (Жив Курилка – крылатое выражение, которое означает, что какое-либо явление или деятель, который давно должен был исчезнуть, продолжает существовать; данное устойчивое выражение восходит к старинной русской народной игре, когда зажженную лучину передавали из рук в руки, приговаривая: «Жив, жив Курилка, жив, жив!» Проигрывал тот, у кого в руках лучина гасла.) Фельетон от 18 августа 1884 г.: «Объявления составляют... юмористом ... *не щадящим* ради «аллегорий» *ни своего живота, ни живота патрона-заказчика*». Далее следует заманчивый «отдел о премиях», выдающихся покупателям» («не щадящим ни своего живота, ни живота патрона-заказчика» – перефразированное устойчивое выражение «не щадя живота своего» (т. е. жизни);

в) замена одной из частей фразеологизма. Например, в фельетоне от 8 октября 1883 г.: «Недавно один ... *хватил по голове кассира... портфелем... Жизнь – копейка, а чужая башка и того дешевле!*» (Ср.: «Жизнь – копейка, голова – наживное дело; жизнь – копейка, судьба – индейка» (Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т. 2). См. также у М. Ю. Лермонтова в «Ге-

рое нашего времени»: «Все вздор на свете! Натура – дура, судьба индейка, а жизнь копейка». Фельетон от 4 февраля 1884 г.: «*Что русскому сладко, то немцу горько*. Это вкусовое правило применимо ко всем немцам в мире». («Что русскому сладко, то немцу горько» – перефразированное устойчивое сочетание «что русскому хорошо, то немцу смерть», употребляется в значении «что хорошо одним, то может погубить других», выражение обычно приписывается полководцу Александру Васильевичу Суворову: «Вольно же немцу тягаться с русскими! Русскому здорово, а немцу смерть!») Фельетон от 7 июля 1884 г.: «У выборного С-ва *загорелась шапка*. Оказалось, что сей С-в незадолго перед выборами взял у одного ремесленника 25 рублей на выправку торговых документов и вместо того, чтобы потребить эти деньги на гербовую бумагу, купил себе на них клетчатые брюки... Так погиб *чужой каравай, попавший в чужой, широко разинутый рот!*» («На воре и шапка горит» – устойчивое сочетание, означающее, что преступник может сам себя выдать своим поведением; по легенде, этот возглас помог разоблачить вора на рынке, который сразу же схватился за свою шапку; «чужой каравай, попавший в чужой, широко разинутый рот» – перефразированная пословица, ср.: «На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай», употребляется в значении «не нужно стремиться завладеть чужим»; в книге «Крылатые слова» (1899) С. В. Максимов отмечал, что издавна на Руси каравай считался главным атрибутом свадьбы, поэтому он ассоциировался с самым дорогим – с невестой). Фельетон от 21 января 1884 г.: «*Лучше ловить хороших синиц, чем терпеть убыток от плохого журнала...*» (ср. с исходным устойчивым выражением: «лучше синица в руках, чем журавль в небе», употребляется, когда говорят о преимуществе чего-либо обычного, но имеющегося, перед чем-нибудь прекрасным, но трудно достижимым). Фельетон от 2 февраля 1885 г.: «Нашлись люди, которым *мешают спать лавры* П. А. Шостаковского» («лавры не дают спать» – поговорка, которая употребляется, когда кто-либо завидует чужому успеху; исходный вариант: «Лавры Мильтиада не дают мне спать» – это слова древнегреческого полководца Фемистокла, сказанные им после победы Мильтиада над войсками персидского царя Дария в 490 в. до н. э.); фельетон от 16 марта 1885 г.: «Никто не думал, что *из-под лежащего камня брызнет фонтан*» («под лежащий камень вода не потечет» – устойчивое выражение, часто используется в значении «у того, кто не пытается что-либо сделать, ничего не получится»);

г) использование отрицания. Так, в фельетоне от 5 ноября 1883 г. о С. Ф. Рассохине и его комедии «Теплые ребята»: «Своим произведением он не создал новой школы, *не открыл новой Америки* и даже *не попал пальцем в небо*, но, несмотря на это, в нем все-таки сказан великий драматург». («Открывать Америку» – фразеологизм, имеет значение «высказывать банальные мысли, говорить о том, что все и так всем известно»; «попасть пальцем в небо» – устойчивое сочетание, которое означает «сильно ошибаться в чем-либо»). В фельетоне от 7 июля 1884 г.: «Обитатели городков нашей Московской губ<ернии> отродясь не видали среди себя корреспондентов, отродясь не читали про себя в газетах и очень счастливы...

– Хоть мы и лупим друг друга по физиям, хоть и удобряем наши поля ребрами приятелей, да зато *ни одна соринка не выходит из нашей избы!* Так-то-с... » («выносить мусор из избы» – фразеологизм, означающий разглашать сведения о каких-то неприятных вещах, скрываемых от посторонних; восходит к старинному народному поверью о том, что если вынести мусор из избы, то можно по нему навести порчу на людей, живущих в этом доме, поэтому сор не выносили из избы, а сжигали его в печи).

Таким образом, можно выделить следующие варианты использования фразеологических единиц в целях достижения комического эффекта в раннем цикле фельетонов А. П. Чехова «Осколки московской жизни»:

1. Буквальное воспроизведение фразеологизмов.
2. Модификации фразеологизмов: а) усеченные цитаты; б) добавление продолжения фразеологизма; в) замена одной из частей фразеологизма; г) использование отрицания.

Примечания

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. М.: Наука, 1974–1986.
2. Гужанов С. И. Фразеологические единицы как средство создания комического в ранней публицистике А. П. Чехова // Вестник Житомирского государственного университета им. И. Франко. Житомир, 2004. Вып. 18. С. 103–107.
3. Ефимов А. И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952. С. 63.
4. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 33.
5. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 192.

Notes

1. *СЧехов А. П.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19 [Complete works: 30 vol. Vol. 19]. М. Nauka. 1974–1986.
2. *Guzhanov S. I.* Frazеологические единицы как средство создания комического в ранней публицистике А. П. СЧехова [Phraseological units as a means of creating the comic in the early journalism of A. P. Chekhov] // Vestnik Zhitomirskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Franko - Herald of Zhytomyr state University n.a. I. Franko. Zhitomir. 2004. Iss. 18. Pp. 103-107.
3. *Efimov A. I.* Ob izuchenii yazyka hudozhestvennyh proizvedenij [On the study of poetic language]. М. 1952. P. 63.
4. *Bulahovskij L. A.* Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Part 2. М. 1953. P. 33.
5. *Ozhegov S. I.* O strukture frazeologii (v svyazi s proektom frazeologicheskogo slovarya russkogo yazyka) [On the structure of phraseology (in connection with the draft phraseological dictionary of Russian language)] // Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi - Lexicology. Lexicography. Culture of speech. М. 1974. P. 192.

УДК 81'371

Л. М. Ахметзянова

Специфика идиостиля А. Введенского в рамках литературы абсурда

Статья посвящена рассмотрению особенностей идиостиля русского поэта-авангардиста А. И. Введенского. Александр Введенский известен российскому читателю как поэт, проповедовавший три основные темы: Бог, время, смерть, которые оказываются тесно связанными. Он ощущал основу своего творчества трагической. Свообразным результатом его творческих и жизненных исканий стало обращение к категории абсурда, и именно эта категория определяется как основополагающая при построении текстового пространства, как один из способов репрезентации авторской мировоззренческой концепции. В связи с этим в статье анализируются важные составляющие лингвопоэтики Введенского – слова-иероглифы, лексико-семантический синкретизм, диссоциация. На основе проведенного анализа делается вывод о специфике идиостиля Введенского: автор посредством деструкции и алогизма осуществляет попытку разрушения логических связей между означающим и означаемым, в то же время создавая новые коммуникативные правила, новый «иероглифический» язык.

The article considers the peculiarities of idiostyle of Russian avant-garde poet A. Vvedensky. Alexander Vvedensky is known to Russian readers as a preacher of three main themes: God, time, death, which are closely related. He felt the foundation of his work as tragic. A specific result of his creative and life pursuit was an appeal to the absurd category and this category is defined as fundamental in the construction of the text area, as one of the ways of representation of the author's ideological concept. In this regard, the article analyzes the important components of Vvedensky's poetics – word-characters, lexical-semantic syncretism, dissociation. The analysis helps us to make the conclusion about the specifics of Vvedensky's idiostyle: the author through destruction and alogism attempts to fracture the logical connections between the signifier and the signified, at the same time creating new communication rules, a new "hieroglyphic" language.

Ключевые слова: поэтическая бессмыслица; категория абсурда; слова-иероглифы; графическая игра; диссоциация.

Keywords: poetic nonsense; category of the absurd; word-characters; graphical game; dissociation.

Александр Иванович Введенский (1904–1941), крупнейший поэт, драматург, философ русского авангарда, являлся одним из организаторов и активным участником литературно-театральной группы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства). В ОБЭРИУ вошли, в частности, Д. Хармс (Ювачев), И. Бахтерев, К. Вагинов (Вагенгейм), Н. Заболоцкий, Б. Левин и некоторые другие. Поэты-обэриуты обращались к поэтике абсурда, зауми, наполнив свои тексты гротескностью, алогизмом, реальность искусства они видели, прежде всего, в игре со звуками, словами, образами, смыслами. В игровой речи обэриутов слова раскрывают множество неожиданных оттенков значения, а нормы здравого смысла постоянно подвергаются испытаниям на прочность в самых противоречивых ситуациях. Понятие абсурда играет важную роль в творчестве Введенского.

Можно говорить о двух литературных периодах поэта – взрослом и детском. И если взрослые тексты нагружены мотивами безысходности, неотвратимости беды, трагизмом, то детская поэзия легка, полна жизнелюбией и света. При жизни в основном публиковались детские стихотворения. Известна активная сотруническая деятельность Введенского с детскими издательствами, в том числе с популярными журналами «Еж» и «Чиж».

Введенский принадлежал к тому типу писателей, чье творчество как будто бы не связано непосредственно с их личной жизнью. Он намеренно отделял свою жизнь от своей поэзии. Искусство и действительная реальность – две параллельные составляющие мировоззрения автора, пересекаемые, но не здесь и не сейчас, а в бесконечности. «Звезда бессмыслицы» – вот сокровенный образ поэта: «Горит бессмыслицы звезда, // она одна без дна, // Вбегают мертвый господин // и молча удаляет время» [1]. Введенский создает уникальный мир – разобщенный, обреченный, в котором соседствуют живые и мертвые, мир застывший, требующий размышлений о сущности жизни и смерти: «Я посягнул на понятие, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума – более основательную, чем та, отвлеченная. Я усомнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то, значит, разум не понимает мира» [2]. Абсурд для Введенского – это не отсутствие логики, не отсутствие смысла, напротив, новый путь постижения мира, поиск новых связей между словами. Так, ключевыми темами в его творчестве являются Бог, время, смерть.

Для поиска правильного типа связей на уровне текста Введенский прибегает к использованию особого художественного знака – иероглифа (термин впервые ввел Л. Липавский). Иероглиф – это то, что «нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом» [3]. Например, слово «море» у Введенского, с одной стороны, сохраняет свой характер знака, обозначающего объект, а с другой стороны, «море» – это граница между миром живых и миром мертвых – пространство иной реальности, оно перестает быть просто знаком, и его значение словно расширяется – слово становится иероглифом, как, например, в следующем стихотворении:

Мы подумав будто трупы
показали небу крупы
море время сон одно
скажем падая на дно
захватили инструменты
души ноги порошки
и расставив монументы
засветив свои горшки
мы на дне глубоком моря
мы утопленников рать
мы с числом пятнадцать споря
будем бегать и сгорать... [4]

Слова-иероглифы являются основой поэтики «бессмыслицы» Введенского. Поэтическая бессмыслица Введенского заведомо разрушает не только основное, денотативное значение слова, но и всю его коннотативную сферу. Словесный смысл диссоциируется по линии означающее – означаемое таким образом, что конвенциональность, т. е. общепризнанность этой связи, ставится под сомнение. Сомнение в правильности логико-семантических связей слов и есть в таком случае основная тема поэта Введенского. Соответствие языка и мира, проблема согласования слов языка и обозначаемых ими вещей – вот что является предметом его поэтического творчества [5]. Иначе говоря, Александр Введенский стремился создать новый «иероглифический» язык путем глубокой деструкции литературного языка.

Характерной чертой произведений Введенского является синкретизм жанровый – объединение в рамках одного произведения прозы, стихотворной речи и драмы, и синкретизм семантический – синтез в слове-иероглифе собственного (как материального явления) и несобственного (субъективного) значений. Так, жанровый синкретизм проявляется, к примеру, в «диалогостихе» «Священный полет цветов», в котором диалоги трансформируются в стихотворения, ремарки перерастают в прозаическое описание:

Г о л о с.
Метеорит.
С т и р к о б р е е в.
Небесное тело?
Г о л о с.
Да, у меня к вам дело.

Я, как известно, среди планет игрушка.
Но я слышал, что у вас будет сегодня пирушка.
Можно прийти?
С т и р к о б р е е в.
Прилетайте (вешает трубку).
Горжусь, горжусь, кусок небесный
находит это интересным,
собрание пламенных гостей,
их столкновение костей.
Не то сломался позвонок,
Не то ещё один звонок.
Кто это? Пётр Ильич?
Г о л о с.
Нет, Стирковбреев, это я. Паралич.
С т и р к о б р е е в.
А, здарсьте. (В стороны). Вот так несчастье.
Что вам надо.
Г о л о с.
Шипенье слышишь ада
вонючий Стирковбреев?
Зачем тебе помада,
ответь, ответь скорее... [6]

Поэт использует речевой художественный прием лексико-семантического синкретизма с целью создания или отражения особой модели художественной реальности.

Введенский создает коммуникативные модели, принципиальным образом отходящие от исходных семантически правильных высказываний. Тем самым возникает семантическая замкнутость моделей бессмыслицы, имеющая в его творчестве концептуальное значение. Сочетание семантических единиц без прямой связи в плане содержания обращает на себя внимание в стихотворении «Ночь каменеет на мосту...»:

Ночь каменеет на мосту,
Холодный снег и сух и прост.
Послушайте, трактир мой пуст,
Где звёзды лошадиный хвост.
У загнанного неба мало
Глядят глаза на нас, когда
Влетают в яркие вокзалы
Глухонемые поезда;
Где до утра
Ревут кондуктора... [7]

Или, к примеру, в следующем тексте:

Звали первую светло
А вторую помело
Третьей прозвище Татьяна
Так как дочка капитана... [8]

Прослеживается попытка объяснить бессмысленное событие или факт, но его объяснение еще более бессмысленно, чем сам бессмысленный факт. Эффект усиливается вследствие включения в ряд однородных членов имен, которые не сталкиваются при «нормальном» использовании языковых элементов: светло, помело. Стирается граница между именами собственными и нарицательными.

Следующее произведение чрезвычайно интересно в плане словесного и звукового эксперимента:

ДВА фонаря стоят доска досочка дощечка дошка дощечка
дошка дашка доска
досченчик досочек

ЧТО ЕСТЬ ДРОВА КОТОРЫЕ ГОРЯТ
ТАКУШТО как ШИНКИЛЬ
в карнафейку «ЕСТЬ ЗОЛОТОБОРОДЫЕ ПУПсы»
в карнафейку
есть хитрые дома и шинкари забуженные в старях лесах
потому что для них кистень с надписью А есть слишком
долгая тюремная подпись ВОДЯная волна при К. С.
семечки емей ей е АТТОТТЫ емечки и е ай и яички и а – ы-ы-ы ко запры
лента лента лентатя НАСЕКОМОЕ летит насекомое КУВЫРКАЕТСЯ зяДА
ГАННА твоя корзинка полна
песочными сугробами
полна широких сковородок
хвостами полнели нелли по КРАМАНАМ...
[9]

Звукосмысловая игра слов выражается здесь в каламбурной рифме, с целью создания особой атмосферы нарочито грубоватого балагурного шутовства, в повторах – одинаковые синтаксические позиции членят текст на относительно соизмеримые ритмические отрезки, в использовании новых, с неопределенной семантикой, слов (такушто как шинкиль, в карнафейку, забуженные и др.), в употреблении отдельных буквенных сочетаний, не поддающихся осмыслению (семечки емей ей е АТТОТТЫ емечки и е ай и яички и а – ы-ы-ы ко запры), в использовании в одной лексеме строчных и прописных букв – смене шрифта (дощечкА, как, Пупсы, ВОДЯная, зяДА и др.) и пр. В связи с этим обращает на себя внимание ненормативная пунктуация, например полное отсутствие запятых при перечислении однородных членов предложения, отсутствие точек и т. п. Графическая игра – манипулирование буквами, знаками препинания, приемами сокращения слов, использование прописных букв, отступов – служит средством выделения приема языковой игры, средством создания иронии, комической или абсурдной ситуации.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о важном структурообразующем принципе в поэтике Введенского – диссоциации – принцип, характеризующий отсутствие присутствия смысла или принцип «столкновения словесных смыслов» посредством необычного сочетания слов (Н. А. Заболоцкий). Как отмечает философ-обэриут Яков Друскин, «слово в поэзии Введенского выполняет функцию пустого, чистого знака. Оно не собирает в пучок семантические признаки мира (как, например, у Хлебникова, Мандельштама и др.), а как бы «вырезает» эти признаки из мира, оставляя на их месте зияющую прореху. Принцип ассоциативности здесь не действует: слова соединяются друг с другом не посредством ассоциации, а посредством диссоциации, т. е. разложения, разобщения значений» [10].

Анализируя тексты Введенского, следует означить прием деформации отношений «означающее – означаемое», при котором происходит утеря словом основной номинативной функции. Поэт оперирует трансформациями, создавая мир, не поддающийся объяснению и логике. В поэтическом языке Введенского слова, обозначающие предметы, теряют свои семантические и синтаксические различительные признаки. Иначе говоря, становится возможным «все назвать всем». Вот несколько примеров:

Ходит в гости тьма коленей
летний штык тягучий ад
гром гляди каспийский пашет
хоры резвые
посмешищ
небо грозное кидает
взоры птичьи на Кронштадт
гордой дудкой мчатся волны
мел играет мёртвой стенкой
в даль кидает как водичку
спит пунцовая соломка... [11]
Весьма печальна и темна
непостижима для меня умна
смотри – в могильном коридоре
глухое воеет море
и лодка скачет как блоха
конечности болят у лодки

о лодка лодка ты плоха
ты вся больна от ног до глотки [12]
В кипятке
была зима,
в ручейке
была тюрьма,
был в цветке
болезней сбор,
был в жуке
ненужный спор.
Ни в чем я не увидел смысла.
Бог Ты может быть отсутствуешь? [13]

Все сказанное выше позволяет выявить закономерность – важную роль в творчестве Введенского играет категория абсурда, однако для Введенского абсурд – не бессмыслица, а, напротив, способ постижения божественного откровения, при помощи которого угадываются и восстанавливаются утраченные межпредметные связи.

Примечания

1. Введенский А. И. Полное собрание произведений: в 2 т. / сост.: М. Мейлах, В. Эрль. М.: Гилея, 1993. Т. 1. С. 152.
2. Липавский Л. С. Разговоры // Логос. 1993. № 4. С. 16.
3. Друскин Я. С. Звезда бессмыслицы // Сборище друзей, оставленных судьбою: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. Т. 1. М.: Ладомир, 2000. С. 324.
4. Введенский А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 116.
5. Шукуров Д. Л. Иероглифическое слово в дискурсе ОБЭРИУ // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 3. М.: Изд-во «ИФ РАН», 2008. С. 142.
6. Введенский А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 131.
7. Введенский А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 106.
8. Введенский А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 71.
9. Введенский А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 113.
10. Фещенко В. В. Мнимости в семантике (о некоторых особенностях чинарского языка Александра Введенского и Якова Друскина) // Александр Введенский и русский авангард: материалы междунар. науч. конф. / под ред. А. Кобринского. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 146.
11. Введенский А. И. Полное собрание произведений... Т. 1. С. 43.
12. Там же. С. 94.
13. Там же. С. 162.

Notes

1. Vvedenskij A. I. Polnoe sobranie proizvedenij: v 2 t. [Complete collection of works: in 2 vol.] / comp.: M. Mejlajh, V. Erl. M. Gileya. 1993. Vol. 1. P. 152.
2. Lipavskij L. S. Razgovory [Talks] // Logos - Logos. 1993, No. 4, p. 16.
3. Druskij YA. S. Zvezda bessmyslycy [Star of nonsense] // Sborishche druzej, ostavlennyh sud'boju: A. Vvedenskij, L. Lipavskij, YA. Druskij, D. Harms, N. Olejnikov: "chinari" v tekstah, dokumentah i issledovaniyah: v 2 t. T. 1. – Bunch of friends, left by their fate: A. Vvedensky, L. Lipavsky, J. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: "Chinari" in texts, documents and studies: in 2 vol. Vol. 1. M. Ladamir. 2000. P. 324.
4. Vvedenskij A. I. Op. cit. Vol. 1. P. 116.
5. SHukurov D. L. Ieroglificheskoe slovo v diskurse OBEHRIU [Hieroglyphic word in the discourse of OBERIU] // EHstetika: Vchera. Segodnya. Vsegda.- Aesthetics: Yesterday. Today. Always. Iss. 3. M. Publishing house "Iph RAS". 2008. P.142.
6. Vvedenskij A. I. Op. cit. vol. 1. P. 131.
7. Vvedenskij A. I. Op. cit. Vol. 2. P. 106.
8. Vvedenskij A. I. Op. cit. Vol. 1. P. 71.
9. Vvedenskij A. I. Op. cit. Vol. 2. P. 113.
10. Feshchenko V. V. Mnimosti v semantike (o nekotoryh osobennostyah chinarskogo yazyka Aleksandra Vvedenskogo i YAkova Druskina) [Imaginary in the semantics (on some features of the Chinar language of Alexander Vvedensky and Yakov Druskin)] // Aleksandr Vvedenskij i russkij avangard: materialy mezhdunar. nauch. konf. – Alexander Vvedensky and Russian avant-garde: proceedings of the international scientific conf. / ed A. Kobrinskiy. SPb. CPI SPGUTD. 2004. P.146.
11. Vvedenskij A. I. Polnoe sobranie proizvedenij... T. 1 [Complete collection of works of...] Vol. 1. P. 43.
12. Ibid. P. 94.
13. Ibid. P. 162.

Пейзажный дискурс лирики Олега Чухонцева: функциональный аспект

В статье исследована лирика О. Чухонцева 1990-х – начала 2000-х гг. В качестве предмета исследования избран пейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Природные номинации в роли маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта присутствуют в текстах, где эксплицитно или имплицитно заявлен биографический код автора. Чаще всего природные номинации в своем прямом значении появляются в начале текста, обозначая его эмпирический уровень. Далее включается сюжетный план текста, отражающий когнитивные процессы авторского сознания. Лирический субъект преобразует эмпирический опыт в метафизические постижения, при этом семантика природных номинаций расширяется, они включаются в тропеические образы, формируя многоуровневый поэтический язык, зачастую создавая условия для реализации лирического сюжета. Таким образом, изучение хронотопной сферы пейзажного дискурса выявило преобладание номинативной функции маркеров природных реалий и ее трансформацию в сюжетобразующую в текстах с биографическим кодом автора.

The paper studies the lyrics of O. Chukhontsevin 1990s – early 2000s. As a subject of study, landscape lyric discourse is chosen; the category of the author's picture of the world is used in the conceptual and functional aspects as the methodological tool of research. Natural nominations as markers of space-time coordinates of the lyrical subject are present in the text, which explicitly or implicitly declares biographical code of the author. Most often, natural nominations, in their literal meaning, appear at the beginning of the text, denoting its empirical level. Next, the plot plan of the text turns on, reflecting the cognitive processes of the author's consciousness. The lyrical subject transforms empirical experience into metaphysical comprehension, while the semantics of natural nominations expands, they are included in tropic images, forming a multi-layered poetic language, often creating conditions for the realization of the lyrical plot. Thus, the study of chronotopic landscape discourse revealed the predominance of the nominative function in markers of natural reality and its transformation into a plot-making function in texts with biographical code of the author.

Ключевые слова: поэзия, лирика, картина мира автора, пейзажный дискурс, хронотоп, пространственно-временные отношения, маркеры природных реалий, номинативная функция, сюжетобразующая функция.

Keywords: poetry, lyrics, author's picture of the world, landscape discourse, chronotope, spatial and temporal relations, markers of natural realities, nominative function, of plot-making function.

Исследование пейзажного дискурса в лирике представляется актуальным, поскольку позволяет выявить особенности картины мира автора, следовательно, ознакомиться со стратегиями авторского сознания по формированию облика лирического субъекта, тем или иным способом презентующего современного поэту человека. Отношения человека с миром в самом широком смысле всегда являются краеугольным вопросом, на который художники ищут ответы, создавая свой вариант реальности в ее эстетическом изводе. Отношения человека с миром природы как Универсумом, миром, сотворенным до человека и не человеком, определяют его сущность и существование, то есть отвечают на главный вопрос всех времен и народов – «зачем?». Поскольку человек по замыслу Творца – существо дуальное, и одна из его ипостасей, биологическая, органично связана с природой, то вне зависимости от интенций человека он всегда, пока существует наш мир, будет соотносим с ней. Дистанция между природой и человеком определяет и положение последнего относительно творящего начала.

Лирический текст построен на синкретизме авторско-геройного плана, картина мира автора наиболее репрезентативно представлена пейзажным дискурсом. Изучение пейзажного дискурса русской лирики 1960–1980-х гг. позволило выявить его концептуальное значение: «Утверждение единства мира посредством экспликации неосинкретической связи человеческого (биологически-духовного) и природного (одухотворенного человеком) миров» [1].

Не менее интересным представляется функционирование пейзажного дискурса в лирике конца 1980-х – 1990-х гг. Последние полтора-два десятилетия ушедшего столетия существенно изменили картину мира личности. Поэзия, первая реагирующая на духовно-ментальные сдвиги в сознании общества, не могла остаться в стороне. Предположительно, отразиться они должны и в

пейзажном дискурсе, который первым откликается на смену парадигмы личности. Характер этих изменений проследим на поэтическом творчестве Олега Чухонцева.

Примечательно, что М. Н. Эпштейн в книге «Природа, мир, тайник вселенной...» творчеством О. Чухонцева завершает исследование природных образов в русской лирике, включая его произведения в контекст «поэзии советского периода» 1960–1980-х гг. Ученый, выделяя доминанту пейзажной лирики автора: «...философско-лирическое осмысление вечной темы: близость или чуждость природы человеческому существу», – отмечает и «привычное соединение с ней», и «мучительное постижение ее отдельности, неподатливости усилиям разума и сердца» [2]. В частотно-тематическом указателе природных мотивов имя О. Чухонцева зафиксировано в разделе «природа как целое», в частности выявлен мотив «печали и тоски в природе» [3], среди «типов пейзажей» чухонцевский включен в «пустынный» [4], а «восприятие элементов природы» отмечено на аудиальном уровне через мотив «тишины» [5]. Как видим, уже в лирике О. Чухонцева 1960–1980-х гг. намечены особенности, не вполне соотносимые с общими тенденциями русской лирики этого периода, то есть относительно введения природных образов в поэтические тексты скорее можно вести речь о минус-приеме, нежели об их функциональной роли. Конечно, в работе М. Н. Эпштейна задействован не весь корпус лирики О. Чухонцева, присутствие природных маркеров у автора представлено гораздо шире, многофункционально. В то же время, исследуя субъектный уровень пейзажного дискурса этого периода, мы уже отметили, что «слитность лирического субъекта с миром природы» «остаётся на уровне деклараций», что, с одной стороны, сближает ее с общими тенденциями, с другой – задает новый вектор отношений человека и природы в измененном мире, формирует иной характер лирического субъекта в пейзажном дискурсе.

Отметим также акцентирование М. Н. Эпштейном «национальной» составляющей пейзажа О. Чухонцева и «сближение» с «древнейшими русскими поэтическими образами» [6]. Эти замечания важны для сравнения пейзажного дискурса лирики автора 1960–1980-х и 1990-х гг.

Для исследования пейзажного дискурса интересующего нас периода обратимся к сборнику избранного «Из сих пределов» (2008) [7], где тексты выстроены хронологически самим автором, к последнему разделу «Стихотворения 1989–2003». Методом сплошной выборки выявлены все природные номинации в текстах, классифицированы нами в соответствии с типологией природных образов, предложенной М. Н. Эпштейном [8]. Для нас важно установить, какую функцию выполняют природные маркеры в тексте. Напомним, что понятие пейзажного дискурса, в отличие от традиционного понятия пейзажа как описания открытого природного мира, шире, поскольку выявляет «диалогические отношения» человека и природы и включает «номинации природных реалий: в роли маркеров природного мира, очерчивающих пространственно-временные координаты художественного мира лирического субъекта; в качестве самостоятельных художественных образов или их элементов; формирующие и оформляющие лирический сюжет» [9]. Следовательно, нас интересуют в первую очередь сами природные номинации, безотносительно к их функции, а затем на внутритекстовом уровне стихотворения необходимо выявить особенности их функционирования.

Но прежде отметим среди публикаций О. Чухонцева книгу «Пробегающий пейзаж» (1997), относительно названия которой автор в разговоре с В. Козловым внес поправку: «Чухонцев коснулся своей собственной метафоры “пробегающего пейзажа”, сказав, что она несколько неточна – точнее было бы “внутренний пейзаж”. Такой пейзаж, по мысли поэта, не порожден напрямую реальными картинами жизни, но сами картины порождены внутренним видением» [10]. Рецепция «внутреннего пейзажа» О. Чухонцева представлена в работе В. Козлова с одноименным названием. Но пейзаж, по определению, – понятие «внутреннее», поскольку является образом внешнего мира, сформированным в сознании воспринимающего субъекта. Принимая во внимание авторскую «поправку», обратимся все же к самим текстам и номинациям природных реалий в них, памятуя о еще одном авторском посыле: «<...> когда стихи написаны, и особенно когда изданы, вступают в силу другие правила. Они уже не для того, кто пишет» [11]. С точки зрения читателя их и проанализируем. Учтем при этом и авторскую рецепцию «пейзажа», у которого эта номинация достаточно часто встречается в текстах: «коровы и бензоколонки пятнают пейзаж» [12], «пейзаж с подтеками фонарей» [13], «небесный пейзаж» [14], «зияет черными внутренностями пейзаж» [15]. Исходя из авторской трактовки пейзажа, он является «образом образа» (А. А. Потебня), но в любом случае, и у этого образа есть реалья, его порождающая. Именно ее номинация и интересна в картине мира автора.

Исследуемый период творчества включает 43 стихотворения, входящих в сборник «Из сих пределов», из них, на наш взгляд, наиболее репрезентативными относительно пейзажного дискурса являются 19 текстов, но названия природных реалий присутствуют почти во всех текстах.

Пространственный уровень картины мира автора в горизонтальной проекции представлен в тексте номинациями местности (98), флоры (68) и фауны (38), водного (24) и небесного (15) пространств, а также атмосферных явлений (20). Конкретизируем отдельные группы номинаций. Наиболее численной группой среди названий местности являются собственные имена городов, стран, населенных пунктов («Висконсин», «Париж», «Египет», «Изборск», «Дамаск», «Коктебель», «Старый Крым») и географические объекты («Таврида», «Чертов Палец», «Меганом», «Кучук-Енишар», «Кавказ», «Памир»), притом примерно треть таких номинаций встречается в одном объемном тексте – «Закрытие сезона» [16]. В остальных же случаях преобладают нарицательные родовые названия местности («село», «город», «поле», «степь», «горы», «палисадник», «огород» и др.), а также обозначения «земли» как одной из стихий – «глина», «песок», «твердь». Встречаются также номинации с обобщенным универсальным значением («весь мир», «родина», «чужбина») и метафизической семантикой («пустота», «темная провинция», «земля окаянная», «сторона палестинская», «невидимый град»). Отдельно следует выделить городские реалии, поскольку они входят в пространственную парадигму картины мира автора («Пресня», «город», «Минтяжмаш», «свалка», «сквер», «брусчатка»). Водное пространство в картине мира автора ограничено, представлено несколькими родовыми номинациями «река», «море», «вода», именами собственными в названиях рек («Кама», «Белая», «Чусовая», «Вохна»), сюда же отнесем и мифологические номинации («Лета», «Иордан», «Флегетон»).

Растительный мир заявлен единичными родовыми номинациями («деревья», «лес», «сад», «цветы», «кусты») и гораздо чаще встречающимися видовыми названиями («роза», «мать-мачеха», «агава», «слива», «горох», «вьюнок», «тополь», «клен», «осина» и др.). Животный мир обозначен родовыми номинациями («птицы», «скот», «рыба») и видовыми, встречающимися гораздо чаще («кочет», «петух», «петел», «корова», «овца», «малиновка», «кукушечка», «кузнечик», «сверчок», «цикада» и др.).

Вертикальный срез пространственного уровня картины мира реализован через номинации «небо», но чаще – «небеса», небесных светил («звезда», «луч», «солнце») и названия атмосферных осадков («снег», «дождь») и явлений («буря», «ветер», «ненастье», «жара», «стужа», «молния», «облака», «тучи»), притом эти группы состоят практически из единичных названий.

Временной уровень картины мира представлен суточным («день», «ночь», «утро», «вечер», «сумерки», «закат») и календарным («весна», «лето», «зима», «осень») циклическим временем, а также линейным временем с онтологической семантикой («который уж год», «годок-другой», «через полвека», «век-заложник», «кой-то век», «тыщу лет», «столетья»). Отметим немногочисленность и практически единичность употребления номинаций и в этих группах.

Такой общий взгляд на художественный мир О. Чухонцева позволяет утверждать, что картина мира автора вполне вписывается в традиционную модель мира с его вертикальным и горизонтальным измерением, в ней представлены все четыре стихии – «воздух», «земля», «вода», «огонь», каждая из которых презентована соответствующими пространственными номинациями, временные номинации представляют природное циклическое время и линейное с онтологическим смысловым наполнением. Кроме того, отдельные пространственные и временные локусы связаны семантикой границы («перевал», «приморские», «берег», «пристани», «полоса береговая», «мост»). Рассмотрим далее функциональный аспект природных номинаций.

Несмотря на авторскую трактовку «пейзажа» как «внутреннего», в лирике исследуемого периода обнаруживаются тексты, где природные номинации выполняют роль маркеров пространственных, реже – временных, координат лирического субъекта. Назовем такие стихотворения и покажем, как работают в них природные номинации.

«Южной ночью, один на пустом перроне...» [17] Лирический субъект находится на «вокзале», что задает хронотоп пути, усиленный синтетическим пейзажным образом «южная ночь». И «пустой перрон», и «ожидание» «последнего поезда» ориентируют на эмпиричность локуса, что поддерживается обонятельными образами – «запахи роз и хлорки, свары какой-то хронической рядом» – с явно выраженным натуралистическим характером. К пейзажным относятся также образы: «светляки над путями свадебным роем вспыхивают и гаснут. Тьмы светляков»; «пальмы», «море». Лирический субъект, «впрыгнув» «в поезд» и оглянувшись «назад», увидел реальную картину: «все горело, брачным пульсировало огнем» – в свете «прожектора» роились насекомые, но самих «светляков» в этом образе уже нет, осталось лишь их «движение», парафрастически коррелирующее с прямой номинацией. Появятся «светляки» в последней строфе текста. Чтобы выявить их функцию в финале текста, следует обратиться к сюжетному уровню картины мира.

Изначально в тексте лирический субъект включен в хронотоп «пути», следовательно, временные сдвиги должны коррелировать с пространственными перемещениями. Первоначальный субъект перемещается из пространства «перрона» (статичного) в пространство «дрогнувшего ва-

гона» (динамичное), взгляд его при этом направлен «назад»; окажется он в итоге в некоем пространстве, эксплицированном образом «подушки», то есть метонимически представлено «свое» пространство. Но переход из одного пространства в другое по-особому отмечен на временном уровне. Перволичный субъект пребывает в настоящем времени, выраженном грамматически глагольной формой, в пространстве «вокзала» – «я поезд последний жду»; пространство вагона передано ретроспективно в прошедшем времени – «я чудом впрыгнул / в дернувшийся вагон и взглянул назад»; но в «своем» пространстве лирический субъект снова оказывается в настоящем (по логике движения он должен был попасть в будущее) – «мне теперь не светят ни светляки, ни звезды».

Лирический субъект, реализуя хронотоп пути, презентован перволичной формой, но финал текста обнаруживает ее различные функции: оказывается, что лирическое «я» в начале текста выполняет функцию «я-другого». Пребывание в приморской местности, вероятно, на Кавказе («эти кавказские счеты») передано как воспоминание перволичного субъекта финала текста.

Время лирического субъекта в конце тоже изменилось, но не грамматически, а через введение временной номинации суточного цикла: собственно, «путь» лирического субъекта в тексте длился от «южной ночи» до «утра», которое он встречает уже в «своем» пространстве («подушка»). Но в тексте заявлено и онтологическое время – «я не из той страны, а из этого века». Поэтому суточное время в тексте расширяется до пределов человеческой жизни, включенной в не зависящие от него общественно-исторические процессы. Измененное пространство: «Что же все это: родина-мачеха – дом на сваях – / мамалыга с сыром – падающий зиккурат / с изваянием идола – дальше – гремящий хаос – / дальше! дальше! – пороховые зарницы в окне?.. », – в которое попадает лирический субъект в конце своего пути-путешествия, неприемлемо для него. «Светляки» и «звезды» в последней строфе – это уже не природные номинации, а образы-симулякры, лишенные своей первичной семантики: «светляки» – полноты жизни (правда, тщетность их участи обнаруживается еще в начале путешествия – «прах летучий»), «звезды» – как вектора движения (путеводная звезда). Кроме того, явно проступает и иронический подтекст: завершение эпохи, где главным атрибутом были «звезды». Ироничность продлена каламбуром – «ничего мне не светит». Все же ирония остается в подтексте, а завершение эстетического объекта происходит через элегический модус. Авторское сознание помещает лирического субъекта в пространство «памяти», прошлого, где «еще не стреляют и муза моя не молчит», где «искрящий желаньем воздух» является парафразой «свадебного роя» «светляков». Так природная номинация, в начале текста маркирующая пространство лирического субъекта, к финалу переходит на сюжетный уровень – становится залогом его экзистенции, желанной и возможной в прошлом, утраченной – в настоящем: «в подушку тщета стучит». Отметим здесь еще включение биографического кода в художественный мир: в конце 1980-х – начале 1990-х О. Чухонцев писал мало, что связано, помимо внешних факторов, с потерей близких.

«Слова все сказаны, споры разрешены...» [18] В тексте изображены похороны, экзистенциальный хронотоп реализован через природные номинации: «трава», «песок под лопатой», «комья глины» – традиционное предание тела умершего земле. Другие названия из природного мира – «куст крушины», «облака» – наполняются символическим смыслом и становятся собственно художественными образами. Сходную ситуацию наблюдаем в стихотворении «Какою-то виной неизбежной...» [19], где лирический субъект переживает похороны брата. Реальность картине придает атмосферное явление – «Лил долгий дождь, и гроб воде придали». Но практически сразу эмпирический образ переводится на тропеический язык: «...и ты отплыл в своей ладье». О похоронах сестры речь идет в стихотворении «Вот и ты ушла, сестра, в те края, куда...» [20]. Здесь природные номинации ретроспективно очерчивают реальное пространство, которое покинула умершая – «огурцы», «кабачки», «цветы». Обычные растения с утилитарной функцией подчеркивают связь человека с землей, природой, собственно, с его истоками. Но и они наполняются художественным смыслом практически мгновенно – «каково, кабачкам твоим и цветам / сиротеть под призором крапивы с болиголовом». Если первые номинации соотносимы с эмпирическим миром лирического субъекта, то «крапива с болиголовом» – образ, сформированный в авторском сознании ассоциативно: это сорняки, которые покروют огород без заботливой хозяйки. При ней они никак не могли присутствовать в ее пространстве.

После проанализированного стихотворения в сборнике стоит текст «Живого мрака дачный обиход...» [21], продолжающий тему утраты родных людей: «...где сестра твоя, где брат?», что также отсылает к фактам биографии автора. Здесь природные номинации – «скулит собака, соловей поет» – пространственные атрибуты лирического субъекта в пространстве текста становятся художественным языком: «...на языке ночном: скулят, поют, / и я не понимаю, что я тут».

Далее следует стихотворение, расширяющее модель, апробированную в предыдущих рассмотренных: «Без хозяина сад заглох...» [22] Как и в стихотворении о смерти сестры, упорядо-

ченное пространство с уходом заботливого хозяина обречено на разорение. Но ведущую роль в субъектной сфере здесь играет не биографический «другой», а универсалия – «хозяин»: «кутал розу – стоит крапива, / в вику выродился горох, / и гуляет чертополох / там, где вишня росла и слива». Номинации растений подобраны авторским сознанием не обязательно в соответствии с реалиями окружающего мира, но функции их в живой природе и поэтическом мире совпадают. Примечательно, что в тексте природа «глохнет», она не слышит человека, следовательно, лирический субъект утрачивает способность говорить, хотя в тексте об этом еще речь не идет. Отсутствии сакрального слова как его духовного стержня изменяет мир: меняются пространственные параметры в тексте – цветы («вьюнок») растут «за свалкою у леска / на возгонках перегорелых / наркоты и змеевика». Аллюзивно в природный континуум включается литературный контекст: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи» (А. Ахматова). В чухонцевском тексте цветы-стихи растут «за свалкою», за известным пределом (или беспределом), а их вид – «граммофончик» (предполагающий источник звука, по форме – круг, символизирующий бесконечность) видится лирическому субъекту как «знак zero», поскольку «звенит» в «инфернальных уже пределах». Лирический субъект, включающий в свою сферу «другого» – «мутанта прогресса», покидает природный космос, который без человека превращается в «хаос»: «снуть» (сорная трава), «болото» (органические процессы разложения), «лес» (иномирие) – вот путь природы без сакрального слова – «После лирики. После эпоса». В данном тексте пейзажные номинации стали параметрами мира без лирического субъекта, обнажив конфликт природы и человека, наметившийся, по мнению М. Н. Эпштейна, еще в ранней лирике. Ответственность за противостояние, по О. Чухонцеву, лежит на человеке – «мутанте прогресса», теряющем свою природную составляющую. Что касается исследуемой проблемы, то природные номинации, не утрачивая функции маркеров реального мира, формируют «иномирие» без лирического субъекта, следовательно, так же, как и в предыдущих, выполняют сюжетобразующую функцию, но через минус-прием.

Подобным образом представлены функции природных номинаций в текстах «Под тутовым деревом в горном саду...» [23], «На резиновом коврикe крупно оттиснуто: Welcome!» [24], «Эти тюркские пристани-имена Агидель, Изикюль, Дюртюли...» [25], «Три наброска» [26], «-Кыè! Кыè!» [27], «А березова кукушечка зимой не кукуват...» [28], «Две старых сосны обнялись и скрипят...» [29], «Актинидия коломикта так оплела...» [30]. В последних двух природных номинации выполняют еще и субъектную функцию, что было нами показано в работе о субъектной организации пейзажного дискурса лирики О. Чухонцева.

В завершение исследования остановимся еще на одном тексте – «Закрытие сезона» [31], отличающемся обилием природных номинаций, что обещает и различную функциональную конфигурацию. Ограничим наш анализ лишь заявленной проблемой, хотя стихотворение открывает возможности для множества уровней интерпретации, на что указал Г. Шульпяков: «В «Закрытии» была использована вся техническая оснастка, разработанная к концу века в русской поэзии. Что не мешало, а скорее синтезировало ощущение новизны, какой-то открытости и потому подлинности стихотворения – и в очередной раз доказывало старый тезис: дело не в технике, а во времени и мироощущении, которые ты сквозь технику пропускаешь» [32].

Во-первых, отметим биографический код текста – О. Чухонцев отдыхал в Коктебеле, в Крыму, когда тот в результате распада Советского Союза вошел в состав Украины. Коктебель на протяжении века является знаковым местом для мирового культурного пространства благодаря своему хозяину – Максимилиану Волошину. Уже без него оно стало литературной меккой, а Дом Поэта – «своим» для всех, кто его посещал. Биографичность стихотворения поддерживается именами литераторов-современников поэта («Рейн», «Поженян»), известных личностей («Изергина», «Альберт», «Рюрик», «Киселев»), фрагментами личной жизни автора («Здесь вот – дрок еще цвел – впервые я обнял тебя»). Обозначено и историческое время изображенного мира – «туманность с Кучмой и Кравчуком».

Далее очертим пространственно-временную сферу картины мира в тексте. Отметим, что лирический субъект начала текста представлен формой «я-другой» («не знаешь», «оглянешься», «вздумаешь», «скажешь»), в пятой строфе появится «мы», в котором объединяет имплицитный «я» и «другой» – «первый встречный». Перволичный субъект проявится в десятой строфе через глагольную форму («не удивлюсь») и эксплицируется в семнадцатой, почти в середине стихотворения («И я не люблю засиженных мест»). В целом же субъектная сфера наполнена различными «другими», названными и имплицитными, что позволяет лирическому субъекту презентовать сознание современного ему человека, с одной стороны, впитавшего широкий культурологический опыт цивилизации, с другой – обнаружившего себя во времени смены культурологической парадигмы.

Лирический субъект с самого начала текста помещен в природно-исторический хронотоп, аллюзивно соотносенный с евангельским сюжетом. Природная реалия циклического времени «в

третью ночь полнолуния» коррелирует с «благовестом за окном», иносказательный образ осени как природного времени («курортный сезон окончен», «шелест приморских листьев») соотносится с «высвистом рецидивистов»: листья не просто высохли в силу природного времени, но «выжжены за лето до фольги». Природные реалии, таким образом, изначально наряду с маркированием пространства-времени субъекта формируют тропеический язык текста.

Во второй строфе фокус видения лирического субъекта меняется, высвечивается исторический план его местонахождения «Таврия там, Таврида» с конкретизацией линейного времени – «дальше, чем Гзак с Кончаком, туманность с Кучмой и Кравчуком». Но буквально следующая строфа возвращает его в природный локус – «утро как утро, и даже с видом на море», притом в этот «вид» попадает природная реалья «Чертов Палец». Именно она становится первым ландшафтным объектом, увиденным лирическим субъектом, что не может не актуализировать его символическое значение. Далее открывается «Северный Перевал», его еще может охватить физический взгляд, но затем пространство расширяется до пределов «Восточного Крыма», который презентует уже внутреннее зрение авторского сознания. Но к концу строфы появляется «Кара-Даг», возвращая лирического субъекта в природное («берег») окультуренное пространство («парк», «набережная»).

Как видим, пространственно-временные параметры меняются в зависимости от оптики лирического субъекта. При этом переходы из реального в метафизическое или историческое пространства происходят мгновенно («пусто в конце сезона, но столько вокруг теней / и так небесный этот пейзаж отчетливо застит зримый»), более того, они накладываются друг на друга, создавая стереоскопическую картину: «Что он увидит с Кучук-Енишара: этот ковчег пустот, / прибитый к берегу Дом Поэта, террасу и врытый столик?»; «Многое видно с этой веранды. Меж тем на бесчинный сбор / с массива скал пресловутый профиль косит неподъемным взглядом, и все замолкают внезапно... Кеклик стоит в седловине гор / не двигаясь. И тишина стоит как главное что-то рядом»; «Необыкновенное время суток. Океанический марш-бросок / волн ионийских, я слышу их, слышу гекзаметрическое анданте. / Вон из воды Поженян выходит, и с усов его на песок / капли Понта падают. Он стоит как осколок выбитого десанта». Авторское сознание продуцирует метаморфозы пространства-времени, природные номинации, отталкиваясь от первичных смыслов, включаются в новые связи-ассоциации, формируют индивидуально-авторские тропы. Но никогда природные номинации не утрачивают свое естество. Чтобы создать, к примеру, такой художественный образ – «Над электрическим ожерельем Орджоникидзе луна / встает из моря, гребя дорожкой», – сначала нужно было увидеть физическим зрением, находясь на берегу коктебельского залива, сияние освещенного поселка, расположенного у подножья горы, ночью сливающейся с темным небом, и луну, поднимающуюся над морем. Образ родился в авторском сознании из реальной картины, получил оформление благодаря поэтическому таланту.

Итак, исследование пейзажного дискурса лирики О. Чухонцева 1990-х гг. позволяет сделать предварительные выводы относительно функционирования природных номинаций в поэтических текстах. В данной работе внимание уделено выявлению особенностей хронотопного уровня картины мира автора. Отмечено, что природные номинации в роли маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта присутствуют в текстах, где эксплицитно или имплицитно заявлен биографический код автора. Чаще всего природные номинации в своем прямом значении появляются в начале текста, обозначая его эмпирический уровень. Далее включается сюжетный план текста, отражающий когнитивные процессы авторского сознания. Лирический субъект преобразует эмпирический опыт в метафизические постижения, при этом семантика природных номинаций расширяется, они включаются в тропеические образы, формируя многоуровневый поэтический язык, при этом зачастую создавая условия для реализации лирического сюжета. Таким образом, в стихотворениях с биографическим кодом заявленная номинативная функция природных реалий в течение текста трансформируется в сюжетообразующую.

Примечания

1. Остапенко И. В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. С. 469.
2. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. С. 279.
3. Там же. С. 288.
4. Там же. С. 289.
5. Там же. С. 297.
6. Там же. С. 279.
7. Чухонцев О. Г. Из сих пределов. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008.
8. Эпштейн М. Н. Указ. соч.

9. *Остапенко И. В.* Указ. соч.
10. *Козлов В.* Внутренние пейзажи Олега Чухонцева // Новый мир. 2008. № 3. С. 158–173.
11. *Чухонцев О., Шайтанов И.* Спорить о стихах? // Арион. 2004. № 4. С. 61–75.
12. *Чухонцев О. Г.* Из сих пределов... С. 261.
13. Там же. С. 268.
14. Там же. С. 270.
15. Там же. С. 283.
16. Там же. С. 270–274.
17. Там же. С. 260.
18. Там же. С. 268.
19. Там же. С. 287.
20. Там же. С. 288.
21. Там же. С. 289.
22. Там же. С. 290.
23. Там же. С. 276.
24. Там же. С. 261.
25. Там же. С. 278.
26. Там же. С. 283.
27. Там же. С. 303.
28. Там же. С. 305.
29. Там же. С. 292.
30. Там же. С. 296.
31. Там же. С. 270.
32. *Шульпяков Г.* Чертов палец (о поэзии Олега Чухонцева и стихах из его новой книги «Фифиа») // Арион. 2004. № 1. URL: http://chuhoncev.poet-premium.ru/prensa/20040001_arion.html

Notes

1. *Ostapenko I. V.* Priroda v russkoj lirike 1960–1980-h godov: ot pejzazha k kartine mira: monografiya [Nature in Russian poetry of the 1960–1980-ies: from landscape to the painting of the world: monograph]. Simferopol. IT "ARIAL". 2012. P. 469.
2. *EHpshtejn M. N.* «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poehzii ["Nature, the world, hiding the universe...": System of landscape images in Russian poetry]. M. Vyssh. shk. 1990. P. 279.
3. Ibid. P. 288.
4. Ibid. P. 289.
5. Ibid. P. 297.
6. Ibid. P. 279.
7. *CHuhoncev O. G.* Iz sih predelov [From these limits]. 2nd publ. M. OGI. 2008.
8. *EHpshtejn M. N.* Op. cit.
9. *Ostapenko I. V.* Op. cit.
10. *Kozlov V.* Vnutrennie pejzazhi Olega CHuhonцева [Inland landscapes of Oleg Chukhontsev] // Novyj mir – New world. 2008, No. 3, pp. 158–173.
11. *CHuhoncev O., SHajtanov I.* Sport' o stihah? [To argue about poetry?] // Arion – Arion. 2004, No. 4, pp. 61–75.
12. *CHuhoncev O. G.* Iz sih predelov... [From these limits...] P. 261.
13. Ibid. P. 268.
14. Ibid. P. 270.
15. Ibid. P. 283.
16. Ibid. Pp. 270–274.
17. Ibid. P. 260.
18. Ibid. P. 268.
19. Ibid. P. 287.
20. Ibid. P. 288.
21. Ibid. P. 289.
22. Ibid. P. 290.
23. Ibid. P. 276.
24. Ibid. P. 261.
25. Ibid. P. 278.
26. Ibid. P. 283.
27. Ibid. P. 303.
28. Ibid. P. 305.
29. Ibid. P. 292.
30. Ibid. P. 296.
31. Ibid. P. 270.
32. *SHul'pyakov G.* CHertov palec (o poehzii Olega CHuhonцева i stihah iz ego novoj knigi «Fifia») [The devil's finger (on the poetry of Oleg Chukhontsev and poems from his new book "Fifia")] // Arion – Arion. 2004, No. 1. Available at: http://chuhoncev.poet-premium.ru/prensa/20040001_arion.html

Стереотипы пелевинской обсерватории

В статье анализируется концепт «пустоты» в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота», рассматриваются варианты преодоления главным героем – Петром – стереотипных установок объективной действительности, что позволяет увидеть новое авторское понимание иллюзорности объективного мира. Приводятся работы исследователей творчества В. О. Пелевина по данному вопросу: Д. Быкова, П. Басинского, В. Шохиной. Составлена таблица стереотипов и вариантов их преодоления героем. Концепция миропонимания В. О. Пелевина в статье сравнивается с осознанием мироустройства А. А. Зиновьевым, выделяются черты сходства и различия. Акцент сделан на описании в статье многогранности понятия «пустота» у В. О. Пелевина, это уже не отсутствие чего-то, а, наоборот, пугающая неизвестность. Анализируются варианты преодоления состояния опустошенности главным героем Петром, с ключевой для понимания концепта «пустоты» фамилией. Сравняется его осознание концепта «пустота» с пониманием данного концепта другими героями произведения. В статье раскрывается метафизический смысл понятия «пустота» благодаря анализу бесед Петра Пустоты с Чапаевым.

In article the concept of "emptiness" in V. O. Pelevin's novel "Chapayev and Emptiness" is analyzed, options of overcoming by the main character – Pyotr – stereotypic installations of objective reality are considered that allows to see new author's understanding of illusiveness of the objective world. Works of researchers of creativity of V. O. Pelevin on the matter are given: D. Bykov, P. Basinsky, V. Shokhina. The table of stereotypes and options of their overcoming by the hero is made. The concept of outlook of V. O. Pelevin in article is compared to understanding of a world order by A. A. Zinovyev, lines of similarity and distinction are distinguished. The emphasis is placed on the description in article of versatility of the concept "emptiness" at V. O. Pelevin, it not absence something any more, and on the contrary, frightening uncertainty.

Ключевые слова и фразы: пустота, концепт, мировосприятие, стереотип, жанр, роман, герой, многогранность, фокализация.

Keywords: emptiness, concept, attitude, stereotype, genre, novel, hero, versatility, focalization.

По мнению исследователей Дмитрия Быкова, Павла Басинского, читатель остается «...наедине с той самой пустотой, которая является местом действия и одновременно главным героем произведения» [1]. Это один из немногих романов, в которых главным героем является не человек. Люди у В. О. Пелевина, как и у А. А. Зиновьева, – это всего лишь тот необходимый фон для раскрытия основной авторской мысли, однако если у А. А. Зиновьева – это идеи, то у В. О. Пелевина – это пустота, но не в обычном её понимании, а как «нечто непостижимое» [2]. По мнению исследовательницы Виктории Шохиной, «...достичь пустоты (по В. О. Пелевину) – значит освободить сознание от загрязненностей, от иллюзий, которые принимаешь за истину. И тогда сознание будет готово принять истинную природу вещей и истинную реальность» [3], подтверждением этому служит тот факт, что сам Петр Пустота заявляет в художественном пространстве: «Поразительно, сколько нового сразу же открывается человеку, стоит только на секунду опустошить заполненное окаменелым хламом сознание!» [4] Кроме того, сама пустота в художественном пространстве сравнивается и постоянно приравнивается к никто и ничто, а по В. О. Пелевину, в каждом из нас соседствуют и уживаются друг с другом наши собственные внутренние прокурор, адвокат, подсудимый и некто четвертый. Именно последний достигает внутренней свободы. Следовательно, в каждом человеке есть своя внутренняя совесть, антисовесть, кто-то, кто совершает нравственный или безнравственный поступок, и нечто необъяснимое, и как мы это назовем: Бог, свобода, вечный кайф, здравый смысл – или другим словом, неважно, главное достигнуть, познать это ничто.

Пустота в романе многогранна – это и пустая квартира, напоминающая достоевщину, в которой под шинелью в углу лежит труп фон Эрнена, это и балкон, выходящий на Тверской бульвар, «под которым было метров двадцать холодной темной пустоты, и в ней крутились снежинки...» [5]. Именно она наполняет улицы романа, взгляд героев, поселяется в их душах, повисает между минорными звуками рояля. Она одухотворена: грозит, засасывает, сияет, это и тот сосуд, который может в себя вместить все, в том числе объединить в каждом из нас внутреннего прокурора, адвоката, подсудимого и Бога. Однако какой из наших граней мы станем поклоняться, зависит только от нас, потому что «мир подобен горящему дому», по В. О. Пелевину, и каждый спасает свое.

Пустота получает в художественном пространстве метафизическое и философское значение в беседах Чапаева и Петьки, в которых «пустота» приравнена к пугающему понятию «нигде», которое в сознании героев «уже давно заполнено оцинкованными гробами с жизненным опытом...». Именно пустота «...указывает на то, на что указать нельзя...». Её нет, и в то же время она пронизывает душу и мир героев, значит она повсюду. В неё всматриваются «большими глазами... будто что-то в ней...» [6] видят. Она заполняет различные предметы от чашек и блюдец до человеческого сознания, в неё проваливаются, она захватывает, более того, в художественном пространстве утверждается, что «любая форма – это пустота», даже версты в романе захвачены пустотой.

В сюжетном отношении именно боязнь пустоты, этого страшного понятия «никто, ничто», и постоянные разговоры об этом объединяют всех героев романа. Пустоты у костра боится Володин и от неё же бежит в лес. Сердюк в собственном воспаленном воображении именно из-за осознания вселенской пустоты и ничтожности соглашается умереть как самурай. Именно Пустота пугает просто Марию при первой встрече с Шварценеггером в очередном сумасшедшем бреду. Разговоры Чапаева с Петькой полностью посвящены разгадке тайны пустоты, осознанию ничто и никто. Именно о пустоте кричит Петька в момент наивысшего наслаждения во время близости с Анкой, которая произошла то ли во сне, то ли наяву, это остается, как и многое в текстах В. О. Пелевина, для читателя загадкой в духе Кастанеды.

Постчеловек, изображенный В. О. Пелевиным в романе «Чапаев и Пустота», – это некто вне истории, нравственности, поглощенный собственным созерцательными образами, в результате растворяющийся в них и исчезающий в Пустоте. Герой в обилии созданных образов теряет себя самого. Петр отличается специфическим, болезненным мировосприятием. На страницах романа автор объясняет причину подобного миропонимания, которая кроется в детстве героя. «Первые патолог. отклон. зафиксированы в возрасте 14 лет» [7]. Товарищи дразнят его фамилией – Пустота, учитель географии называет его пустым. Из-за желания преодолеть сформировавшийся стереотип о том, что «пустота» – это нечто не имеющее смысла, содержания, ничто, он увлекается философией Юма, Беркли, Хайдегера, в результате даже «...самые простые события...» начал оценивать «метафизически», под влиянием чего возомнил себя «выше всех», порвал с окружающими его. Он стремится разрешить через созерцание волнующий его с детства вопрос «существует ли он благодаря этому миру, или этот мир существует благодаря ему...» [8]. Так, постепенно, начиная с четырнадцати лет, герой вязнет в собственном сознании и теряет себя. По мнению С. Гурина, В. О. Пелевин сумел «ухватить нерв эпохи» [9], благодаря тому что его герой не зовет в утопию и не бежит от антиутопии, он созерцает реальность.

Изначально читатель знакомится с Петром Пустотой как с 26-летним поэтом из Петербурга, декадентом, католиком, который позже вступает в ряды ЧК и занимает место убитого им друга Фанерного, однако для читателя остается загадкой, реальность ли это или очередной бред воспаленного сознания. Призрачность, иллюзорность первых эпизодов романа подтверждают сцены из Образцовой психиатрической лечебницы № 17 и бои в составе войска Чапаева.

По мнению большинства исследователей, у героя явно прослеживаются два прототипа. Первый, по мнению В. Шохиной, – это «возможный адъютант Чапаева из книги Фурманова, фильма братьев Васильевых и анекдотов» [10]. По другой версии, это известный философ и эзотерик Петр Демьянович Успенский, который всю свою жизнь преследовал, наподобие романного героя, идею «саморазвития». Именно данная идея доводит четырнадцатилетнего подростка до сложного процесса сосуществования множества ложных «Я». Мнимое освобождение сознания от окружающей реальности приводит к рождению множества вариативных форм «Я» в сознании человека. Следовательно, это путь не освобождения, а очередного заточения, замкнутого кругом ложных и мнимых Я. На наш взгляд, роман В. О. Пелевина посвящен выходу из подобного состояния «стереотипной замкнутости в идеалах большинства», но в то же время он предостерегает об опасностях на данном пути. Следовательно, как отмечает сам автор в предисловии, «...целью написания этого текста было не создание “литературного произведения”, а фиксация механических циклов сознания с целью окончательного излечения от так называемой внутренней жизни» [11]. Герой В. О. Пелевина не пытается убежать от реальности, как герои постмодернистской литературы, он глубоко убежден, что «...если пытаешься убежать от других, то поневоле всю жизнь идешь по их зыбким путям. Уже хотя бы потому, что продолжаешь от них убежать. Для бегства нужно твердо знать не то, куда бежишь, а откуда» [12]. Петька В. О. Пелевина идет собственным путем, путем освобождения, который представлен как переосмысление традиционных стереотипов. Их можно представить в таблице.

Таблица стереотипов, преследующих Петра

Стереотип	Анализ его героем
<p>Стереотип верности идеологических установок «Хлеб – ваше богатство»</p>	<p>Буквы «х» и «л» были стерты, а в конце предложения был добавлен восклицательный знак. Развенчание абсолютов. Герой убежден, что нельзя выделять в этом мире ценность или приоритет чего-то одного</p>
<p>Стереотип небесной красоты и недостижимости неба Небо – это не что-то возвышенное в понимании героев, а, напротив, Чапаев, Сердюк топят его в луже, тем самым уничтожая стереотип небесной красоты в Петьке, который восхищается ею. «...Это было до того красиво, что несколько секунд я молча лежал на спине, глядя вверх... я снова посмотрел вверх и вдруг подумал, что последний раз видел звездное небо черт знает когда, хотя все время оно было над головой – достаточно было просто поднять ее» [13]</p>	<p>Постоянно описание «...луж, в которых отражалось предвечернее весеннее небо...» «Что меня всегда поражало, – сказал он, – так это звездное небо под ногами и Иммануил Кант внутри нас...» Подобного рода описания и сравнения разрушают стереотип возвышенности, красоты, божественности, который часто связывают с небом</p>
<p>Стереотип философских концепций Инь и Янь. «Я заметил на борту тачанки эмблему – круг, разделенный волнистой линией на две части, черную и белую, в каждой из которых помещался маленький кружок противоположного цвета... Рядом была крупная надпись, грубо намалеванная белой краской: сила ночи, сила дня одинакова х*» [14]</p>	<p>Пелевин тем самым развенчивает не только Христианскую символику и стереотип Неба, но и центральную гипотезу древнекитайской философии об Инь и Янь</p>
<p>Стереотип религии «У католиков оно в декабре, у православных в январе, а празднуют один и тот же день рождения» [15]. «...огонь милосердия Будды. А то, что вы называете пентаграммой, на самом деле эмблема Ордена Октябрьской Звезды» [16]. Ебанишада. «Есть в Индии такая древняя книга – Ебанишада» [17] «...огонь милосердия ко всем живым существам, огонь, который даже по служебной необходимости и то нельзя загасить целиком...» [18]</p>	<p>Пелевин таким образом полемизирует с известным стереотипом религиозности. Отрица и огонь милосердия Будды, который горит над пентаграммой Ордена Октябрьской Звезды и Христа католиков, и христиан. Он также отрицает Упанишáды – древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера. Дав данному сочинению шутовское переименование в художественном пространстве, тем самым он высмеивает индуизм. Следовательно, в художественном пространстве В. О. Пелевин развенчивает стереотипное отношение к большинству мировых верований: католицизму, индуизму, буддизму, христианству, так как, по его мнению, «...когда множество верующих начинает молиться какому-нибудь богу, он действительно возникает, причем именно в той форме, в которой его представляют». Однако разрушая данные стереотипные понятия, В. О. Пелевин верит в значимость их идеи без привязки к конкретным Абсолютам (Христианству, Буддизму, Католицизму), так как данная идея является тем огнем милосердия, который «нельзя загасить...», а обычное свойство для человека, по Пелевину, во всех мировых религиях и обществах – это «...сидеть в темноте возле огня, зажженного чьим-то милосердием, и ждать, что придет помощь...»</p>
<p>Стереотип внешности. «Своим друзьям я обычно показываюсь в виде петербургского интеллигента, которым я действительно когда-то был. Но не следует делать выводов о том, что я действительно так выгляжу» [19]</p>	<p>Пелевин развенчивает стереотип привязки той или иной внешности к интеллектуальному или духовному миру человека</p>
<p>«Красота кажется этикеткой, за которой спрятано нечто неизмеримо большее, нечто невыразимо более желанное, чем она сама, и она на него только указывает, тогда как на самом деле за ней ничего особого нет...» [20]</p>	<p>Тем самым В. О. Пелевин развенчивает стереотип о том, что красота способна спасти мир, однако он глубоко убежден, что именно красота заставляет человека двигаться, вперед, искать, а значит, именно она играет важнейшую роль в человеческом счастье, которое заключается, по В. О. Пелевину, в движении, потому что «...движение – это все, а цель – ничто...» [21].</p>

Значимость той или иной цели	Следовательно, он развенчивает стереотип значимость и важности той или иной цели. Закономерно показывая в художественном пространстве, что человек счастлив, не достигнув конечного результата, а только в период постоянного постепенного приближения к нему. По В. О. Пелевину, «только вы поднялись на вершину, как только цель достигнута, она в тот же момент исчезает» [22]
<i>Этим стереотипам, подвергающимся постоянному переосмыслению в художественном пространстве, противопоставлены абсолют любви и человека</i>	
Любовь – «река абсолютной любви» [23]	Этот концепт в художественном пространстве рассматривается как абсолют, хотя по В. О. Пелевину, его можно называть по-разному: Любовь, Урал, «поэтому и говорят – мы, формы, Урал». Вероятно, исходя из пелевинской интерпретации, данное высказывание означает: человек – это разнообразная форма абсолютной любви, которая способна спасти мир и каждого из нас, пока в нас живо это чувство, весь мир воспринимаем нами как «светящийся всеми цветами радуги поток неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность» [24]
Человек. «...ну как ты можешь не быть собой, когда ты и есть абсолютно все, что только может быть?..» [25]	По В. О. Пелевину, человек – это второй абсолют в этом мире, который способен на абсолютную любовь.

Следовательно, художественное пространство романа-созерцания заполнено семантическими «квантами», представляющими фокализацию отдельных мнений Петра Пустоты и Чапаева, которые часто опровергают устоявшиеся принципы и идеи.

В. О. Пелевин развенчанием подобных стереотипных суждений, преследующих Петра Пустоту, дает понять читателю, что «вокруг нас бродит невероятное количество невидимых слонов» [26], или наших иллюзий, которым мы придаем значимость исходя из тех или иных установок, и только абсолютная любовь способна нас спасти от лживых я и пустоты.

Примечания

1. Быков Д., Басинский П. Два мнения о романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» // Литературная газета. 1996. 26 мая. С. 11–14.
2. Пелевин В. О. Чапаев и пустота. М.: Эксмо, 2002. С. 38.
3. Там же. С. 48.
4. Там же. С. 45
5. Там же. С. 56.
6. Там же. С. 138.
7. Там же. С. 7.
8. Там же. С. 5.
9. Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством. URL: [http:// www.pelevin.nov.ru](http://www.pelevin.nov.ru) (дата обращения 15.12.16).
10. Шохина В. К 10-летию выхода в свет романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Заметки для путешественника. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/ogurin/1.html> (дата обращения 13.12.2013).
11. Пелевин В. О. Указ. соч. С. 131.
12. Там же. С. 3.
13. Там же. С. 13.
14. Там же. С. 15.
15. Там же. С. 34.
16. Там же. С. 43.
17. Там же. С. 34.
18. Там же. С. 54.
19. Там же. С. 45.
20. Там же. С. 34
21. Там же. С. 32.
22. Там же. С. 36.
23. Там же. С. 43.
24. Там же. С. 53.
25. Там же. С. 55.
26. Там же. С. 26.

Notes

1. Bykov D., Basinskij P. Dva mneniya o romane Viktora Pelevina "Chapaev i Pustota" [Two opinions about the novel by Victor Pelevin "Chapaev and Emptiness"] // Literaturnaya gazeta – Literaturnaya Gazeta. 1996, May 26, pp. 11–14.
2. Pelevin V. O. Chapaev i pustota [Chapayev and emptiness]. M. Eksmo. 2002. P. 38.
3. Ibid. P. 48.
4. Ibid. P. 45.
5. Ibid. P. 56.
6. Ibid. P. 138.
7. Ibid. P. 7.
8. Ibid. P. 5.
9. Gurin S. Pelevin mezhdru buddizmom i hristianstvom [Pelevin between Buddhism and Christianity]. Available at: <http://www.pelevin.nov.ru> (accessed 15.12.16).
10. SHohina V. K 10-letiyu vyhoda v svet romana V. Pelevina «Chapaev i Pustota». Zametki dlya putevoditelya [For the 10th anniversary of the publication of the novel of V. Pelevin "Chapaev and Emptiness". Notes for the guide]. Available at: <http://pelevin.nov.ru/stati/ogurin/1.html> (accessed 13.12.2013).
11. Pelevin V. O. Op. cit. P. 131.
12. Ibid. P. 3.
13. Ibid. P. 13.
14. Ibid. P. 15.
15. Ibid. P. 34.
16. Ibid. P. 43.
17. Ibid. P. 34.
18. Ibid. P. 54.
19. Ibid. P. 45.
20. Ibid. P. 34.
21. Ibid. P. 32.
22. Ibid. P. 36.
23. Ibid. P. 43.
24. Ibid. P. 53.
25. Ibid. P. 55.
26. Ibid. P. 26.

УДК 81.366

Э. Р. Замалютдинова, С. С. Сафонова, Д. Э. Рахматуллина

Субстантивы-характеристики внутреннего мира героя в произведениях Г. Манна и их переводах на русский язык

Статья посвящена исследованию семантико-стилистических и словообразовательных особенностей субстантивов, обозначающих черты характера героев, их социальное положение, профессиональную деятельность, родственные отношения в языке романов Г. Манна и их переводах на русский язык. Субстантивы распределены по лексико-тематическим группам с учетом непроевности, морфемной произвности и семантической произвности и проанализированы с точки зрения их эмоционально-экспрессивной наполняемости.

The article is dedicated to the investigation of semantic-stylistic and word-formative noun peculiarities denoting the men's personal qualities and character, their social position, professional activity, blood relationship in works by H. Mann and their Russian translations. Nouns are divided into lexic-thematical groups according to their nonderivativeness, morphological derivation and semantic meaning transformation, also they are analyzed in terms of their expressive meaning.

Ключевые слова: антрополексемы, морфемное словообразование, семантическая трансформация значения, лексико-тематическая группа, отрицательная коннотация, семантико-деривационная особенность, оценочный компонент.

Keywords: anthropolexemes, morphological derivation, semantic meaning transformation, lexic-thematical group, negative connotation, semantic-derivative peculiarity, evaluative component.

На современном витке развития научной мысли возникает целый ряд новейших дисциплин: лингвокультурология, социолингвистика, этнолингвистика и пр., акцентирующих внимание на проблеме 'человек в языке', что ярко свидетельствует и о «переходе к лингвистике антрополо-

гической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [1]. Одновременно антропоцентризм является содержательной сущностью языковой ткани художественного дискурса, в связи с чем актуальность приобретает исследование не только образа человека как одного из важнейших составляющих текста, но и совокупности тех языковых средств, которые черпаются писателем из общенародного языка для создания яркой, эмоциональной характеристики внутреннего мира героев.

Наименования лиц – это огромный в количественном отношении и разнообразный в семантическом плане пласт лексики, широко применяемый Г. Манном и приобретающий особое звучание в его романах, являющихся «бичующей сатирой на вильгельмовскую Германию, которую автор высмеивал путем шаржа и гиперболизации образа» [2]. И если у Гофмана гротескный диссонанс и контрастность связаны со сказочно-волшебным и романтическим осмыслением действительности, то у Г. Манна гротескность раскрывается через духовный мир героев, через противоречивость внешнего и внутреннего, видимого и подлинного: «Романы Г. Манна, написанные в духе критического реализма, изображают человека в реальной историко-экономической среде кайзеровской Германии, где господствуют верноподданническая тупость, высокомерие, человеконенавистничество, беспощадно критикуемые и высмеиваемые писателем» [3].

С учетом деривационных особенностей субстантивов, характеризующих внутренний мир героев, можно выделить несколько групп: 1) непроизводные имена существительные; 2) морфемно производные имена существительные, во-первых, не содержащие в своем семантическом объеме оценочного компонента и, во-вторых, образующиеся осложнением основы суффиксами субъективной оценки, посредством которых «выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [4]; 3) имена существительные, представляющие собой сложные слова, в составе которых одна из частей – приложение, сливающееся с определяемым компонентом; 4) семантически производные имена существительные, возникшие в результате различных ассоциаций.

Рассмотрим семантико-деривационные особенности субстантивов-характеристик внутренних качеств человека каждой из представленных групп.

Среди непроизводных субстантивов, составляющих первую группу, можно выделить следующие лексико-тематические классы: 1) субстантивы, обозначающие лицо по роду профессиональной деятельности, причем русские наименования являются полными эквивалентами немецких лексем (*вор, шпион, адвокат* и др.): «*Этот вор скупает все вино в округе и вздувает цены*» (М. Г.) / «*Dieb, der allen Wein aufkauft, so dass niemand ihn bezahlen kann...*» Эти существительные приближены к нейтральным единицам, так как зачастую представляют собой терминологическую лексику, не способную, как правило, обладать дополнительными оценочными значениями; 2) субстантивы-наименования лица по социальному положению (*барон, барин, рыцарь* и др.): «*Истинный аристократ никогда не изменяет себе*» (В.) / «*Ein wirklicher Edelmann verleugnet sich doch nie*» (нем. *дворянин*). Однако интересен тот факт, что в языковом пространстве Г. Манна подобные лексемы выступают не только как прямые наименования, нейтральные по своей стилистической окрашенности, но и как эмоционально-экспрессивные единицы, как правило, с отрицательной коннотацией: «*Простодушный интриган, он разжигал в ней зависть, завлекал её в свои сети, приучая свысока относиться ко всему человечеству и искать опоры только в нем одном – неизменно верном рыцаре*» (У. Г.) / «*Er reizte, ein naiver Intrigant, ihre Eifersucht und zog sie naher an sich, dadurch, dass er sie dazu verfuhrte, aller Welt Geringschätzung zu zeigen; dadurch, dass er sie notigte, sich auf ihn zu stutzen, als ihren unbedingten Ritter*». Еще В. В. Виноградов отмечал, что существуют контексты, в которых «слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует»; 3) субстантивы, обозначающие родственные отношения (*супруг, зять, золовка* и др.): «*...зять должен добиваться производства этого учителя в старшие надзиратели...*» (В.) / «*Dagegen forderte die Frau Hauptmann von ihrem Schwiegersohn, er solle den Oberlehrer zum Professor nennen*». Русские лексемы являются полными эквивалентами немецких существительных, отличаются строгой номинативностью при отсутствии дополнительных коннотаций; 4) субстантивы, обозначающие моральные качества и черты характера человека, причем в соответствии с жанрово-стилевой принадлежностью романов Г. Манна преобладают экспрессивно окрашенные разговорные и просторечные лексемы, дающие отрицательную характеристику героям (*изверг, трус, олух, ханжа, лодырь, оболтус, тиран* и др.): «*Убит человек только потому, что этот деревенский оболтус не понимает шутки!*» (В.) / «*...nur weil dieser Bauerntolpel keinen Spass verstanden hat?*» Немецкая лексема *Bauern!tolpel* (деревенский болван) – окказионализм, не зафиксированный ни в одном из переводных и толковых словарей немецкого языка, представляет собой композит, образованный автором путем определительного словосложения, что, как известно, чрезвычайно широко представлено в немецком словообразовании. Для адекватной передачи данной немецкой лексемы

переводчик употребил семантически равноценное непроизводное слово *оболтус* с ярко выраженной экспрессивной негативной оценкой в сочетании с прилагательным *деревенский*. Или «...этот несчастный болван сидит здесь и ревет из-за какой-то актрисы» (М. Г.) / “...jammert dieser Unglückliche um eine Komodiantin!” (нем. субст. прил. *несчастный*). Стремясь придать больше эмоциональной экспрессии русскому тексту, переводчик актуализировал семантику немецкого нейтрального субстантивированного прилагательного *der Unglückliche* (*несчастный*) посредством существительного *болван*, хотя в русском языке имеется подобное субстантивированное прилагательное.

На фоне характеристик персонажей с отрицательной коннотацией представлены единичные примеры слов-характеристик с положительной оценкой: «Вы гений! – и старый певец бросился на шею адвокату» (М. Г.) / “Welch schönes Genie ist das Ihre! – und der alte Sanger fiel dem Advokaten um den Hals”. Оригинальная лексема *das Genie* и употребленное переводчиком заимствованное слово *гений* полностью совпадают.

Вторую группу формируют те же лексико-тематические классы существительных, что и у непроизводных наименований. При этом в рамках первой подгруппы в качестве продуктивных словообразовательных аффиксов выступают суффиксы *-ник/-ниц-, -тель-, -ец-, -чик/-щик-*, образующие достаточно частотные наименования лица от трех основных типов мотивирующих основ: глагольных, адъективных и субстантивных (*шутник, бездельник, клеветник, предатель, поджигатель, соблазнитель, опекун, болтун, хвастун, кормилец, писец, приверженец, бунтовщик, обманщик, зачинщик, безбожник, берлинец* и др.): «...он направился было к столу крамольников» (В.) / “Er... schickte sich an, zu den Vertretern des Umsturzes zu stossen”; «Эй, вы, озорники! Что вы там поете?» (М. Г.) / “Ah! Ihr Schweinigel, was singt ihr da?” (нем. груб. *свиньи, похабнику*). Отметим, что суффиксально производный субстантив *крамольники* обладает емким лексическим значением и, на наш взгляд, является удачным для русского текста эквивалентом немецкого словосочетания *die Vertreter des Umsturzes* (нем. *представители переворота*). Хотя нельзя назвать адекватным перевод немецкого слова *Schweinigel*, характеризующегося принадлежностью к разговорному словоупотреблению и имеющего помету «грубое слово», посредством русской лексемы *озорники*, соотносимой с литературным языком и обладающей определенной ласкательностью.

В контексте «*Мучитель! – прошенчала она*» (М. Г.) / “Wie Sie mich qualen, murmelte sie” отглагольный субстантив *мучитель* адекватно передает немецкую синтаксическую конструкцию *wie Sie mich qualen* (как Вы меня мучаете) и при этом обладает большей эмоциональностью и конкретизированной семантикой, нежели немецкое глагольное словосочетание, поскольку в данном высказывании «имя существительное “сгущает”, “спрессовывает” ситуацию» [5].

Отглагольные субстантивы с суффиксом *-ец-* переводчик употребляет в самых разных ситуациях, например заменяя местоимение *die Seine* (нем. книжн. *свои*) производным существительным *приверженец*: «Крепалини юркнул в гущу своих приверженцев» (М. Г.) / “Crepalini verschwand rasch zwischen den Seinen”; инфинитивную конструкцию *haben + zu + ernahren* (нем. *должен кормить*) морфемным производным *кормилец*: «Я же все-таки кормилец матери и сестер» (В.) / “Schliesslich habe ich Mutter und Geschwister zu ernahren” и т. д., которые образуют нейтральные по своей стилистической окраске лексемы и тем самым в полной мере передают лексическое значение немецких наименований.

В русских переводах романов Г. Манна отыменные субстантивы с суффиксом *-ец-*, характеризующие лицо по месту жительства, функционируют достаточно регулярно и являются полными эквивалентами немецких кайтоконимов, образующихся посредством суффикса *-er-*: «Неожиданно явился мекленбуржец» (В.) / “...kam der Mecklenburger dazwischen”.

Субстантивы, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ец-*, характеризуют героев по признаку или качеству, определяющему характер, и в основном адекватно передают семантику немецких непроизводных существительных с идентичным значением (*хитрец, подлец, глупец* и др.): «Какой же я глупец, и как же я смешон» (М. Г.) / “Ich bin ein ein Narr, bin lacherlich”.

Русские производные лексемы с суффиксом *-щик-* адекватно передают семантику немецких отглагольных существительных, образованных посредством продуктивного суффикса *-er-*. Хотя, с одной стороны, в русских переводах нередки случаи семантико-функционального расхождения русско-немецких субстантивов. В частности, в предложении «Ах, обманщик!» (М. Г.) / “Ah! Lugner!” существительное *обманщик* имеет стилистическую окраску разговорности и называет лицо более мягко, чем существительное *der Lugner* (нем. *лгун*), носящее оттенок категоричности и книжности. С другой – весьма удачен лаконичный и адекватный перевод немецкого распространенного словосочетания *das Geld haben* (нем. *иметь деньги*) русским суффиксально производным существительным *пайщик*: «Клюзинг ведь один из пайщиков» (В.) / “Aber der alte Klusing, der in der “Netziger Zeitung” Geld hatte”.

Вторая подгруппа представлена отсубстантивными лексемами, образованными посредством суффиксов субъективной оценки -ушк-, -ишк-, -(а)ка, -ан-, -ач- и др. (*хозяйушка, вояка, адвокатишка, учительишка, интриган, смутьян, папаша, мамаша* и др.), которые весьма частотны в переводных текстах: «Я мог бы пойти домой, к моей маленькой хозяйушке синьоре Камуцци» (М. Г.) / *"Ich konnte zu meiner Hausfrau, der kleinen Camuzzi, gehen"* (нем. хозяйка); «Старый вояка сразу сник и даже как будто стал меньше ростом» (М. Г.) / *"Ihr Blick liess sich so schwer auf den alten Krieger nieder, dass er darunter kleiner ward"* (нем. высок. устар. воин). В русских контекстах эмоциональная оценка передается за счет производных субстантивов, тогда как в немецких – только благодаря контексту. В частности, русская лексема *вояка*, выделяющая в своем составе усеченную основу и суффикс -(а)ка, благодаря которому она приобретает негативную оценочность и становится стилистически сниженной, противопоставлена существительному высокого стиля *воин*. Хотя немецкая лексема *der Krieger* (воин) и русский перевод *вояка* относятся к диаметрально противоположным функциональным стилям и, казалось бы, должны обладать различной оценочностью, но ирония и пренебрежение, присущие русской лексеме, актуализируются в немецком высказывании благодаря употреблению высокого слова *воин* в подобном контексте.

Особый интерес вызывают примеры: «...кривобокий учительишка на кафедре не сводит с него ядовитого взора» (У. Г.) / *"...weil der hochschulterige Schwachling auf dem Katheder ihn giftig anschielte und dazu pfauchte"* (нем. слабак); «Бургомистерчик, – сказал Вулков и прищелкнул языком» (В.) / *"Burgermeisterchen, – sagte Wulckow und schnalzte"* (нем. бургомистрик), где суффиксальные образования, во-первых, представляют собой наименования профессий, которые достаточно редко могут присоединять суффиксы субъективной оценки, и, во-вторых, с большой степенью адекватности передают иронию, уничижительность, презрение, содержащиеся в семантике немецких лексем.

Экспрессивный суффикс -ан- придает русским отсубстантивным лексемам разговорно-неодобрительную окраску, благодаря которой язык русского перевода эмоционально насыщен и в полной мере передает дух немецкого контекста: «Такому смутьяну не следует давать работу» (М. Г.) / *"Wir werden dem da nichts mehr zu tun geben"* (нем. ему).

В пределах данной подгруппы можно выделить ряд субстантивов, обозначающих родственные отношения, хотя эта категория слов неоднородна, поскольку субъективно-эмоциональное и экспрессивно-оценочное отношение приобретает в контексте разнообразные оттенки: «А ведь он приглашал её вместе с её мамашей» (М. Г.) / *"Und doch sollte ihre Mutter dabeisein"* (нем. мать); «Его сестрица так расчувствовалась, что скоро никакая музыка уже не могла бы заглушить её рыданий» (М. Г.) / *"...seine Schwester schluchzte so laut, dass es bald durch alle Musik zu horen sein musste"* (нем. сестра). Данные суффиксальные образования выступают в качестве ласково-фамильярных обращений. В частности, лексема *сестрица* выражает иронию говорящего персонажа, а через него – отрицательное отношение автора к одной из провинциальных горожанок в произведении «Маленький город».

Третью группу образуют наименования лица, заключающие в себе его качественную характеристику и представляющие собой сложные слова, в составе которых одна из частей – приложение, сливающееся с определяемым компонентом: «Не то что какие-то замухрышки-актеры!» (М. Г.) / *"was sind daneben diese armen jungen Leute?"* (нем. бедные молодые люди); «Это все шутки кровососа-булочника, наложит бы ему как следует» (М. Г.) / *"Du willst wohl Prugel, Volksaushungerer?"* (нем. берущий людей измором).

Примечательно, что русский перевод как нельзя ярче передает семантику немецких отсубстантивных словосочетаний или композитов. Так, лексема *замухрышки-актеры*, передавая смысловой компонент немецкого словосочетания *armen jungen Leute*, характеризует артистов захудалого итальянского театра более эмоционально и отрицательно, лексема *кровосос-булочник* стремится передать семантику немецкого окказионального композита *der Volksaushungerer*, не зафиксированного немецким толковым словарем DUDEN и, вероятно, имеющего значение 'человек, берущий людей измором'. Всю экспрессию и первоначальную образность немецкого авторского новообразования автор перевода попытался выразить русским сложным словом *кровосос-булочник*, где первый компонент сосредоточил в себе ту оценку, на основе которой возникает яркий образ.

Наибольший интерес в семантическом и экспрессивном ключе, на наш взгляд, представляет четвертая группа, которую организуют наименования лица, возникшие в результате различных семантических переосмыслений. Подобные лексемы активно используются автором и переводчиками для яркой и выразительной характеристики героев. Еще Г. Пауль заметил, что «внутреннее побуждение нередко заставляет отдать предпочтение метафорическому выражению даже тогда, когда к услугам говорящего уже имеется готовое название» [6].

В данной группе субстантивов, во-первых, частотным и регулярным является перенос качеств животного на человека, благодаря чему возникают очень выразительные в эмоциональном отношении субстантивы-характеристики (*свинья, обезьяна, овечка, медведь* и др.): «Священник-то недаром боялся подпускать актеров к своим овечкам» (М. Г.) / "...warum er die Komodianten nicht zu seinen Schafchen hineinlassen wollte"; «Ведь она совершеннейшая рыба» (М. Г.) / "Denn sie ist kalt..." (нем. холодная); «Не человек, а медуза! А самомнение! Сохрани бог нашу семью от подобной все разъедающей беспринципности» (В.) / "Ein Mensch wie eine Qualle! Und von einem geistigen Dunkel! Gott behute unser Haus vor solcher alles zerfresenden Ueberzeugungslosigkeit" (нем. как медуза). Как видно из примеров, называя скромных и тихих монахинь *овечками*, высокомерную, недоступную актрису – *рыбой*, а человека, не имеющего строгих жизненных принципов, – *медузой*, Г. Манн и переводчик не только наделяют героев свойствами этих животных, но и отрицательно характеризуют их. Примечательно, что в исследуемых текстах переводчик употребляет не свойственный русскому языку и культуре русского народа зооним *медуза*, характеризующий человека без принципов. Это позволяет нам полагать, что данное наименование – калька с немецкого семантического деривата *die Qualle* (*медуза*).

Во-вторых, достаточно часто употребляются наименования лица, образованные на основе переноса свойств предметов на человека, поскольку такое сопоставление является весьма выразительным средством оценки всевозможных качеств людей (*шишка, тряпка, марионетка* и др.): «Ему достаточно было выдать свою внучку за племянника досточтимого Мачели, – он крупная шишка в палате...» (М. Г.) / "...er seine Enkelin mit dem Neffen des ehrenwerten Macelli verheiratete, eines grossen Tieres aus der Deputiertenkammer" (нем. разг. важная птица); «Неужели я навсегда останусь тряпкой» (В.) / "Werd ich denn ewig so weich bleiben?" (нем. мягкий); «...он, мол, за то, чтобы кайзер был кайзером, а не марионеткой» (В.) / "...Diederich betonte mit abgehackter Kommandostimme, dass er keinen Schattenkaiser wunsche" (нем. призрачный кайзер).

Однако следует заметить, что данная подгруппа не обнаруживает такой степени сходства в употреблении слов-характеристик лица в оригинале и переводном тексте, как предыдущая. Так, русская разговорная лексема с «ослабленным образным элементом» – *шишка* со значением 'человек, занимающий высокую должность и имеющий вес' адекватно передает семантику немецкого разговорного словосочетания *ein grosses Tier*, переводимого словарем как 'важная птица' и характеризующего крупного чиновника, имеющего голос в парламенте [7]. Русская лексема *тряпка*, употребленная для характеристики Дидериха Геслинга, образно и выразительно характеризует героя как человека, не имеющего своего мнения, мягкого, нерешительного, в отличие от немецкого нейтрального прилагательного *weich*. Семантический дериват *марионетка*, употребленный в значении 'человек ведомый, выполняющий чужую волю', представляет собой эмоционально окрашенную лексическую единицу, которая стремится передать семантику немецкого сложного авторского новообразования *Schattenkaiser*.

В-третьих, нередко встречаются наименования лица, образованные на основе переноса названий мифических, вымышленных сказочных персонажей на человека (*ведьма, демон, черт* и др.): «Ты ведьма, я боюсь тебя!» (М. Г.) / "Du bist eine Hexe! Ich furchte mich vor dir"; «Эк его разбирает! – шептались перед кафе. Да это сущий демон» (М. Г.) / "Wie er sich abarbeitet! – raunte man beim Cafe einander zu. Er gleicht einem Damon"; «Замолчите вы, черти! Мы тоже деньги платили!» (М. Г.) / "Man hort nichts! Buffonen! Auch wir haben bezahlt!" (нем. бран. паяц, петрушка).

Как видно из примеров, этот тип переноса является достаточно сильным средством выражения экспрессии как в немецком, так и в русском языке. В частности, лексема *черти* употреблена переводчиком соотносительно с немецким бранным словом *Buffone*, вероятно, потому, что слова *паяц* и *петрушка* не относятся в русской лингвокультуре к бранной лексике, а семантически производное *черти* точнее передает эмотивность с пейоративной коннотацией.

И, наконец, нами отмечены наименования лица, образованные на основе метонимического переноса по какому-то выразительному свойству, признаку или детали (*юбка, талант, душа* и др.): «Видно, дон Тадео в самом деле – святая душа» (М. Г.) / "Man sieht, dass Don Taddeo eine erlesene Seele hat" (нем. высок. имеет утонченную душу); «Это могучий талант и перво-классный певец» (М. Г.) / "Seine Kunst zweifellos die grosste und seine Stimme die glanzendste" (нем. его мастерство велико); «Полная бездарность, но так как живем с директором Кремонези, то в Парму явилась чуть ли не на правах примадонны» (М. Г.) / "Da sie die Geliebte des Direktors Cremonesi ist, ware sie, die nichts kann, dennoch fast als Primadonna nach Parma gekommen" (нем. которая ничего не может).

Русские лексемы *бездарность, талант, душа* в полной мере характеризуют бездарную певицу, талантливого актера театра, священника Дона Таддео, характеризуя которого, переводчик употребил словосочетание *святая душа* в полярно противоположном значении. Не-

мецкий текст в эмоциональном отношении менее насыщен, так как для характеристики данных героев автор использует либо нейтральные словосочетания, либо пространственные конструкции.

Итак, субстантивы являются весьма выразительной лексикой, используемой с целью характеристики внутреннего мира героев, поскольку в силу семантико-грамматических и деривационных особенностей обладают способностью ярко и эмоционально называть человека, что соответствует сатирическому жанру исследуемых произведений. Яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность переводным текстам придает использование слов, относящихся к различным стилистическим сферам: высокой, разговорной, просторечной, бранной. Особую выразительность переводным текстам придает использование словообразовательных средств, прежде всего суффиксов, передающих тончайшие оттенки авторской иронии и оценки.

Исследованные субстантивы демонстрируют богатый арсенал суффиксов, служащих для наименования лица и способных продуктивно и регулярно образовывать антрополексемы от различных производящих основ, в то время как для оригинального немецкого текста характерно образование подобных лексем посредством словосложения и единичного суффикса *-er-*, присоединяемого, как правило, к глагольной основе, лексических средств и контекста. Для характеристики героев в исследуемых переводных текстах широко используются субстантивы, образованные лексико-семантическим способом. И немецкий, и русский языки обнаруживают в этом отношении значительное сходство, несмотря на определенные расхождения в ассоциациях и образах, что обусловлено культурно-этническими особенностями.

Примечания

1. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 12.
2. *Поперека П. Б.* Язык и стиль сатирических романов Г. Манна: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. С. 9.
3. *Замалютдинова Э. Р., Рахматуллина Д. Э., Сафонова С. С.* Экспрессивная лексика, создающая образы персонажей, в художественном дискурсе Г. Манна: словообразовательный и функционально-стилистический аспект (на материале русских переводов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота. 2014. № 11 (41): в 2 ч. Ч. I. С. 77.
4. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1986. С. 101.
5. *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. Акад. наук СССР, Сибир. отд-ние. Новосибирск: Наука, 1976. С. 94.
6. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl., Halle: Niemeyer, 1937. 428 S.
7. DUDEN – Deutsches Universal Wörterbuch, 2., Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. S. 1173.

Notes

1. *Serebrennikov B. A.* Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira [Role of human factor in language: language and world view]. M. Nauka. 1988. P. 12.
2. *Popereka P. B.* YAzyk i stil' satiricheskikh romanov G. Manna: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Language and style of the satirical novels of G. Mann: abstract dis. Cand. Philol. Sciences]. M. 1954. P. 9.
3. *Zamalyutdinova E.H. R., Rahmatullina D. E.H., Safonova S. S.* E.Hkspressivnaya leksika, sozdayushchaya obrazy personazhej, v hudozhestvennom diskurse G. Manna: slovoobrazovatel'nyj i funkcional'no-stilisticheskij aspekt (na materiale russkikh perevodov) [Expressive vocabulary that creates images of the characters, the art discourse of G. Mann: derivational and functional-stylistic aspect (on the material of Russian translations)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki - Philological Sciences. Issues of theory and practice.* Tambov. Gramota. 2014, No. 11 (41): in 2 pt. Pt. I. P. 77.
4. *Vinogradov V. V.* Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): ucheb. posobie dlya vuzov. 3-e izd. [Russian language (Grammatical teaching about the word): tutorial for high schools. 3rd publ.] M. Vyssh. shk. 1986. P. 101.
5. *CHeremisina M. I.* Sravnitel'nye konstrukcii russkogo yazyka [Comparative constructions of the Russian language]. Acad. of Sciences of the USSR, Siberia branch. Novosibirsk. Nauka. 1976. P. 94.
6. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl., Halle: Niemeyer, 1937. 428 p.
7. DUDEN – Deutsches Universal Wörterbuch, 2., Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. P. 1173.

Оценочные признаки концептов «волк» и «овца» во фразеологизмах английского языка

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению фразеологических единиц английского языка, к которым относятся также пословицы и поговорки. В работе изучаются английские связные сочетания, в плане содержания которых присутствуют концептуальные образы «волк» и «овца». Изучаемые фразеологические единицы являются достаточно широко распространенными во фразеологическом тезаурусе английского языка. Описываемые единицы характеризуются наличием оценочных значений. Целью данной статьи является изучение аксиологического потенциала концептов «волк» и «овца» как аксиологических оппозиций. Изучение интенционала концептов производится путем выделения минимальных, «атомарных» элементов смысла, способствующих систематизации наших знаний о концептах. Семантика оценочных концептов «волк» и «овца», которая находит отражение во фразеологических единицах английского языка, изучается на основании примеров, взятых из англоязычной литературы разных эпох.

The given article concentrates on the studying of English phraseological units, which also include proverbs and sayings. It studies English set expressions which plane of content is characterized by the presence of the conceptual images "wolf" and "sheep". The considered phraseological units are quite widely spread in the phraseological thesaurus of the English language. The described units reveal evaluative meanings. The purpose of the article is to study the axiological potential of the concepts "wolf" and "sheep" as axiological oppositions. The analysis of the intensional meaning of the concepts is carried out by means of determining the minimal, "atomic" elements of sense contributing to the systematization of our knowledge about concepts. The evaluative semantics of the concepts "wolf" and "sheep" reflected in the phraseological units of the English language is studied on the basis of examples taken from English literature of different epochs.

Ключевые слова: английские фразеологизмы, оценка, концепт, признак.

Keywords: English phraseological units, evaluation, concept, feature.

Животные в представлениях наших предков занимали промежуточное положение между человеком и природой. Они ближе к человеку своей физиологией и повадками, чем представители неодушевленной природы, более понятны ему. Человек при своем неизбежном столкновении с миром животных дает этой обширнейшей среде ряд оценок и классификаций. Элементы наивной рефлексии имеют концептуальный характер. Человек отмечает особенности поведения животного, соотносит их с характером поведения отдельных представителей социума, в результате чего, при наличии ассоциативно-сходных черт, рождаются фразеологические словосочетания. Л. Леви-Строс отмечал, что зоонимические образы вскрывают целую совокупность отношений, которые имеют как конкретные, так и умозрительные черты. Виды, наделенные какой-либо замечательной для данного коллектива чертой: формой, окраской или запахом – являются для примитивного наблюдателя знаками специфических, скрытых свойств. Данные «открытия» имеют умозрительный характер и санкционированы природой [1].

Зоонимы с древних времен являются богатым источником образного переосмысления. Их многообразие и частотность позволяют говорить о том, что модель «человек – животное» относится к числу базисных или «корневых» метафор [2]. Образы животных концептуальны. Многие современные авторы изучают концепт с культурологических позиций, рассматривая его как часть более обширного пространства – концептосферы [3], поскольку человеческое мышление – когниция – рассматривается как динамический процесс, который позволяет получать, структурировать и хранить информацию в виде системы представлений – концептов [4].

Образы животных исследуются в данной работе в рамках изучения фразеологических единиц, к ним мы относим также пословицы и поговорки. Рассматриваемые связные сочетания призваны отражать традиционные ценности. Во фразеологическом зеркале человеческое познание помогает расставить именно те ценностные акценты, которые увидены социумом и стали своеобразными национальными языковыми стереотипами [5]. Понятия о добре и зле в рамках фразеологических текстов раскрываются в виде некоей типизированной ситуации, являющейся образной основой для фразеологических единиц. В связи с этим применимо понятие «аксиогенной ситуации» [6], которое разрабатывает Владимир Ильич Карасик. Это положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно-мотивированным и допускает переосмысление.

Наивная картина мира, в рамках которой развиваются фразеологические высказывания, допускает наличие противоречий, говоря современным языком оппозиций, отражающих столкновение противостоящих начал [7]. Данные образы носят собирательный и контрастный характер, поскольку фразеологическая истина – это не зеркальное отображение окружающей человека реальности, а отображение оценочное, в котором характеристики отображенного далеки от реальных.

Концепты как ментальные образования являются результатом мыслительных процессов, которые, по Фодору, носят характер количественного и качественного описания рассматриваемых вещей [8]. Рассматривая тот или иной концепт в рамках теории оценки, необходимо применять определенные механизмы исследования. Для анализа оценочной составляющей концепта необходимо использовать понятия более низкого уровня, некоторые «атомы сознания», из которых складывается концепт. В этом случае мы используем понятие «когнитивный оценочный признак». Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

Целью данной статьи ставится исследование концептуальных образов «волк» и «овца», противопоставляемых в рамках исследуемых единиц как феноменов аксиологического порядка. На первом этапе она посвящена изучению данного концепта сквозь призму фразеологических единиц. Рождаясь в процессе становления и развития языка, фразеологизмы как произведения устного народного творчества отражают релевантные черты ментальных образований – концептов. При изучении фразеологических единиц, представляется возможным выделить когнитивно-оценочные признаки концепта. Выделение данных атомарных элементов позволит уточнить объем значения исследуемых концептов. На втором этапе производится анализ фразеологических единиц, употребляемых в текстах англоязычной литературы, для того чтобы уточнить особенности употребления данных оценочных единиц современными носителями языка, что и составляет научную новизну работы.

*Образ волка носит отрицательную окраску на протяжении многих эпох. В древней традиции волк предстает как враждебный демон, символ смерти и ночи. Данная лексема восходит к форме санскрита “**urk**”, что переводится также как «грабеж» и «насилие» [9]. В английской лингвокультуре образ волка также является символом пейоративных качеств.*

Овца – пейоративный образ в английских фразеологических текстах. На бытовом уровне она символизирует беспомощность и недалекость.

Образу овцы присуща такая черта, как *недостойность*. Библейзм «в каждом стаде есть своя паршивая овца» имеет во фразеологическом фонде английского языка почти дословный эквивалент: **there is a black sheep in every flock** (WDP) (букв.: «в каждом стаде есть черная овца»). В английском варианте, однако, речь идет не о «паршивой», а о «черной» овце. Черный цвет в наивной картине мира имеет устойчивую отрицательную коннотацию, что особенно ярко демонстрируют английские фразеологические тексты.

Двуличие

Восходящая к образам античной литературы, фразеологическая единица **a wolf in sheep's clothing** (WDP) (букв.: «волк в овечьей шкуре») появляется ближе к концу среднеанглийского периода. В ней порицается двуличие людей, стремящихся скрыть свои истинные цели, выдать их за цели благородные, невинные при помощи оппозиции аксиологических образов «волк» и «овца». В данной единице описывается ситуация, когда один элемент образной системы выдает себя за другой.

Относительность

Относительный характер человеческих отношений, многовекторность и неоднозначность является предметом рассмотрения фразеологической единицы **it is hard to have wolf full and wether whole** (WDP) (букв.: «тяжело иметь сытого волка и целого барашка»), в которой встречаются антагонистические образы волка и овцы, классический пример хищника и жертвы. Данная единица отмечает невозможность примирения извечно враждующих сторон, используется в жизненных ситуациях, когда невозможно найти компромиссное решение. Фразеологическое высказывание **the death of the wolf is the health of the sheep** (WDP) (букв.: «смерть волка – здоровье овцы») продолжает идею, выраженную в приведенном выше высказывании: **it is hard to have wolf full and whether whole** (WDP). Но если в первой единице речь идет о жизни, то вторая фраза затрагивает тематику смерти, обостряет конфликт противоборствующих сторон до крайности. Смерть одного есть жизнь другого.

Однако, если говорить о смерти, то в высказывании **the death of a young wolf never comes too soon** (ODP) (букв.: «смерть молодого волка наступит не скоро») говорится о том, что смерть не настигает молодых хищников.

Солидарность

Фразеологизм **wolves never prey upon wolves** (ODP) (букв.: «волки не охотятся на волков») образно описывает непреложный закон существования любого общества. Он основывается на

том, что члены любого социума не имеют права причинять ущерб друг другу, этот категорический императив присущ любым общественным образованиям, которые в рассматриваемой единице описываются в образе волчьей стаи. Представитель того или иного общества вольно или невольно принимает его обычаи и нравы. Такова основа фразеологизма **who keeps the company with the wolf will learn to howl** (ODP) (букв.: «тот, кто водится с волком, научится выть»). Представитель одного социума лучше других понимает своего собрата: **the wolf knows what ill beast thinks** (WDP) (букв.: «волк знает, о чем думает злобный зверь»).

Агрессия

Прагматика совета встречается во фразеологической единице **keep the wolf from the door** (ODP) (букв.: «гони волка от дверей»). Древнеримский автор Теренций создал высказывание, перевод на английский этой фразы звучит как **do not set the wolf to keep the sheep** (WDP) (букв.: «не ставь волка сторожить овец»). С течением времени в английском языке появляется синоним фраземы, рассмотренной выше: **give never the wolf the wether to keep** (ODP) (букв.: «не давай волку сторожить овец»), прагматическая функция запрета связана с воззрениями на это животное как на коварное, вероломное существо, могущее злоупотребить доверием.

Английская фразеологическая традиция использует образ волка для того, чтобы дать негативную характеристику неисправимым злодеям. Прагматическую функцию предостережения встречаем во фразеологической единице **the wolf may lose his teeth but never his nature** (ODP) (букв.: «волк может потерять зубы, но не свой нрав»).

Натура человека изменна, это так же верно, как и то, что волк всегда умирает в своей шкуре, что и доказывает фразема **the wolf must die in his own skin** (ODP) (букв.: «волк должен умереть в своей шкуре»). Фразеологизм со сходной образной основой **wolves lose their teeth but not their memory** (ODP) (букв.: «волк потеряет свои зубы, но не свою память») также описывает неизменность сущности человеческой души. В данном случае используется образ старого волка, он может потерять силу и зубы, но не свою память, память свирепого хищника.

Фразеологическая единица **the wolf eats off the sheep that had been warned** (WDP) (букв.: «волк часто ест овцу, которую предупреждали (об опасности)») является предостережением беспечным людям, потенциальным жертвам агрессии, даже если их предупреждали об этом. Позднейшая фразеологическая единица на данную тему, зафиксированная в оксфордском словаре, является цитатой из Солженицына. В ней противопоставляются два хищных животных – волк и собака: **do not call wolf to help you against dogs** (ODP) (букв.: «не зови волка на помощь от собак»).

Голод

Фразема **hunger drives the wolf out of wood** (ODP) (букв.: «голо гонит волка прочь из леса») является заимствованием из французского языка. Напечатанная в книгах Кэкстона, данная единица отмечает то внимание, которое уделяли средневековые люди нужде и голоду, отмечается при этом, что голод заставляет изменить своим привычкам даже такого хищника, как волк. Высказывание **it is a hard winter when one wolf eats another** (ODP) (букв.: «сурова та зима, когда волк ест волка») продолжает средневековую идею описания голода при помощи образа волка. Данная фразеологическая единица усиливает семантику среднеанглийской единицы, которая описывает голод. Зима для человека прошлого – это не только испытание холодом, но и голодом. Упомянутая выше фразема **wolves never prey upon wolves** (ODP) (букв.: «волк никогда не охотится среди волков») переосмысливается в данной единице. Голод настолько сильно терзает свои жертвы, что они забывают о правилах чести.

Жадность

Фразеологическое высказывание **the wolf eats counted sheep** (WDP) (букв.: «волк ест считанных овец») является заимствованием из Вергилия, используется для негативной оценки жадности. Фразема, зафиксированная несколько позднее **the least choice the wolf left a sheep** (WDP) (букв.: «весьма маловероятно, что волк оставит овцу»), является более мягким вариантом предшествующей единицы. Она лишь подтверждает идею о том, что люди весьма редко отказываются от своих пагубных пристрастий, так же редко, как волк отказывается от своей добычи.

Последняя из фразем, посвященных оценке жадности, в которой задействуется ситуация, где наличествуют субъект-объектные отношения рассматриваемых образов волка и овцы: **by little and little the wolf eats a sheep** (WDP) (букв.: «мало-помалу волк ест овец»), указывает на неизменность повадок хищного животного.

Рассмотрим семантику оценки исследуемых концептов «волк» и «овца» на примере афоризмов и примеров из художественной литературы.

Антагонистические образы волка и овцы восходят к цитате из Ветхого завета:

**The wolf shall also dwell with the lamb,
And the leopard shall lie down with the kid;**

**And the calf and the young lion and
The fatling together; and a little child shall
Lead them. (CODQ)**

Примечательно, что данная цитата дает нам еще две пары образов –антагонистов, охотников и их жертв: лев и теленок и леопард и ребенок.

Для того чтобы описать неизменность характера человека, используется фраза **the wolf was sick, he vowed a monk to be, but when he got well, a wolf once more was he** (WDQ) (букв.: «волк был болен, он клялся стать монахом, но когда он поправился, он вновь стал волком»), которая в некоторых словарях описывается как фразеологизм. Автором этой фразы является Уолтер Боуер, живший в конце XV в. Данная фраза осуждает порочных людей, которые в момент угрозы своей жизни готовы на притворное раскаяние, однако, когда угрозы больше нет, они вновь возвращаются к прежней жизни. Корни этого высказывания восходят к фраземе **when the devil was sick, the devil a monk should be** (WDP) (букв.: «когда дьявол был болен, он хотел бы стать монахом»). Данная фраза характеризуется сужением компонентного состава с частичной его заменой. Образ дьявола заменяется в афоризме на менее аксиологически заряженный зоонимический образ волка.

Третий президент США, один из авторов Декларации независимости был одним из образованнейших людей своей эпохи. В одном из своих писем он так описывает накал политической борьбы: **We have the wolf by the ears; and we can neither hold him nor safely let him go. Justice is on the one scale and self-preservation on another** (CODQ). Описывая грозящую опасность, используя фразеологизм с исследуемой зоонимической образностью, он тем не менее не может переступить через принципы справедливости.

Один из отцов-основателей США, президент Абрахам Линкольн, всегда много и жарко высказывался по вопросу отмены рабства, используя терминологию того времени по вопросу аболиционизма. Для доказательства своей правоты он употребляет библейские образы: **the sheep and the wolf are not agreed on the definition of liberty** (CODQ). Данная фраза является признанием горькой истины невозможности компромиссов по ключевым вопросам политики, в основе которых лежит вопрос морального выбора: быть или не быть рабству в Америке.

Уместно привести афоризм, автор которого – Уинстон Черчилль: **a sheep in a sheep's clothing** (CODQ). Данная фраза является аллюзией на фразеологическую единицу **a wolf in sheep's clothing** (WDP). Отталкиваясь от старого высказывания, Черчилль создал его антоним. Усиленный приемом повтора, афоризм в свойственной автору ироничной форме дает негативную оценку тем людям, которые стремятся казаться лучше, сильнее, влиятельней, чем они есть на самом деле.

Автор начала века Ульям Ральф Индж в предлагаемом ниже отрывке из произведения «*Outspoken essays*» создает целую систему образов: **It takes in reality only one to make a quarrel. It is useless for the sheep to pass resolutions in favour of vegetarianism, while the wolf remains of a different position** (WDQ).

Прежде всего, Индж опровергает идею, выраженную в фразеологическом высказывании: **it takes two to make a quarrel**, которая сводится к тому, что для ссоры нужно желание двух человек. В описываемом отрывке автор воспроизводит ситуацию, сходную с той, которая раскрывается в высказывании **it is hard to have wolf full and whether whole** (WDP). При этом автор для создания комического эффекта использует парламентскую лексику для описания ситуации, строящейся по модели «охотник – жертва».

Современный автор Дэвид Шилдс в своем романе «Герои» создает высказывание, основанное на приеме каламбура: **Wolf was a wolf in a sheep's clothing; Marty was Marty in an oversized sweater** (OTA).

Рассматриваемая фраза строится при помощи омонимии: человек по фамилии Вульф, которая переводится на русский язык как «волк», называется в отрывке «волком в овечьей шкуре», каламбур основывается на рассматриваемом фразеологизме: **a wolf in sheep's clothing** (WDP). Однако автор тут же разрушает пафос высказывания, указывая на человека в свитере.

Середина XX в. была богата на политиков с афористичным складом ума. Так, австрийский политик Хайдер создал высказывание, основанное на приеме дистантного повтора, усиленное семантикой компаративной оценки: **One of these runs: "Better be a wolf in a sheep's clothing than a sheep in a wolf's clothing." This statement originally was Haider's cynical answer to the accusation by other parties that he was "wolf in a sheep's clothing": that he was not sincerely committed to parliamentary democracy (the sheep), which he would only exploit for rightist purposes (the wolf)** (OTA).

Недавно вышедший роман англоязычного автора Дарвин Бабюк «Коктейль Молотова» описывает политические переговоры между Молотовым и послом императорской Японии. Молотов афористичен, он использует сразу несколько образных выражений подряд: **"If you chop**

wood, sparrows fly. "If you live with the wolves, howl like them." "Make yourself a sheep and you will find a wolf nearby" (OTA).

Первые две фразы являются кальками русских фразеологизмов: «лес рубят – щепки летят» и «с волками жить – по-волчьи выть». Интересна третья фраза. На самом деле это переработанная английская фраза **do not make a mouse of yourself or a cat shall eat you** (WDP). В ней сохранен сюжет, но при этом изменена образная составляющая с сохранением аксиологической оппозиции, построенной по принципу «охотник – жертва».

Выводы

Исследование зооморфных концептов «волк» и «овца», представляющих собой аксиологическую оппозицию в рамках изучаемых фразеологических единиц английского языка, позволяет говорить о том, что данные концепты весьма востребованы, свидетельством чего является их достаточная представленность в английских фразеологических единицах. Ряд фразеологических текстов был заимствован у латинских авторов, другие же фразеологизмы, составляющие большинство, являются порождением собственно английского языка.

Концепты «волк» и «овца» в английском языке выстраиваются из ряда атомарных элементов. Изучая аксиологическую сторону концепта, в целях уточнения объема значения концепта, мы используем термин «когнитивно-оценочный признак». Таким образом, исследуемые концепты выражают ряд когнитивно-оценочных признаков. Образ волка используется для объективации целого «букета» негативно воспринимаемых качеств, таких как двуличие, агрессия, жадность, чувство голода. Овца – это символ слабости и недостойности, она является потенциальной жертвой агрессора-волка. Необходимо отметить, что образ волка отражает в рамках связных сочетаний один положительно воспринимаемый признак – солидарность с коллективом.

Концепты «волк» и «овца» отражаются в современной английской литературе. Примечательно, что многие примеры исследуемых образов использованы в текстах политического дискурса. Изучение подобных текстов позволяет систематизировать наши знания о фразеологизмах: отделить устаревшие единицы от тех, которые активно употребляются носителями языка.

Примечания

1. *Levi-Stros K.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 125.
2. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. L.; Chicago: The university of Chicago press, 1980. P. 39.
3. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 44.
4. *Langacker R. W.* A dynamic usage-based model // Usage-based models of language. Stanford, CA: CSLI Publications. M. Barlow & S. Kemmer (Eds.), 2000. P. 3; *Langlotz A.* Idiomatic creativity. Wilrijk, Belgium: John Benjamin Publishing co., 2006. P. 58.
5. *Вальтер Х.* Культурно-познавательная ценность фразеологических анимализмов // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сент. 2010 г.): в 2 т. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. С. 43–54.
6. *Карасик В. И.* Языковое проявление личности. М.: Гнозис: 2015. С. 26.
7. *Жуков А. В.* Фразеологические оппозиции // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сент. 2010 г.): в 2 т. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. С. 42–49.
8. *Fodor J. A.* The elm And the Expert: Mentalese and its. Cambridge: The MIT Press: Cambridge Mass, 1995. P. 7.
9. *Афанасьев А. Н.* Мифы, поверия и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: в 2 т. Т. 1. М.: Эксмо: Terra Fantastica, 2002. С. 702.

Источники языкового материала:

- (WDQ) The Wordsworth Dictionary of Quotations. ed. by Connie Robertson, Wordsworth, Wordsworth editions limited, 1998. 670 p.
- (CODQ) Concise Oxford Dictionary of Quotations 6th edition ed. by Susan Ratchcliffe, Oxford, Oxford university press, 2011. 584 p.
- (ODP): Speakers, Jennifer: The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, Oxford University press. NY, 2008. 388 p.
- (WDP): Apperson G. L. [et al.], The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006. 656 p.
- (OTA) The University of Oxford Text Archive – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ota.ox.ac.uk/desc/2554>

Notes

1. *Levi-Stros K.* Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. M. Respublika. 1994. P. 125.
2. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. L.; Chicago: The university of Chicago press, 1980. P. 39.
3. *Lihachyov D. S.* Konceptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language] // Russkaya slovesnost'. Antologiya - Russian literature. The anthology / under the editorship of V. P. Neroznak. M. Academia. 1997. P. 44.

4. Langacker R. W. A dynamic usage-based model // Usage-based models of language. Stanford, CA: CSLI Publications. M. Barlow & S. Kemmer (Eds.), 2000. R. 3; A. Langlotz Idiomatic creativity. Wilrijk, Belgium: John Benjamin Publishing co., 2006. P. 58.
5. Val'ter H. Kul'turno-poznavatel'naya cennost' frazeologicheskikh animalizmov [Cultural value of phraseological animalisms] // Frazeologiya, poznanie i kul'tura: sb. dokl. 2-j Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod. 7–9 sent. 2010 g.): v 2 t. – Phraseology, cognition and culture. 2nd Intern. scientific conf. (Belgorod. 7-9 Sept. 2010): in 2 vol / ed. N. F. Alefirenko. Belgorod: Publishing house of BSU. 2010. Vol. 2. Diskursivnye i didakticheskie problemy frazeologii – Discursive and didactic problems of phraseology. Pp. 43–54.
6. Karasik V. I. YAzykovoie proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. M. Gnosis. 2015. P. 26.
7. Zhukov A. V. Frazeologicheskie oppozicii [Phraseological oppositions] // Frazeologiya, poznanie i kul'tura: sb. dokl. 2-j Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod. 7–9 sent. 2010 g.): v 2 t. – Phraseology, cognition and culture]. 2nd Intern. scientific conf. (Belgorod. 7–9 Sept. 2010): in 2 vol / ed. N. F. Alefirenko. Belgorod: Publishing house of BSU. 2010. Vol. 2. Diskursivnye i didakticheskie problemy frazeologii - Discursive and didactic problems of phraseology. Pp. 42–49.
8. Fodor J. A. The elm And the Expert: Mentalese and its. Cambridge: The MIT Press: Cambridge Mass, 1995. P. 7.
9. Afanas'ev A. N. Mify, poveriya i sueveriya slavyan. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 2 t. T. 1 [Myths, legends and superstitions of the Slavs. Poetic views of Slavs on nature: in 2 vol. T. 1]. M. Eksmo: Terra Fantastica. 2002. P. 702.

The sources of language material:

- (WDQ) The Wordsworth Dictionary of Quotations. ed. by Connie Robertson, Wordsworth, Wordsworth editions limited, 1998. 670 p.
- (CODQ) Concise Oxford Dictionary of Quotations 6th edition ed. by Susan Ratchcliffe, Oxford, Oxford university press, 2011. 584 p.
- (ODP): Speakers, Jennifer: The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, Oxford University press. NY, 2008. 388 p.
- (WDP): Apperson G. L. [et al.], The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006. – 656 p.
- (OTA) The University of Oxford Text Archive – [Electronic resource] – Access mode: <http://ota.ox.ac.uk/desc/2554>

УДК 811.161.1

И. С. Башмакова

Имя собственное: семиотические и когнитивные аспекты перевода

В статье рассматриваются имена собственные (антропонимы) как отдельно взятые («единичные»), так и в составе фразеологизмов в семиотическом и когнитивном аспектах. В работе указывается на отличительную особенность имен собственных хранить скрытое содержание дискурсивной информации в своей семантике, которой исключительно важно владеть в процессе перевода для достижения адекватности переводимого текста. Позиционируя имя собственное в составе фразеологизма как когнитивный центр, т. е. центр организации знания мифологического характера, где миф есть символ, автором отмечается, что специфика этих слов языка определяется не формальными, а содержательными характеристиками. В соответствии с данным подходом рассматривается алгоритм интерпретации и перевода как «единичного» имени собственного, так и входящего в состав фразеологизма.

The article deals with proper name category (anthroponym) in semiotic and cognitive aspects as a part of phraseologisms as well as a separate language unit. The distinguishing feature of proper names to keep hidden content of the discursive information in their semantics is indicated. This feature of proper names is of great importance in the process of translation. As a part of phraseologism, proper name is acknowledged to be cognitive center which organizes mythological type of knowledge. As phraseologism with proper name is based on myth which is obligatory a symbol, it is noted that the specificity of these words of language is determined not by formal but substantive characteristics. Due to that point, the algorithm of proper name interpretation and translation is defined.

Ключевые слова: имя собственное, имя нарицательное, антропоним, фразеологизм, особенности перевода, когнитивный центр, миф, символ, знак, гештальт-структура, фрейм.

Keywords: proper name; common name; anthroponym; phraseologism; translation peculiarities; cognitive center; myth; symbol; sign; Gestalt-structure; frame.

Одним из исходных тезисов антропологической лингвистики, науки, изучающей эволюцию человеческого мышления на основе ее отражения в соответствующей эволюции языка, является утверждение, что язык есть конститутивное свойство человека. Однако как невозможно вообра-

зять человека без языка, так и невозможно представить себе человека без имени. Цель статьи – доказать, что в семантике имени собственного, в частности, антропонима, скрыто содержание дискурсивной информации. Данная цель предполагает решение следующей задачи: определить семиотический и когнитивный статусы имени собственного как в составе фразеологизма, так и в качестве отдельной единицы языка («единичное» имя собственное). Актуальность статьи обусловлена тем, что результаты, полученные в ходе исследования, будут способствовать более тщательному анализу данной категории при переводе. Новизна статьи заключается в новом подходе к интерпретации имен собственных, которые рассматриваются в данной работе как символы мифологического дискурса. Теоретическая значимость и практическая ценность заключаются в том, что подобная интерпретация способствует более глубокому пониманию и, следовательно, адекватному переводу на другой язык имен собственных как «единичных», так и в составе фразеологизмов. При работе над материалом использовался метод сравнительного анализа.

Начиная с древних времен великие мыслители вели рассуждения относительно правильности имен. Так, в диалогах Платона отмечается, что «...существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы... Я его тогда спрашиваю, правда ли ему Кратил имя? Он подтвердил. – А Сократу как имя? – спросил я. – Сократ – молвил он. В таком случае и все другие люди, каким именем мы их зовем, такое и будут носить?..» [1]. Комментируя принцип «правильности» имен по природе, выдвинутый греческими философами, выдающийся лингвист, классик советской и российской ономастики А. В. Суперанская [2] характеризовала принцип мыслителей «давать имена в соответствии с их природой» [3] как попытку философски оформить традиционные представления о тесной связи, игравшей значительную роль в практике греческого культа, когда «правильное» имя служило залогом эффективности молитвенной формулы. Современные исследователи, работающие в данной области, едины в одном, а именно: специфика этих важных слов языка определяется не формальными, а содержательными характеристиками. Относя имя собственное (ИС) к одному из высших типов иерархии жизни, П. А. Флоренский указывает, что «именно степень обобщенности и сгущающая сила имен делает эти типы личностного бытия труднодоступными, труднообъяснимыми в практическом мышлении» [4]. Известный английский логик прошлого века Джон Стюарт Милль, рассматривающий проблему с позиции теории номинализма, писал, что имя – это слово, произвольно взятое для того, чтобы служить «меткой» [5]. По мнению ученого, произнесенное для других имя собственное может служить «знаком» той мысли, которая была у адресанта. Имена – это названия самих вещей, которые необходимы для побуждения слушателя представить себе то, что мы себе представляем, и указать ему, что мы думаем. Исходя из теории Дж. С. Милля, все названия необходимо делить на «общие» и «единичные». «Общее» название определяется как название, которое может быть утверждено в одном и том же смысле из определенного числа предметов. «Единичное» название соотносимо лишь к одному предмету. По мнению Милля, имена собственные, являясь «простыми метками», не могут быть объяснены, несмотря на то что возможно указать, какому индивиду та или иная метка дана. Детальный экскурс в теорию Дж. Милля важен, так как в рамках данной статьи выдвигается гипотеза, что имя собственное (антропоним) является не только «меткой», но и, при определенных условиях, может «подняться» до символа и «выполнять роль» когнитивного центра [6].

Для дальнейшего анализа, приведем примеры: 1) “You can’t teach managers” [7]; 2) фрагмент описания героини Л. Улицкой из рассказа «Перловый суп» [8].

1) *A story tells of two schoolboys friends, one brilliant at maths, one innumerate to the point of idiocy, who meet much later when the first is a professor and the second a multi-millionaire. Unable to control his curiosity, the professor asks the figure-blind dunderhead how he managed to amass his fortune. “It’s sim-ple,” replies Midas. “I buy things at 1£ and sell them for 2£”.*

При переводе данного отрывка переводчик неминуемо сталкивается с именем собственным Мидас (Midas). Возникает вопрос, почему автор рассказа употребляет антропоним Мидас, если ни один из героев рассказа данным именем не наречен. По легенде, царь Мидас прославился несметным богатством. Все, к чему он прикасался, обращалось в золото. Это был роковой дар, посланный Аполлоном [9]. Из содержания рассказа узнаем, что речь идет о человеке, который, не владея особыми знаниями в области высшей математики, приобрел миллионы без особого усилия, в то время как истинно талантливый профессор о подобном состоянии мог только мечтать. Таким образом, антропоним Мидас был необходим автору произведения для более полной характеристики своего героя, так как именно в ИС инкорпорирована экстралингвистическая информация о прославившемся богаче.

2) *Внизу под лестницей, в каморе живет пара нищих: костлявый носатый Иван Семенович и маленькая старушка по прозвищу Беретка... Беретка в вытертом бархатном пальто и серо-зеленой вязаной беретке сидит у него в ногах... Оказывается, она лысая, вернее, не совсем лы-*

сая: и лицо, и голова у нее покрыты одинаковыми редкими длинными волосами и крупными коричневыми родинками...

Беретка – ИС-прозвище, которым нарекли старушку. Данное имя было необходимо автору исключительно для передачи определенной стилистической окрашенности. Однако в дальнейшем данное имя выполняет роль сигнификатора («единичное имя», по Дж. Миллю).

Вне всяких сомнений, выбор ИС будет обусловлен принципами того или иного направления, в котором работал писатель. Например, античные ИС, как Критон и Тирсис, будут служить «указателями» на русский классицизм, тогда как имена эпохи сентиментализма – на сословие: Елизавета (Лиза) – «указывает» на принадлежность к благородному дворянскому сословию, а Фекла или Улита – на бедную крестьянскую среду. Следовательно, при переводе текстов, включающих в свой состав подобные имена, профессиональный переводчик в целях адекватного перевода будет учитывать и соответствующий исторический период времени.

Свидетельствуя о типичности героев, ИС может преобразоваться в нарицательное. Яркими примерами подобного перехода могут служить ИС Дон Жуан, Отелло, Обломов, Дон Кихот, Эскулап, Флоренс Найтингейл и многие другие.

Русский философ С. Н. Булгаков в своих трудах отмечал, что всякое познание – есть именование, а предикат – идея, которая, срастаясь с субъектом, дает имя [10]. Данное сращение может быть постоянным или временным. Любое имя в своем генезисе есть нарицательное, то есть «возникающее от нарицания» (= именованья), но оно же является и собственным, если оно «прирастает» к своему носителю как постоянный его предикат. По мнению ученого, имя является собственным в том смысле, что в нем избирается «один предикат из бесконечного ряда других», которые могут быть к нему прилагаемы. Всякое именование есть суждение. Это и составляет «внутреннюю форму» имени. По глубокому убеждению философа, бессмысленных и бессодержательных имен в их генезисе не существует. Взяв за основу вывод С. Н. Булгакова о выделении одного предиката из множества других, который и будет формировать «внутреннюю форму имени», рассмотрим описание героинь с именем *Ольга* в некоторых художественных произведениях.

А. С. Пушкин в романе в стихах «Евгений Онегин» изображает свою героиню как беззаботную красавицу, простую и открытую, кокетливую и игривую. Великий поэт искусно подчеркивает дисгармонию между прекрасной внешностью девушки и ограниченностью ее внутреннего мира.

... Кругла, красна лицом она,

Как эта глупая луна

На этом глупом небосклоне. [11]

Следующая героиня с именем *Ольга* – княгиня Ольга из летописи «Слово о полку Игореве» [12]. Княгиня Ольга – мудрая правительница, истинно преданная русской земле. Однако, как гласит предание, Ольга – жестокая и беспощадная женщина, отомстившая древлянам за смерть своего мужа, князя Игоря. Ольга умно и бескомпромиссно трижды заменяет свадебный обряд похоронным: одни сваты – древляне были заживо погребены в яме, другие – в бане, подобно обряду омовения умершего, третьи сваты были свирепо убиты, и на их телах княгиня бессердечно свершила тризну по погибшему князю.

Рассматривая героиню романа Л. Улицкой «Зеленый шатер» [13], отмечаем, что ее *Ольга* – дочь генерала и литературной начальницы, отличается искренностью, простотой, душевностью, особым умением ценить родное и не преклоняться ни перед какими трудностями.

Таким образом, героини с именем *Ольга* из разных произведений на первый взгляд не имеют идентичных характеристик в их поведении, внешности, манерах поведения. Предположим, что именно в наречении героинь именем *Ольга* была заключена интенция автора указать читателю на некоторые отличительные особенности, которыми они все обладают: образованность, приятной внешности, принадлежат к высшему обществу. Однако возвращаясь к приведенным примерам, отмечаем, что *Ольги* Л. Улицкой и А. С. Пушкина – разноплановые героини. Данные героини будут узнаваемы только в конкретном контексте и при указании на автора конкретного произведения.

Для дальнейшего анализа приведем примеры, в которых используется имя собственное другого плана: Джек-потрошитель (Jack the Ripper).

1. “Man Thought to be China’s Jack the Ripper Is Arrested” [14].

2. “Police believe they have captured a serial killer dubbed China’s Jack the Ripper for the way he mutilated several of his 11 female victims, state-run media reported Monday, nearly three decades after the first murder” [15].

Очевидно, что в приведенных примерах имя Джек-потрошитель, использованное авторами газетных статей, не «метка/знак» для обычного указания на человека, но – символ крайней жестокости. Полагаясь на историческую справку о событиях, произошедших в Лондоне в 1888–1898 гг.,

делаем вывод: у ИС есть прототип; в ИС Джек-потрошитель, согласно мифу, «зафиксированы» убийства, что были совершены в тот исторический период времени конкретной личностью. Именно мифологический характер контекста отражает знание об имени, в семантике которого «хранится» скрытое содержание дискурсивной информации.

Прототип есть центр категории, отражающий концептуально существенные свойства соответствующего представления. На уровне референции представление о конкретном предмете всегда будет заключено в некий фрейм.

Именно ИС, являясь центром, будет определять границы фрейма, в котором трактуется смысл в том или ином употреблении. Границей любого фрейма является возможность интерпретации. Если этот фрейм связан с именем собственным как когнитивным центром, то его рамки будут обозначены пределами интерпретации тех базисных символических черт, которые заложены в толковании самого имени [16].

Приведем пример имени собственного Thomas в составе английской идиомы Фома неверующий (*a doubting Thomas*).

Cowperwood liked to be called into any case largely because it meant something to do and kept him from being bored...The poor General! He was neither very happy nor very unhappy – a doubting Thomas without faith or hope in humanity and with-out any particular affection for anybody [17].

ИС *Thomas* в данном контексте – символ скепсиса. ФЕ *a doubting Thomas* – тавтологична, так как ИС *Thomas* (Фома) изначально «хранит» скрытую дискурсивную информацию о сомневающемся человеке. Характеристика «неверующего человека» предиктируется поведению, которое также обладает подобными признаками референции. Данная структура избыточна в семантическом плане, однако она вполне информативна в плане прагматическом. Создается прагматическая информативность по линии оценочности. Отметим, что подобное восприятие интуитивно и поэтому практически недоступно для рационального анализа. Чаще всего понимание ИС и соотнесение его к тому или иному прототипу ситуации/образу задано языковой традицией и образует основу исходных схем человеческого опыта. Именно благодаря интуитивному пониманию становится возможным предвосхищение смысла высказывания на начальном этапе интерпретации сообщения. Как отмечает В. Н. Телия [18], необходимо предварительное знание, которое не описывается в дескрипции, но которое «пресуппонирует» ей. Пресуппозиция относится к знаниям о мире, не вошедшим в фокус типового образа. Этот тип информации является необходимым для включения в тот или иной фрейм. Поэтому он тоже вводится как знание субъекта, фокусирующее типовой образ. Это образное основание не может быть полным, оно редуцировано, так как образ, как правило, всегда метафоричен. По утверждению ученого, образная гештальт-структура – не обязательно «картинка». «В тропеическое основание структуры включены символы или эталоны, которые будучи включенными в ситуацию, описываемую буквальным значением, играют две роли: и реальное обозначаемое, и имя, «замещающее» реальность [19].

Для более полного анализа рассмотрим пример с мифологической аллюзией *his Baal and Ashtaroth* (Ваал и Астарта).

You have other shirts – why do you wear that old one that is all torn, Egbert? – she said. I may as well wear it out – he said subtly. He knew she would not offer to mend it for him. She could not...Had she not her own gods to honour? And could she betray them, submitting to his Baal and Ashtaroth? [20]

На первый взгляд, имена собственные *Baal* и *Ashtaroth* употреблены в прямом значении, а именно – как языческие божества древних семитических племен Ваал и Астарта, олицетворяющие, соответственно, солнце и луну. Но при более глубоком прочтении рассказа убеждаемся в том, что мифологическая аллюзия в данном контексте не случайна. Известно, что имя Ваала употребляется как нарицательное в традиционном библейском значении «лжекумир». В начале рассказа главный герой Эгберт вызывает восхищение и безграничную любовь у дочери Джойс и жены Винифред. Однако кумир оказывается «лжекумиром», так как именно он виновен в том, что Джойс становится инвалидом, а жене «кумира» приходится жить и воспитывать троих детей на деньги своего отца, так как муж-кумир, после получения трех фунтов в неделю по завещанию о наследстве, прекратил работать. Расстановка ключевых слов в описании внешности главного героя также является подтверждением того, что происходит постепенное превращение Эгберта из категории «обожаемый» в категорию «нежеланный, неприятный»: *He was tall and slim and agile, like an English archer with his long supple legs and fine movements; the movement of his handsome body*. Однако в конце рассказа красивые эпитеты трансформируются в холодные: *he was terrible to her now; his unsheathed presence*. Проведенный анализ подтверждает мысль о том, что в основание включается типовой образ (прототип или гештальт-структура), в данном примере *Baal*, посредством которого сформировался концепт «лжекумир», который выполняет две роли: реальное обозначаемое и имя, «замещающее» реальность. Думается, для достижения адекватности переводимого текста, включающего в свой состав ИС, подобный анализ и учет такого рода информации необходим.

О том, что образ может «подняться» до символа, писала Н. Д. Арутюнова [21]. Любой символ (придерживаясь точки зрения, что имя собственное – символ) обладает множественным полем интерпретаций, который может интерпретироваться во многих направлениях. Учитывая множественность интерпретаций, необходимо эксплицировать направление последних. В рассмотренном выше примере имя собственное *Thomas/Фома* обладает множественным полем интерпретаций, так как может быть *Thomas/Фома* (любой человек), и *Thomas/Фома* – историческая личность, если интерпретация осуществляется по фрейму-событию, который благодаря экспликации предиката «неверующий» «обозначил» именно это направление восприятия. Произошел «выбор в уникальных условиях» (по Булгакову), где из множества предикатов был избран один – «ничему и никому не верить». Проведенный анализ показал, что центральное положение во фразеологизме занимает имя собственное *Thomas/Фома*, без которого интерпретация не имела бы смысла.

Таким образом, в когнитивной парадигме имя собственное являет совершенно иную грань его природы. Обладая широкими культурно-историческими коннотациями, ИС играет роль ориентира во времени и пространстве. Это свойство определяется тем, что, несмотря на отсутствие непосредственной соотнесенности собственного имени с понятием, придерживаясь точки зрения ряда исследователей, рассмотренных выше, в составе его значения может быть выделен основной денотат, соотносимый с большим или меньшим постоянным кругом ассоциаций. ИС дает возможность, в сочетании с языковым контекстом, проследить историю народа, превращение конкретного номинального значения в образ, и далее, в символ, если речь идет о фразеологических единицах с ИС. Являясь когнитивным центром фразеологизма, имя собственное заключает в себе семантическую ценность в нескольких планах: оно обобщает, дает наименование, обозначает, сообщает и выражает определенное отношение, чувство, переживание, организует знание мифологического характера [22]. По мнению величайшего философа А. Ф. Лосева, мир, в котором мы живем, есть мир мифический [23]. Миф – всегда состоит из живых личностей и имеет упор в факты. Следовательно, возвращаясь к вышеприведенным примерам, ИС Мидас, Томас, Ваал являются тем центром, в котором «хранится» информация исторического характера. Без знания данной информации осуществить адекватный перевод не представляется возможным.

Имя собственное, представляя собой одну из переводческих проблем, как правило, переводится с помощью следующих переводческих приемов: транслитерации, транскрибирования и семантической модели перевода. Художественные тексты, равно как и тексты технической направленности, нередко включают в свой состав не только «единичные» ИС, но и фразеологизмы, включающие в свой состав ИС. Для осуществления адекватного перевода подобных текстов необходимо учитывать как особенность функционирования «единичного» имени, так и ИС, входящее в состав устойчивого сочетания. Во фразеологизмах типа *thepatience of Job*, *Augean stables*, *Judas kiss*, *as old as Methuselah*, *a Roland for an Oliver*, *the sword of Damocles* – имя собственное (антропоним) есть когнитивный центр, irradiрующий символическим значением на остальные компоненты связного сочетания [24]. Отсюда, перевод осуществляется только с учетом тех знаний, той информации, что «заключена» в самом имени собственном.

Выводы

1. Имя собственное обладает отличительной особенностью «хранить» скрытое содержание дискурсивной информации в своей семантике, так как имя может быть употреблено и интерпретировано как миф.

2. Прототип или типовой образ ИС в большинстве случаев – это то, что ассоциируется со знанием о свойствах объекта в форме категориальных фреймов.

3. Имя собственное (антропоним) в составе фразеологизма представляет собой центр фрейма-события и одновременно когнитивный центр, благодаря которому определяется направление интерпретации и перевода предъявляемого текста.

4. Заключенное во фразеологизм ИС, обладая прототипической основой, неизбежно является символом, что необходимо учитывать при переводе текста.

Примечания

1. Платоновское философское общество. Платон. Кратил. URL: <http://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/kratyl.htm> (23.10.2016).

2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

3. Диалоги Платона. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/plato01/kрати.htm>. (02.10.2016).

4. Флоренский П. А. Имена. // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 162–176.

5. Милль Дж. С. Система логики. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1865.

6. Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима в составе английской идиомы: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.

7. Alexander L. G. Longman Advanced Grammar. UK: Longman Group, 1993.
8. Улицкая Л. Перловый суп. URL: <http://www.rulit.me/books/perlovyj-sup-read-11313-1.html> (11.10.2016).
9. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia>. (12.10.2016).
10. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб.: КаИр, 1997.
11. Пушкин А. С. Евгений Онегин. URL: http://royallib.com/book/pushkin_aleksandr/evgeniy_onegin.html (23.10.2016).
12. Слово о полку Игоре. URL: <http://www.abc-people.com/typework/literature/rus/slovo-txt.htm> (23.10.2016).
13. Улицкая Л. Зеленый шатер. URL: <https://www.litres.ru/ludmila-ulickaya/zelenyy-shater/chitat-onlayn/> (23.10.2016).
14. The Times. 2016. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/august-29-hkhnwcb85> (23.10.2016).
15. The Japan Sunday. 2016. URL: http://www.japantimes.co.jp/news_category/national/ (23.10.2016).
16. Цит. по: Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима...
17. Dreiser Th. The Financier. М.: Foreign languages publishing house, 1954.
18. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996.
19. Там же.
20. Lawrence D. H. Odour of Chrysanthemums and Other Stories. М.: Progress Publishers, 1977.
21. Там же.
22. Цит. по: Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима...
23. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
24. Цит. по: Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима...

Notes

1. Platonovskoe filosofskoe obshchestvo. Platon. Kratil – Plato's philosophical society. Plato. Crater. Available at: <http://www.plato.spbu.EN/TEXTS/PLATO/kratyl.htm> (23.10.2016).
2. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of a proper name]. М. Nauka. 1973.
3. Dialogi Platona – The Dialogues of Plato. Available at: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/plato01/krati.htm>. (02.10.2016).
4. Florenskij P. A. Imena Florenskij P. A. Imena [Names] // Voprosy literatury – Questions of literature. 1993, No. 1, pp. 162–176.
5. Mill' Dzh. S. Sistema logiki [System of logic]. SPb. Typ. of M. O. Wolf. 1865.
6. Bashmakova I. S. Kognitivnye aspekty antroponima v sostave anglijskoj idiomy: dis. ... kand. filol. nauk. 04 [Cognitive aspects of anthroponyms in the English idiom: dis. Cand. Philol. Sciences. 04]. Irkutsk. 1998.
7. Alexander L. G. Longman Advanced Grammar. UK: Longman Group, 1993.
8. Ulickaya L. Perlovyj sup [Barley soup]. Available at: <http://www.rulit.me/books/perlovyj-sup-read-113130-1.html> (11.10.2016).
9. Vikipediya – Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia>. (12.10.2016).
10. Bulgakov S. N. Filosofiya imeni [The philosophy of name]. SPb. KaIr. 1997.
11. Pushkin A. S. Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. Available at: http://royallib.com/book/pushkin_aleksandr/evgeniy_onegin.html. (23.10.2016).
12. Slovo o polku Igoreve - The word about Igor's regiment. Available at: <http://www.abc-people.com/typework/literature/rus/slovo-txt.htm> (23.10.2016).
13. Ulickaya L. Zelenyj shater [Green tent]. Available at: <https://www.litres.EN/ludmila-ulickaya/zelenyy-shater/chitat-onlayn/> (23.10.2016).
14. The Times. 2016. Available at: <http://www.thetimes.co.uk/article/august-29-hkhnwcb85> (23.10.2016).
15. The Japan Sunday. 2016. Available at: http://www.japantimes.co.jp/news_category/national/ (23.10.2016).
16. Cit. by: Bashmakova I. S. Kognitivnye aspekty antroponima... [Cognitive aspects of anthroponym...]
17. Dreiser Th. The Financier. М. Foreign languages publishing house. 1954.
18. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. М. Languages of Russian culture. 1996.
19. Ibid.
20. Lawrence D. H. Odour of Chrysanthemums and Other Stories. М. Progress Publishers. 1977.
21. Ibid.
22. Cit. by: Bashmakova I. S. Kognitivnye aspekty antroponima... [Cognitive aspects of anthroponym...]
23. Losev A. F. Mif. CHislo. Sushchnost' [Myth. Number. Self]. М. Mysl'. 1994.
24. Cit. by: Bashmakova I. S. Kognitivnye aspekty antroponima... [Cognitive aspects of anthroponym...]

Морфологические кальки как способ образования общественно-политической лексики в крымскотатарском языке

Статья посвящена морфологическим калькам как одному из способов формирования общественно-политической лексики крымскотатарского языка. Целью данной статьи является анализ общественно-политической (калькированной из русского языка) лексики периода 90-х гг., образованной морфологическим способом. Крымскотатарская общественно-политическая лексика, образованная морфологическим способом, передается точно и неточно. Точное калькирование понимается нами не как отражение в кальке стремления максимально точно передать структуру калькируемого объекта, а как возможность языковой системы калькирующего языка воссоздать чужое слово в единстве значения и формы. При этом в процесс морфологического калькирования вовлекаются все грамматические средства языка-реципиента. Анализ нашего исследования показывает, что крымскотатарский и русский языки в течение долгого времени существовали на территории Крыма, следствием такого взаимодействия и являются морфологические кальки, рассматриваемые в данной статье.

The article is devoted to morphological calques, as one of the ways of formation of social-political lexicon in the Crimean Tatar language. The purpose of this article is to analyze the social-political lexicon (loan-translated from the Russian language) period of the 90s, formed by the morphological method. The Crimean Tatar social-political lexicon, formed by morphological method loan-translated is transmitted accurately and inaccurately. The accurately calques we understand not as a reflection of the desire to calque most accurately convey the structure of prototype, we perceive it as a possibility of calque language system to recreate foreign language word in the unity of meaning and form, at the same time the process of morphological calque included all the grammatical means of language – recipient. The result of this research shows that the Crimean Tatar and Russian languages have coexisted for a long time in the Crimea, the reason of occurrence of calques, discussed in this article.

Ключевые слова: морфологическое калькирование, кальки, аффиксы, крымскотатарский язык, русский язык.

Keywords: morphological loan-translated, calques, affixes, Crimean Tatar language, Russian language.

Морфологический способ образования слов довольно значителен в процессе обогащения словарного состава тюркских языков и вызывает большой интерес к общей проблеме калькирования в разнотипных, не относящихся к одному ареальному пространству языков. Он по праву может считаться одним из основных источников пополнения лексики крымскотатарского языка новыми общественно-политическими образованиями. Это связано и с богатством, разнообразием системы аффиксов в тюркских языках, что создает широкие возможности их функционирования в составе новых лексем. Изучение специфики лексического калькирования в крымскотатарском языке приобретает особое значение, будучи весьма актуальным с точки зрения анализа структурно-семантических явлений, наблюдаемых в анализируемом языке.

Целью данной статьи является анализ общественно-политической (калькированной из русского языка) лексики периода 90-х гг., образованной морфологическим способом. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- классификация типов калек крымскотатарского языка по способу образования;
- анализ структуры исследуемых единиц.

Калькирование лексики общественно-политического содержания осуществляется путем построения новой лексической единицы посредством элементов калькирующего языка по структурной и семантической модели исходной иноязычной единицы. Лексические кальки, имеющие в качестве этимона соответствующие языковые единицы русского языка, многочисленны и представляют собой разнообразие структурно-семантических типов, составляя значительный пласт крымскотатарской лексической системы. На материале крымскотатарских газет периода 90-х гг. нами выделено 1100 единиц лексики общественно-политического содержания, из них 520 – это лексические кальки.

В современной лингвистике языковедами накоплен большой материал по классификации калькированной лексики в разнотипных языках (Н. С. Арапова, О. С. Ахманова, С. Е. Васильев-

ва, А. А. Гарипова, Л. П. Ефремов, Х. В. Кулиева, Е. Е. Кругляк, В. С. Майорова, О. В. Матвеева, Н. В. Максимов, Л. А. Пономаренко, С. А. Руткевич, Н. М. Шанский, Ф. Р. Фатхуллина, К. Флекенштейн, Ы. Б. Чарыяров и др.). Так, например, Н. М. Шанский отмечает: «Кальки, в зависимости от того, что калькируется – слово или выражение, могут быть кальками лексическими и кальками фразеологическими» [1]. В казахском языке Р. Мулина выделяет следующие кальки: морфологические, то есть кальки-эквиваленты, морфологическо-синтаксические, то есть кальки-сочетания, и комбинированные (полукальки) [2]. А. А. Гарипова разделяет кальки на а) семантические, б) семантико-структурные, в) полукальки [3]; Г. Д. Зайнуллина: а) простые (семантические, словообразовательные), б) составные, в) полукальки [4]; Р. Х. Мухиярова: а) простые кальки, б) сложные кальки, в) составные кальки, г) полукальки [5]; Г. М. Мухтарова: а) семантические, б) структурно-семантические [6]; Ы. Б. Чарыяров: а) семантические кальки, б) полные кальки, в) полукальки [7]; С. С. Юсупова: а) словообразовательные кальки, б) семантические кальки, в) полукальки [8]. Как показывает обзор научной литературы по данному вопросу, единого мнения среди ученых не наблюдается. В зависимости от того, каким способом осуществляется калькирование в языке-реципиенте, определяется тип новообразования.

В крымскотатарском языке явление калькирования рассматривалось профессором А. М. Меметовым. В статье «Русские кальки в крымскотатарском языке» (1986) А. М. Меметов впервые из общего состава лексики крымскотатарского языка выделяет большой пласт калькированных слов и словосочетаний, образованных посредством русского языка. Кальки крымскотатарского языка, как и в русском языке, автор разделяет на два вида: структурные и семантические. Слова и словосочетания русского языка, калькируемые крымскотатарским, автор делит на три большие группы: 1) калькирование простых производных слов русского языка; 2) калькирование русских сложных слов, аббревиатур и сложносокращенных слов; 3) калькирование словосочетаний русского языка. Во всех трех группах, помимо полных калек в крымскотатарском языке, автор выделяются и неполные кальки. К семантическим калькам автор относит «...слова, получившие под влиянием значений соответствующих слов русского языка дополнительную смысловую нагрузку». Калькирование семантики, пишет А. М. Меметов, возможно в том случае, когда русское слово и соответствующее ему крымскотатарское имеют семантические точки соприкосновения, обладают близкими или одинаковыми прямыми номинативными значениями. Однако калькирование семантики русских слов, отмечает ученый, не приводит к возникновению в крымскотатарском языке совершенно новых слов, как это имело место при структурном калькировании [9].

Калькированию в крымскотатарском языке посвящена и статья Н. С. Сейдаметовой «Къырымтатар лексик теркибини калька япув усулынен инкишаф этильмеси» («Развитие лексического состава крымскотатарского языка способом калькирования») [2011]. В зависимости от того, какая языковая единица калькируется с русского языка на крымскотатарский, – слово или словосочетание, – Н. С. Сейдаметова выделяет: 1) кальки простых слов; 2) кальки сложных и сложносокращенных слов; 3) кальки словосочетаний или фразеологические кальки. В отдельную группу автор выделяет семантические кальки [10].

Изучение и сопоставление классификации калек в трудах русских, зарубежных и тюркских исследователей позволили нам, с учетом имеющихся критериев, выработать следующий алгоритм анализа калькированной лексики в крымскотатарском языке: 1) уровневый анализ языковых единиц; 2) учёт точности их воспроизведения; 3) заключение о полноте представленности в языке-реципиенте.

В соответствии с первым критерием, кальки крымскотатарского языка принято распределять в зависимости от того, на каком из языковых уровней происходит процесс калькирования. Исходя из позиции профессора А. М. Меметова, мы выделяем семантические и структурные кальки. Структурные кальки делим на морфологические и синтаксические.

В структурных кальках, в зависимости от точности воспроизведения иноязычной структуры слова, выделяем точные и неточные виды.

В соответствии с критерием полноты представленности, в зависимости от того, все ли элементы калькируемой единицы переведены на калькирующий язык (в данном случае на крымскотатарский), или только часть слова в составе сложного слова (словосочетания) переведена, а другая заимствована, выделяются полные кальки и полукальки.

Морфологический способ образования новых слов общественно-политического содержания – довольно активный процесс в крымскотатарском языке. Он по праву может считаться одним из основных источников пополнения лексики новыми единицами общественно-политического содержания.

В крымскотатарском языке морфологические кальки передаются, как мы отметили выше, точно или неточно. В основе оценки точности калькирования лежит тождество кальки и иноязы-

чия на двух уровнях: семантическом и структурно-морфологическом. Точное калькирование понимается нами не как отражение в кальке стремления максимально точно передать структуру калькируемого объекта, а как возможность языковой системы калькирующего языка воссоздать чужое слово в **единстве значения и формы**, например: рус. *производи + тель* – кр.-тат. *истисал + джы* (*истисал – производство*); рус. *полит + ик* – кр.-тат. *сиясет + чи* (*сиясет – политика*); рус. *равен + ств/о* – кр.-тат. *мусавий + лик* (*мусавий – равный*); рус. *преступ + ник* – кр.-тат. *джинает + чи* (*джинает – преступление*); рус. *испыта + тель* – кр.-тат. *сынав + джы* (*сынав – испытание*) и др.

В неточных кальках структура расположения компонентов, а также их значения в кальках и моделях не совпадают. Например: рус. *без + работ + иц/а* – кр.-тат. *иш + сиз + лик* (дословно на крымскотатарский: *работ + без + иц/а*); рус. *воз + врац + ени/е* – кр.-тат. *къайт + ар + ув* (на крымскотатарском: *къайтмакъ – вернуться*); рус.: *вы+бор/ы* – кр.-тат.: *сай+лав+лар* (*сайламакъ – выбирать*), рус.: *вы+сыл+к/а* – кр.-тат.: *коч+юр+ил+юв* (*кочюрьлемек – быть переселенным*), рус.: *сообщ+ени/е* – кр.-тат.: *биль+дир+юв* (*бильмек – знать*) и др. Из вышеизложенного отметим, что в образовании неточных калек участвуют не все компоненты модели, их значения реализуются только при соединении компонентов кальки в одно слово.

В крымскотатарском языке в процесс морфологического калькирования вовлекаются все грамматические средства, участвующие в образовании лексем общественно-политического содержания. С помощью аффиксов образуются слова, обозначающие понятия, связанные с общественно-политической жизнью народа, названиями лиц по профессии, ремеслу; представители того или иного общественно-политического течения, организации. Сравнительный анализ подобных наименований указывает на то, что суффиксам русского языка *-щик, -чик, -ик, -ник, -тель, -ист* соответствует крымскотатарский четырёхвариантный аффикс *-чы/чи, -джы/джи*. Например: *просвети + тель – маариф + чи, руководи + тель – етек + чи, национал + ист – миллет + чи, избира + тель – сайлав + джы, потреби + тель – истимал + джы* и др.

Не менее важной проблемой, связанной с процессом калькирования, является терминологизация слов, при этом довольно часто наблюдается субстантивация глаголов и прилагательных:

а) при присоединении к прилагательным четырёхвариантного аффикса *-лыкъ/лик, -лукъ/люк* образуются структурно неточные калькированные общественно-политические термины: *гласн + ость – ашкяр + лыкъ, солидарн + ость – бирдем + лик, ответствнн + ость – джевапкяр + лыкъ, един + ство – бир + лик, враждебн + ость – зыддиет + лик, ответствнн + ость – месулиет + лик* и др.

Отметим, что аффиксы *-лыкъ/лик, -лукъ/люк* являются «самыми продуктивными словообразующими формантами во всех тюркских языках» [11];

б) в результате присоединения к глаголам трехвариантного аффикса *-в, -ув/юв* в крымскотатарском языке образуются следующие общественно-политические термины: *высылка – кочюрюлюв (кочюрьлемек – быть переселённым), прописка – язылув (язылмакъ – прописаться), стычка – тутушув (тутушмакъ – сцепиться), признание – танув (танымакъ – узнавать), сообщение – бильдирюв (бильдирмек – сообщать)* и др.;

в) аффиксы *-дар, -даш/деш*, присоединяясь к существительным, также образуют термины общественно-политического содержания: *сторонник – тарафдар (тараф – сторона), правитель – укюмдар (укюм – власть), союзник – иттифакъдаш (иттифакъ – союз), земляк – семетдеш (самет – сторона, край)* и др.

Такие общественно-политические лексемы, как *реабирлитирлеви – реабилитирование, автономлы – автономный, финансирлемек – финансировать, планлаштырмакъ – планировать, коллективлештирюв – коллективизация, реализлемек – реализовать*, мы не относим к полукалькам в крымскотатарском языке. Подобные лексемы мы считаем заимствованиями, так как основа слова заимствуется, а её последующая часть оформляется в соответствии с правилами сочетаемости деривационных аффиксов родного языка. Условием калькирования, на наш взгляд, является перевод словообразующей основы калькируемого объекта, то есть того иноязычного слова, от которого была образована калька.

При анализе газетной крымскотатарской лексики 90-х гг. также наблюдается следующее языковое явление: общественно-политическая лексика формируется посредством калек из русского языка с использованием не только простых, но и составных или сложных тюркских аффиксов:

-лештирюв /лаштырув: оформление – ресмилештирюв, фальсификация – сахтелештирюв, благоустройство – абаданлаштырув;

-лешювлер /лашувлар, -лавлар: переговоры – сёйлешювлер, выборы – сайлавлар (сайлав – отбор), воспоминания – хатырлавлар, сборы – топлашувлар;

-лашув /лешюв: договор – анълашув, собрание – топлашув, беседа – сёйлешюв; -джылыкъ /джилик, -чылыкъ /чилик: законодательство – къанунджылыкъ, общественность – джемаатчы-

лыкъ, исполнительство – иджраджылыкъ, строительство – кзуруджылыкъ, государственность – девлетчилик, руководство – ёлбашчылыкъи др.

Анализ крымскотатарских морфологических калек общественно-политического содержания показывает, что крымскотатарский и русский языки в течение долгого времени сосуществовали на территории Крыма, следствием такого взаимодействия и являются кальки, рассматриваемые в настоящей статье. Изучение способов лексического калькирования и специфика их употребления в процессе освоения иноязычных элементов могут послужить важным шагом на пути теоретического осмысления и системного описания особенностей функционирования данной группы лексики в крымскотатарском языке.

Примечания

1. Шанский Н. М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке.: М.: Рус. яз. в школе, 1955. С. 201.
2. Мулина Р. К вопросу о русских и интернациональных заимствованиях путем калькирования в казахском языке // Ученые записки Казахского государственного университета. Т. 19. Язык и литература. Алма-Ата, 1955. С. 132–140.
3. Гарипова А. А. Калькирование с русского языка на татарский в диахроническом аспекте // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3(1). С. 1074–1077.
4. Зайнулина Г. Ф. Формирование и развитие башкирской лингвистической терминологии. Уфа: Изд-во «Гилем», 2002. С. 105.
5. Мухиярова Р. Х. Развитие лексики татарского литературного языка в 80–90-е годы XX века (на материале периодической печати): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. С. 19.
6. Мухтарова Г. М. Образование татарских наименований насекомых методом калькирования // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 202–206.
7. Чарьяров Ы. Б. Функционирование и развитие туркменского языка в сфере периодической печати (на материалах республиканской печати): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. С. 25.
8. Юсупова С. С. Новые слова и значения в чеченском языке: дис. ... канд. филол. наук. Грозный, 2007. С. 109.
9. Меметов А. М. Русские кальки в крымскотатарском языке // Советская тюркология. Баку, 1986. С. 13–21.
10. Сейдаметова Н. С. Къырымтатар тилининъ лексик теркибини калька япув усулынен инкишаф этильмеси // Труды НИЦ Крымскотатарского языка, литературы, истории и художественной литературы КИПУ. Симферополь, 2011. Т. 1. С. 40–43.
11. Омйрзак Айтбайулы. Основы казахской терминологии. Алматы.: Изд. «Абзал-Ай», 2014.

Notes

1. Shanskiy N. M. Leksicheskie i frazeologicheskie kal'ki v russkom yazyke. Russkij yazyk v shkole [Lexical and phraseological calques in Russian. Russian language at school]. M. 1955. P. 201.
2. Mulina R. K voprosu o russkikh i internacional'nyh zaimstvovaniyah putem kal'kirovaniya v kazahskom yazyke [To the question of Russian and international borrowings by calquing in the Kazakh language] // Uchenye zapiski Kazahskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of the Kazakh State University. 19 Vol. Language and Literature. Alma – Ata. 1955. Pp. 132–140.
3. Garipova A. A. Kal'kirovanie s russkogo yazyka na tatarskij v diahronicheskom aspekte [Tracing from Russian to Tatar in diachronic aspect] // Vesnik Bashkirskogo universiteta – Herald of the Bashkir University. 2010, Vol. 15, №3 (1), pp. 1074–1077.
4. Zaynulina G. F. Formirovanie i razvitie bashkirskoj lingvisticheskoy terminologii [Formation and development of Bashkir linguistic terminology] Ufa. Publ. house “Guillem”. 2002. P. 105.
5. Muhiyarova A. D. Razvitie leksiki tatarskogo literaturnogo yazyka v 80–90-e gody XX veka (na materiale periodicheskoy pechati): abstract. dis. ... kond-ta filol. nauk [Development of vocabulary of Tatar literary language in the 80–90 years of the twentieth century (in the periodical press material)]: abstract dis... Dr of Philology]. Kazan. 1999. P. 19.
6. Muhtarova G. M. Obrazovanie tatarskikh naimenovaniy nasekomykh metodom kal'kirovaniya [Formation of Tatar names of insects by calquing method] // Vestnik CHuvashskogo universiteta Gumanitarnye nauki – Herald of Chuvash University. Humanitarian sciences. Cheboksary. 2008. Pp. 222–227.
7. Charyarov Y. B. Funkcionirovanie i razvitie turkmenskogo yazyka v sfere periodicheskoy pechati (na materialah respublikanskoj pechati): abstract. dis. ... d-ra filol. nauk [Operation and development of the Turkmen language in the periodical press (on the materials of the national press): abstract dis... Dr of Philology]. M. 1982. P. 25.
8. Yusupova S. S. Novye slova i znacheniya v chechenskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk [New words and meanings in the Chechen language: dis. ... Dr of Philology]. Grozniy. 2007. P. 19.
9. Memetov A. M. Russkie kal'ki v krymskotatarskom yazyke [Russian calques in the Crimean Tatar language] // Sovetskaya tyurkologiya - Soviet Turkology. Baku. 1986. Pp. 13 – 21.
10. Sejdametova N. S. Къырымтатар тилининъ лексик теркибини калька япув усулынен инкишаф этильмеси [Development of the lexical structure of the Crimean Tatar language means tracing]. // Trudy NITS Krymskotatarskogo yazyka, literatury, istorii i hudozhestvennoj literatury KIPU – Proceedings of the SIC of the Crimean Tatar language, literature, history and literature CIPU. Simferopol. 2011. Volume 1. Pp. 40–43.
11. Omirzak Ajtbajuly. Osnovy kazahskoj terminologii [Fundamentals of Kazakh terminology]. Almaty. Publishing house “Abzal Ay”. 2014. P. 384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕТЗЯНОВА Лиана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева. 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, 10.

E-mail: lianaorx@rambler.ru

БАТУРИНА Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Московский технологический институт. 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38а.

E-mail: BaturinVK@yandex.ru

БАШМАКОВА Ирина Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, Иркутский национальный исследовательский технический университет. 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

E-mail: bis61@mail.ru

БЕССТРАШНОВ Валерий Александрович – аспирант, факультет гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

E-mail: v.besstraschnow@yandex.ru

БЫСТРОВА Татьяна Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Международный славянский институт. 129085, г. Москва, ул. Годовикова, 9.

E-mail: tpost88@yandex.ru

ВИННИЧУК Александр Александрович – аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук. 344065, г. Ростов-на-Дону, Днепропетровский пер., 116.

E-mail: a250290@ya.ru

ВОЛКОВА Анна Ивановна – аспирант кафедры истории России, Курский государственный университет. 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

E-mail: Aniuta.W@yandex.ru

ВТОРУШИН Михаил Иванович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела, Омский государственный технический университет. 644050, г. Омск, пр-т Мира, 11.

E-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru

ГУСАРОВА Марина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия. 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.

E-mail: suriman@mail.ru

ЗАМАЛЮТДИНОВА Эльмира Рафаиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

E-mail: zamelma@list.ru

ИВАНОВ Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, л. 31-А.

E-mail: ivanov@lunn.ru

Сведения об авторах

ИВАНОВА Анна Андреевна – студентка, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург. 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
E-mail: aivanova1995@icloud.com

ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

КАРЖИНА Галина Альбертовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., 7, к. 212.
E-mail: karzhina_ga@mail.ru

КОМОВСКАЯ Елена Витальевна – кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. 196601, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2.
E-mail: Komovskaya86@mail.ru

КУТЫРЕВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., 7.
E-mail: kut.va@mail.ru

ЛЕВИЦКАЯ Нелля Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4.
E-mail: nellya7@mail.ru

ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Смоленский государственный университет. 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4.
E-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: nina.osipova@list.ru

РАХМАТУЛЛИНА Диана Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51.
E-mail: dinush77@mail.ru

РЕСУТОВА Эльвира Илимдаровна – научный сотрудник Научно-исследовательского института, Крымский инженерно-педагогический университет. 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, 8.
E-mail: elvira.ilimdarovna@mail.ru

САФОНОВА Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18.
E-mail: sekretstar16@rambler.ru

ХАБИБРАХМАНОВА Ольга Аркадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин, Институт социальных и гуманитарных знаний. 420111, г. Казань, ул. Профсоюзная, 11.
E-mail: olgaAH@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AKHMETZYANOVA Liana Mikhailovna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of Russian and Tatar languages, Kazan National Research Technical University n. a. A. N. Tupolev. 10 K. Marx str., 420111, Kazan.

E-mail: lianaorx@rambler.ru

BATURINA Irina Vladimirovna – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor of Department of social and humanitarian disciplines, Moscow Institute of Technology. 38A Leninsky Ave., 119334, Moscow.

E-mail: BaturinVK@yandex.ru

BASHMAKOVA Irina Stepanovna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of foreign languages for technical specialties No. 1, Irkutsk National Research Technical University. 83 Lermontov str., 664074, Russia, Irkutsk.

E-mail: bis61@mail.ru

BESSTRASHNOM Valery Aleksandrovich – postgraduate student, Faculty of Humanities, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: v.besstraschnow@yandex.ru

BYSTROVA Tatiana Evgenievna – Candidate of Culturology, Associate Professor, Professor, head of Department of humanitarian disciplines, International Slavic Institute. 9 Godovikov str., 129085, Moscow.

E-mail: tpost88@yandex.ru

VINNICHUK Alexander Alexandrovich – postgraduate student of Department of theory of culture, ethics and aesthetics, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences. 116 Dneprovsky lane, 344065, Rostov-on-Don.

E-mail: a250290@ya.ru

VOLKOVA Anna Ivanovna – postgraduate student of Department of Russian history, Kursk State University. 33 Radischev str., 305000, Kursk.

E-mail: Aniuta.W@yandex.ru

VTORUSHIN Mikhail Ivanovich – Candidate of historical sciences, senior lecturer of Department of state municipal administration and customs, Omsk State Technical University. 11 Mira Ave., 644050, Omsk.

E-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru

GUSAROVA Marina Aleksandrovna – Candidate of sociological sciences, Associate Professor of Department of General theoretical legal disciplines, Russian State University of Justice. 69 Novochemushkinskaya str., 117418, Moscow.

E-mail: suriman@mail.ru

ZAMALYUTDINOVA Elmira Rafailevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of foreign languages, Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.

E-mail: zamelma@list.ru

IVANOV Andrey Vladimirovich – Doctor of philological sciences, Professor, head of Department of theory and practice in English language and translation, Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobrolyubova. 31A Minin str., 603155, Nizhny Novgorod.

E-mail: ivanov@lunn.ru

IVANOVA Anna Andreevna – student, St. Petersburg school of social sciences and Humanities, National Research University "Higher school of Economics" – Saint-Petersburg. 16 Souz Pechatnikov str., 190008, Saint-Petersburg.

E-mail: aivanova1995@icloud.com

Information about authors

ILCHENKO Natalia Mikhailovna – Doctor of philological sciences, Professor, head of Department of Russian and foreign philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

CARZHINA Galina Albertovna – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor of Department of philosophy, Faculty of social sciences of Nizhny Novgorod State University n. a. N. A. Lobachevsky. Of. 212, 7 Universitetskiy lane, 603000, Nizhny Novgorod.
E-mail: karzhina_ga@mail.ru

KOMOVSKAYA Elena Vital'evna – Candidate of philology, Department of foreign languages and culture, St.-Petersburg State Agrarian University. 2 Peterburgskoe shosse, 196601, Pushkin.
E-mail: Komovskaya86@mail.ru

KUTYREV Vladimir Alexandrovich – Doctor of philosophical sciences, Professor of Department of philosophy, Faculty of social sciences, Nizhny Novgorod State University n. a. N. A. Lobachevsky. 7 Universitetskiy lane, 603000, Nizhny Novgorod.
E-mail: kut.va@mail.ru

LEVITSKAYA Nellya Evgenyevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of Russian and foreign literature of the Crimean Federal University n. a. V. I. Vernadsky. 4 Akademik Vernadskiy Ave., 295007, Simferopol.
E-mail: nellya7@mail.ru

LYZLOV Alexey Igorevich – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of foreign languages, Smolensk State University. 4 Przewalski str., 214000, Smolensk.
E-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – Doctor of philology, Professor of Department of Culturology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: nina.osipova@list.ru

RAKHMATULLINA Diana Eduardovna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of foreign languages, Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.
E-mail: dinush77@mail.ru

RESUTOVA Elvira Ilimdarovna – researcher of Scientific Research Institute, Crimean Engineering-Pedagogical University. 8 Uchebniy lane, 295015, Simferopol.
E-mail: elvira.ilimdarovna@mail.ru

SAFONOVA Svetlana Sergeevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of Department of Russian language and methods of teaching, Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: sekretstar16@rambler.ru

HABIBRAKHMANOVA Olga Arkad'evna – Candidate of historical sciences, Associate Professor, head of Department of philosophy and Humanities, Institute of Social and Humanitarian knowledge. 11 Profsoyuznaya str., 420111, Kazan.
E-mail: olgaAH@yandex.ru

Вестник Вятского государственного университета

Научный журнал № 1 (2017)

Подписано в печать 31.01.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 1000. Заказ № 4361.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36